

Леон Гервей де Сен-Дени

**Сновидения и способы ими управлять:
практические наблюдения**

(перевод с французского: Иван Харун)
(ivkh@list.ru)

2011

*****

Marie Jean Léon Le Coq d'Hervey de Saint Denys

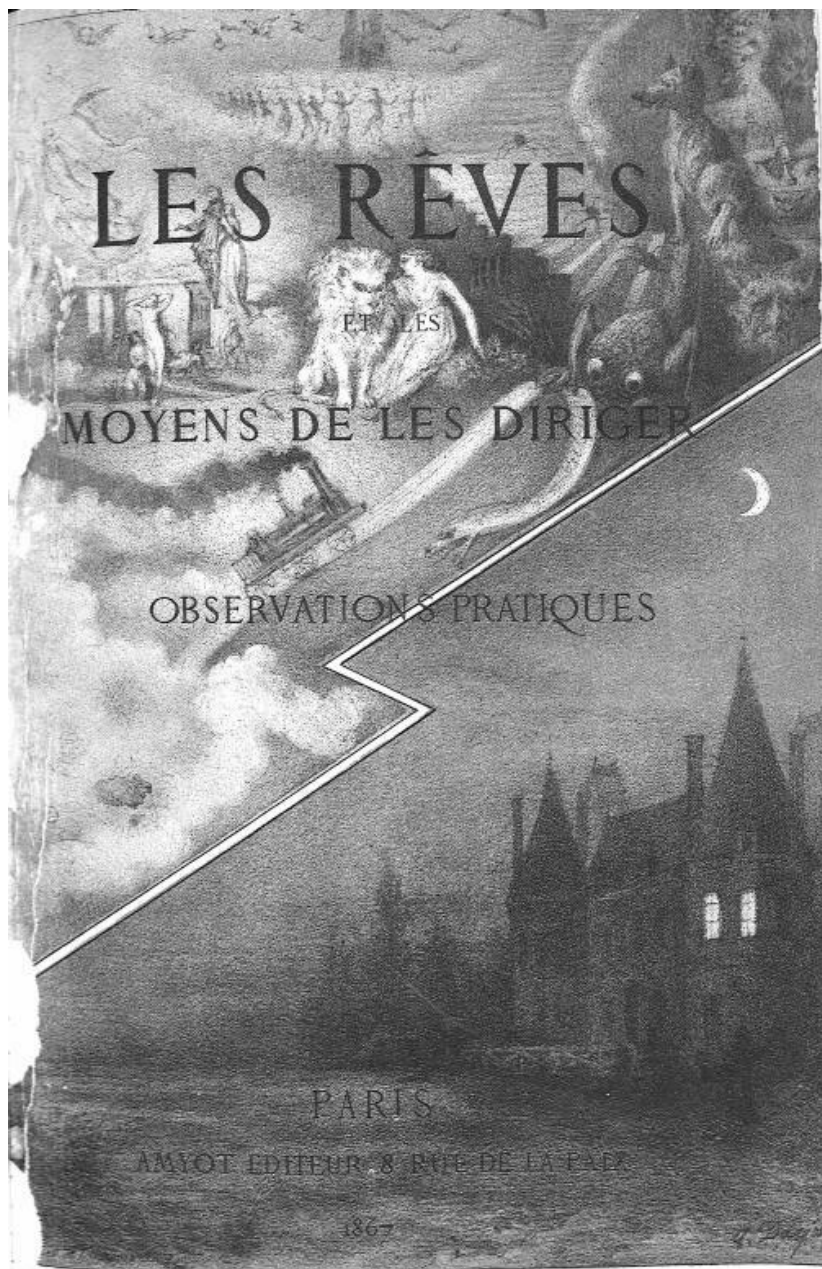
Les rêves et les moyens de les diriger:
observations pratiques

PARIS, AMYOT
1867

АННОТАЦИЯ

Леон Гервей де Сен-Дени /Léon d'Hervey de Saint Denys/ (1822 – 1892) – французский аристократ, преподаватель китайского языка и культуры, автор нескольких книг (переводов) в данной области, глава *Академии изящной словесности*. В настоящее время известен благодаря своей работе по осознанным сновидениям, оказавшейся первым трудом подобного рода. Книга «Сновидения и способы ими управлять» была впервые опубликована в 1867 году, но из-за ничтожного её тиража более ста лет оставалась практически неизвестной даже в научных кругах. Несмотря на свою давность, книга по своей содержательности, разнообразию исследований, опытности автора (на пике своих исследований осознававшего сновидения еженощно) и изящности изложения превосходит все известные на данный момент книги по осознанным сновидениям. Кроме результатов своих исследований, автор подробно описывает и объясняет и некоторые приёмы по управлению сновидениями. Взгляды Гервея чисто научные, и хотя он упоминает некоторые сновидения, которые можно истолковать как внетелесные переживания или вещие сны, он, тем не менее, воздерживается от каких бы то ни было мистических трактовок.

LES RÊVES

ET LES

MOYENS DE LES DIRIGER

OBSERVATIONS PRATIQUES

Si nous rêvions toutes les nuits la même chose, elle nous affecterait autant que les objets que nous voyons tous les jours.

PASCAL.

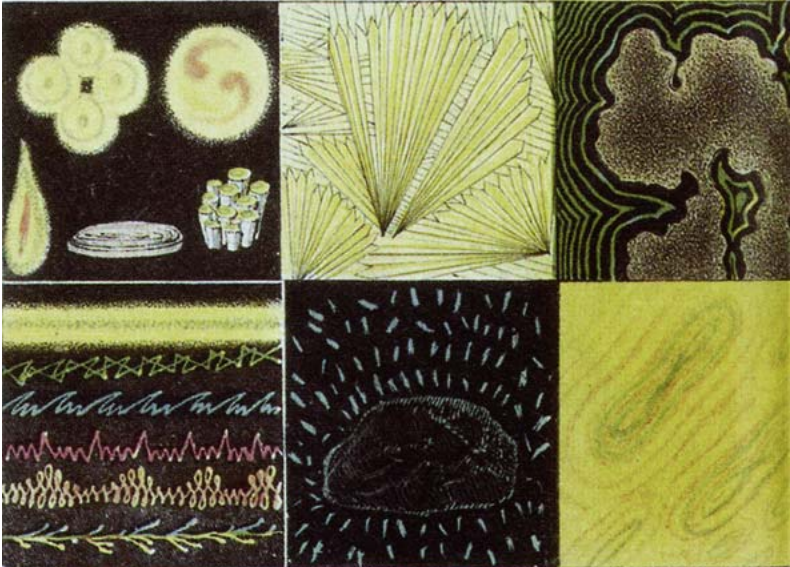
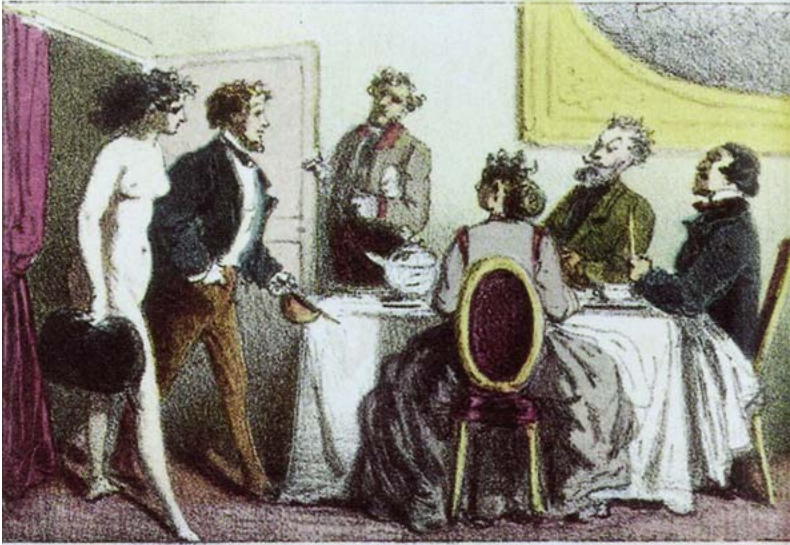

PARIS

AMYOT, ÉDITEUR, 8, RUE DE LA PAIX

1867

LES RÊVES.

Imp. Leavorat & Co. r. de Seine 57, Paris

Pour l'explication du frontispice voir pages 381, 421 et 422.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе

Предисловие переводчика

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТ СЕЙ КНИГИ,
И КАК ОНА СОСТАВЛЕНА

Глава 1. Предварительные сведения. – Для кого эта книга не предназначена. – В каком возрасте и при каких обстоятельствах я начал записывать свои сновидения, а затем и изучать их. – Мои первые шаги и открытия на этом пути. – Как я был вынужден прервать эти исследования, которые впоследствии возобновил. – Почему я не участвовал в конкурсе [на написание книги по вопросам сна] 1855 года, и в каком виде я решил ныне опубликовать свои исследования.

Глава 2. Дневник моих сновидений и первые полученные мною результаты. – Я привыкал всё лучше и лучше вспоминать то, что мне снилось, и пришёл к убеждению, что сна без сновидений не бывает. – Я обрёл способность знать, во время сновидения, что я вижу сон, и наблюдать в этом состоянии за деятельностью своего ума.

Глава 3. Наши видения в сновидении можно определить, как представление глазам нашего ума объектов, которыми заняты наши мысли. – *Nihil est in visionibus somniorum quod non prius fuerit in visu.* – Снимки-воспоминания. – Различие между сновидением и мышлением. – Почему наши видения бывают то такими чёткими, то таким смутными. – Первая проверка некоторых материалистических взглядов. – Сновидение о цветочнице и о нищем. – О памятнике архитектуре и о произведениях искусства, которые представляются нам в сновидении. – Одно весьма замечательное сновидение и выводимые из него следствия.

Глава 4. Об ассоциации и связанности идей; о наложении образов; о чистых абстракциях и происходящих от них чудовищных видениях. – Как переходят от бодрствования ко сну. – Как образуются первые сновидения. – Объяснение нескольких бессвязных и диковинных сновидений. – Двойной принцип, с которым все события сновидения должны необходимо соотноситься. – Полезность знать взгляды древних и современных авторов на многие спорные вопросы, прежде чем самому пытаться их выяснить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В КОТОРОЙ АВТОР ПРИВОДИТ ВЗГЛЯДЫ ДРУГИХ И ПРОДОЛЖАЕТ ИЗЛАГАТЬ СВОИ

Глава 1. Древние: египтяне; халдеи; евреи; арабы; восточные; греки; римляне. – Инкубация. – Этимология слова дремать. – Книги Артемидора. – Гиппократ и его идеи о сновидениях. – Почему отцы Церкви запрещали толкование сновидений. – Секреты, которыми должны были владеть жрецы язычников. – Что нужно думать об онейрокритической науке древних.

Глава 2. От средневековья к современной эпохе. – Пьер Лелойер. – Кардинал Бона. – Воссюс. – Искусство стать счастливым через сновидения, т.е. обеспечить себе такие сновидения, которые желают. – Курт Шпренгель. – Кабанис. – Кондиллак. – Бенжамин Франклин. – Мюллер. – Филон Еврей. – Пьер Бейли. – Мнения этих писателей о предупреждениях и предчувствиях, которые можно извлечь из сновидений. – Школа материалистов. – Бёргав. – О непрерывности мышления, о невоспоминаемости сновидений и о волении, иными словами о действии воли во время сна. – Дарвин. – Формей. – Жуффрой. – Дугалд-Стюарт.

Глава 3. Словарь медицинских наук. – Статья «Сон» Монтфалькона. – Я отклоняю чисто теоретические диссертации, чтобы обратиться главным образом к методу наблюдения. – Развитие аксиом: *Motus in somno intro vergunt; Somnus nil aliud est quam receptio spiritus vivi in*

sese. – Сравнение между активными и пассивными силами тела и ума. – Действенные причины сна, как они перечислены Монтьфальконом. – Переход от бодрствования ко сну всегда характеризуется минутами мечтания. – Об отключении внимания при приближении ко сну.

Глава 4. Статья «Сновидение» и статья «Грёзы» Моро (де ла Сарта). – § 1. Общие рассуждения. – § 2. Состояния умственных способностей во время сна и сновидений, и параллельно, относительно этого состояния бреда и сновидений. Моро допускает сон без сновидений. – Как Жуффрой оспаривает это мнение. – Моро утверждает, что все активные операции ума должны быть остановлены, чтобы человек находился в настоящем сне; другими словами, сновидение наступает только тогда, когда сон потревожен. – § 3. Как и почему образуются сновидения. – Критические замечания по этому поводу. – § 4 и 5. Как сновидения становятся чувственными, и что следует понимать под ясностью и яркостью сновидений. – О вечерних и утренних сновидениях. – Моро считает, что у нас нет власти над образами наших сновидений, я это оспариваю. – Как и почему человек не судит правильно о течении времени в сновидении. – О феномене ассоциации идей. – О том, что, по моему, самые ясные сновидения имеют место в самом глубоком сне. – § 6. О характере, ощущениях и идеях во время сновидений, и об иллюзорных восприятиях в частности. – В сновидении ощущения более живы, чем в состоянии бодрствования. – О работе ума, когда он создаёт сновидение. – О том, что необходимо избегать слишком тонких различий в отношении классификации сновидений. – Соната Тартини. – Занимательный факт, сообщённый Моро (де ла Сартон). – Болезненные и похотливые сновидения. – § 7. О развитии, ходе и сюжете различных видов сновидений. – Можно ли уловить момент начала сновидений? – § 8. Медицинское толкование и классификация сновидений. – Кошмары. – Инкубы. – О ясности ума сомнамбул и галлюцинантов. – Мнения Лелу, Мэна де Бирана, Раттьера, Аделона, Бриера де Буамона, Мюллера, Маганди, Биша, Гассенди, Пьера Леру.

Глава 5. О сне с физиологической и психологической точек зрения (Альберта Лемуана). – Существует ли сон без сновидений? – Следует ли видеть в сновидении особый вид мышления? – О переходе от бодрствования ко сну. – Новые рассуждения о значении слов сновидеть и мыслить. – Нуждается ли душа в отдыхе? – Теория возбуждения нервов, и система Мэна де Бирана. – Как Лемуан объясняет спутанность

сновидений. – О большей или меньшей точности в образах, и почему наши сновидения очень редко предлагают нам равную степень ясности. – Среди каких-то обстоятельств одна дама видела во сне брата, которого потеряла много лет до этого. – Ухудшения некоторых *отпечатков в памяти* и чудесное сохранение других. – О переходах посредством замещения или наложения образов. – Об участии каждого из наших органов чувств в образовании наших сновидений. – Беспомощность материалистических теорий объяснить иллюзии сна. – Переменная активность и пассивность нашего ума, и следствие из этого явления относительно структуры наших сновидений. – Как я классифицирую сновидения. – О влиянии телесных ощущений на ум во время сновидений, и реакция озабоченностей ума на органы тела. – Что иногда мешает сну быть восстанавливающим. – Природа усилия, совершаемого умом, чтобы разбудить тело. – Душевная чувствительность. – Чувства, которые испытывают в сновидении, всегда ли они похожи на испытываемые в бодрствовании? – О состоянии ума в сновидении, и почему рассуждения в этом состоянии часто такие ошибочные. – Сравнение сновидения с безумием. – О сознания, памяти, ассоциации идей и воображении согласно Лемуану. – Важные различия относительно роли, которую играет в наших сновидениях воображение. – О внимании и двигательной способности.

Глава 6. Краткий разбор недавнего труда Альфреда Мори́ «Сон и Сновидения». – Гипногические галлюцинации. – Об уме, как функции мозга и о мозговой локализации умственных способностей, согласно учению этого писателя. – Интересные наблюдения, сделанные Мори над собой. – Растворяющиеся образы. – О сновидениях, в которых вспоминают предыдущее, ранее забытое сновидение. – Как можно в сновидении совершать преступные действия без угрызений совести, и в каком смысле нужно понимать, что наша свободная воля нас тогда покидает. – Взгляды д-ра Макарио и д-ра Цериза, которые более близки с моими, чем со взглядами Альфреда Мори. – Размышления Шарма и Бриллата Саварина по поводу крайней чувственности некоторых сновидений. – О том, что изучение естественного сна и сновидений является лучшей подготовкой к изучению сомнамбулизма и магнетизма [гипнотизма]. – Некоторые размышления д-ра Цериза, подытоживающие обзор писателей, рассматривающих вопрос о сне и сновидениях с древности и до наших дней.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРАКТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СНОВИДЕНИЙ И СПОСОБОВ УПРАВЛЕНИЯ ИМИ

Введение

Глава 1. НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СНОВИДЕНИЙ ПЕРВОЙ СТАДИИ СНА И ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПОКАЗАТЬ, ЧТО СНА БЕЗ СНОВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ.

Самые первые выдержки из моих дневников сновидений. – Опыты, проведённые над моим другом во время его сна. – Первые сновидения, когда мне удалось уловить момент перехода от бодрствования ко сну. – О глубине сна и живости сновидений в различные часы ночи. – Как глубина сна и живость сновидений зависят попеременно от состояний тела и ума. – Самые убедительные опыты в поддержку того мнения, что образы, составляющие сновидение, тем живее, чем глубже сон. – О том насколько длинные сновидения мы в состоянии вспомнить по пробуждении. – Основные выводы из рассмотренных в этой главе вопросов.

Глава 2. НАБЛЮДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО НИ ВНИМАНИЕ, НИ ВОЛЯ НЕ ОБЯЗАНЫ ОТКЛЮЧАТЬСЯ ВО ВРЕМЯ СНА.

Первые условия, необходимые для управления сновидениями. – Как воля может отклонить мучительные сновидения и вызвать приятные. – Примеры действия воли и внимания в сновидении. – Воля под видом желания. – Управляющая воля. – Внимание и воля. – Способ резкого изменения хода сновидения, и вызывание определённых образов по воле. – Что происходит, когда в сновидении человек создаёт такую ситуацию, в которой он никогда не оказывался в реальности. – При каких условиях в сновидении оказывается трудно и даже мучительно удерживать внимание. – Как должна действовать воля, чтобы немедленно проснуться, когда человек понимает, что оказался игрушкой мучительного сновидения, и что он твёрдо хочет выйти?

Глава 3. НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СНОВИДЕНИИ СПОСОБНОСТЕЙ РАССУЖДЕНИЯ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ.

О том, что иногда чувство реальности добавляется к иллюзиям сновидения, и о том, что бессмысленные рассуждения в сновидении совсем ещё не доказывают ущербность или ухудшение способности рассуждения.

Глава 4. НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ УЧАСТИЯ ПАМЯТИ И ВООБРАЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ НАШИХ СНОВИДЕНИЙ.

Почему я объединил эти наблюдения в одной главе. – Возможности и функции воображения, заметно ли они изменены во время наших сновидений? – Память сновидящего человека, может ли она обрести такую силу, каковой она не обладает у бодрствующего человека? – Воображение, может ли оно нам предложить, в сновидении, точные и чёткие образы объектов, которых мы никогда ни видели, ни слышали и к которым никогда ни прикасались в действительности? – Один замечательный отрывок из книги Мори. – Сновидения, в которых нам кажется знакомой некая ситуация или некий персонаж, которые по пробуждении нам кажутся совершенно незнакомыми. – Сновидения, о которых сохраняют память от одного сновидения к другому. – Причуды памяти. – Постоянная предрасположенность нашего ума действовать через диалог, когда он рассуждает или размышляет. – Сила индукции, доказательством которой является воображение во сне. – Воображаемые персонификации. – Вид душевного раздвоения. – Как память приобретает больше энергии. – Сновидения, в которых воображение показывает себя творческим. – Психологические проблемы.

Глава 5. НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОБОСТРЕНИЯ ДУШЕВНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И УМСТВЕННОЙ АБСТРАКТНОСТИ В СНОВИДЕНИИ, И КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ УМА, КОТОРУЮ ОН ВЫПОЛНЯЕТ, СНОВИДЯ.

Об обострении чувствительности вообще. – Различие между научными и литературными работами, исполняемыми в сновидении, с точки зрения ценности, какую они могут иметь. – Стихосложение в сновидении. – Сновидение одного шахматиста и уроки, которые он получил,

касательно силы воображения. – Как можно объяснить сновидение, не прибегая к чудесному. – Сновидение одного блестящего математика. – Влияние некоторых сновидений на мораль человека и на его поступки в реальной жизни.

Глава 6. НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОБОСТРЕНИЯ В СНОВИДЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ, И ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН, КОТОРЫЕ МОГУТ ИНОГДА К НЕЙ ПРИВОДИТЬ.

Тонкие восприятия внешних вещей и сильное ощущение того, что происходит в нас: таково принятое мною разделение для классификации собранных мною наблюдений. – Примеры внешней и внутренней чувствительности. – Закономерности между определёнными состояниями тела и определёнными сновидениями ума. – Повторение некоторых сновидений есть явление, причина которого заслуживает исследования. – Физически больные как и жертвы какого-нибудь душевного перевозбуждения не могут переживать ясные и связные сновидения. – Пример одного сновидения, где два противоположных начала действовали одновременно. – О сверхчувственных сновидениях, и о тех, что развиваются под влиянием различных наркотиков.

Глава 7. НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ХОДОМ И ТКАНЬЮ СНОВИДЕНИЙ В ОБЩЕМ, ЗА МНОГОЧИСЛЕННЫМИ СПОСОБАМИ СНОВИДЕТЬ ТО, ЧЕГО ЖЕЛАЕМ, И ЗА ТЕМ, КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕПРИЯТНЫХ ОБРАЗОВ, КОТОРЫЕ ИНОГДА НАМ НАВЯЗЫВАЮТСЯ.

Трудность проследить за цепью ассоциаций идей в подавляющем большинстве сновидений. – Первые различия, которые необходимо установить. – Переходы, которые осуществляются в сновидении, посредством ассоциаций идей, проистекающих из порядка, следуя которому воспоминания располагаются хронологически в памяти. – Как можно спровоцировать определённые сновидения и тем самым сновидеть то, что хочешь. – Первичные и вторичные идеи. – Объяснение сновидения, представленного на обложке. – О явлении, которое я называю ретроспекцией, и о его частом проявлении в сверхчувственных сновидениях. – Другие примеры сновидений, спровоцированных или управляемых различными способами, лёгкими на практике. Как ум может прийти к идее, посредством ощущения, которого он не воспринимал. – Переходы, которые осуществляются в сновидении посредст-

вом абстракций, совершаемых умом. – Качественные абстракции чувственного порядка. – Последовательные преобразования, на которые способно воображение. – О том, что для того чтобы ткань сновидения была логически связной, не нужно чтобы она была и в самом деле беспрерывной, и при каких обстоятельствах ум не испытывает никакого удивления от сновидений самых причудливых и самых чудовищных. – Абстракции умственного порядка. – Как ум иногда проходит от порядка умственного к порядку чувственному. – Указание на один вид абстрактного мышления, которое даст новые примеры в дополнительной главе, что последует.

Глава 8. РАЗНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ, ИЛИ ПРОЯСНЯЮЩИЕ НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О различных гипногических видениях. – Новые примеры способа, каким сцепляются идеи, и каким образом сплавляются, преобразуются и замещают друг друга. – Переходы посредством подстановки персонажей очень часты в наших сновидениях. – Они иногда переносят на личность того, кто сновидит, действие, которое он сначала видел вне себя. – Странные и бессвязные на первый взгляд сновидения, которые, однако, объясняются очень легко ранее изложенными принципами. – Главная идея, проходящая сквозь многочисленные вторичные идеи. – Две идеи, идущие бок о бок. – Сюрприз, который может нам доставить, в сновидении, наша собственная память. – Двоедушие. – Логика сновидений. – Иллюзии, от которых трудно защищаться. – Рассказы многочисленных непрерывных сновидений, когда можно применить некоторые принципы, изложенные в этой книге, в том, что касается средств вызывания или уклонения от некоторых видений и наблюдений за собой в сновидении. – Последние извлечения из моих тетрадей, содержащие некоторые отдельные наблюдения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ: СНОВИДЕНИЕ ПОСЛЕ ПРИЁМА ГАШИША

ЛИТЕРАТУРА ПО ОСОЗНАННЫМ СНОВИДЕНИЯМ

ОБ АВТОРЕ

Мари-Жан-Леон Лекок Гервей (Marie Jean Léon Le Coq d'Hervey) родился 6 мая 1822 года в Париже. Его мать – Mélanie Louise Joséphine Juchereau de Saint-Denys, отец – барон Pierre Marin Alexandre Le Coq d'Hervey. После смерти своего отца 4 июня 1858 года был усыновлён своим дядей по материнской линии – Amédée Vincent de Juchereau de Saint-Denys, что дало ему право носить титул *маркиз де Сен-Дени*. В 1868 году, в возрасте 46 лет женился на Louise de Ward, 18-летней австрийской баронессе; детей у них не было. Скончался 2 ноября 1892 года.

В возрасте 19-и лет поступил в школу восточных языков, где изучал китайский и крымско-татарский. Автор нескольких книг, связанных с китайской тематикой. Одно время возглавлял *Академию надписей и изящной словесности* (Académie des Inscriptions et Belles Lettres), преподавал китайский язык в Collège de France. Был награждён орденом почётного легиона.

В настоящее время известен почти исключительно благодаря своей книге «Сновидения и способы ими управлять: практические наблюдения», опубликованной анонимно в 1867 году и явившейся первой книгой, центральной темой которой был феномен *осознанного сновидения*. Книга была издана очень малым тиражом, так что даже

Зигмунд Фрейд в 1900 году писал: «Альфред Мори, в своей книге *Сон и Сновидения* (1878, стр. 19) яро выступает против Гервея, книгу которого я так и не смог достать, несмотря на все свои усилия.» Именно Альфред Мори, возможно, лично знавший Сен-Дени, первым упомянул его как автора анонимно изданной книги. Затем, в 1911 году вышла книга Николая Вашида «Сон и сновидения» (N.Vaschide «Le Sommeil et les Rêves»), в которой он посвятил целую главу работе маркиза де Сен-Дени.

Переиздана книга была лишь в 1964 году, но с сокращениями. Затем в 1977 году последовало повторное издание сокращённого варианта. На английском языке была издана в 1982 году в очень сильном сокращении. Полностью переиздана (на французском) лишь в 1995 году благодаря стараниям французского общества Oniros.

Активный интерес к сновидениям проявился у Гервея в 13-и летнем возрасте, и вначале сводился он к тому, что Гервей, занимаясь рисованием, решил заносить свои сновидения в альбом. Затем он стал добавлять к своим рисункам краткие пояснения и, вскоре, это увлечение переросло в настоящее научное исследование, особенно после того, как, спустя полгода таких занятий, он впервые обрёл сознание во сне. Спустя ещё полгода он стал осознавать сновидения каждую ночь – способность, которую он сохранял на протяжении всей последующей жизни, по крайней мере, до момента издания его книги, в которой он об этом и общается.

Помимо сознательного наблюдения за ходом своих сновидений, и установления закономерностей, которым подчиняются события сновидений, Гервей провёл множество экспериментов, в частности, он предложил метод, следуя которому всякий может научиться видеть сны на заданную тему, суть которого сводится к тому, чтобы ус-

тановить у себя (во время бодрствования) условный рефлекс – ассоциативную связь – между каким-либо *раздражителем* (например, мелодией) и заданным образом, который хотим увидеть во сне (например, какого-то человека), что достигается многократным повторением *раздражителя*, сопровождаемого созерцанием заданного образа (или даже мысленного представления его); как только условный рефлекс создан, остаётся только включить заданный раздражитель (мелодию) во время сна и по физиологическому закону, открытому всем известным И.П. Павловым, этот раздражитель неизбежно вызовет в спящем мозге тот образ, с которым он был связан, т.е. он нам приснится. Таких экспериментов Гервей Сен-Дени провёл множество с самыми разными раздражителями (звуками, ароматами, прикосновениями) и их сочетаниями. Также в книге описываются и объясняются многие другие методы по управлению сновидениями, в частности – по восстановлению чёткости сновидения, если оно начинает её утрачивать.

И. Х.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемая вниманию русского читателя книга исключительно по следующим причинам: это первая книга (1867 г.) почти целиком посвященная исследованию сновидений через осознанные сновидения; сам автор является наиболее искусным сновидцем из всех писавших о сновидениях после него. Им записано и зарисовано 1942 сновидения на протяжении пяти лет. На пике такого интенсивного практического изучения сновидений он осознавал себя в сновидении каждую ночь, и даже полностью прекратив записывать свои сновидения, осознанные сновидения продолжались примерно раз в две ночи.

В книге представлен невероятно богатый практический материал, к тому же он очень удачно распределён. Каждый пример занимает своё место и предназначен, чтобы подтвердить тот или иной взгляд автора, в отличие от многих книг, где все примеры свалены в одну кучу, и прочитав несколько начинаешь уставать от однообразия.

Главным предметом его исследований является работа психических функций человека в сновидении, как то: мышление, память, воображение, логика, обострение чувствительности и т.п.; а также приёмы, которые позволяют воздействовать на сновидения, как то: вызывать в сновидении заданный образ или избавиться от навязчивого образа, восстановить чёткость рассеивающегося сновидения и т.п. Всё это исследуется с научной точки зрения. Но хотя в книге и нет ничего мистического, она будет полезна и тем, кто рассматривает сновидения, как способ соприкосновения с мистическим; полезна в том смысле, что позволит объяснить многие сновидения, кажущиеся мистическими, обычным способом и тем самым позволит не заострять на них своё внимание и не выдумывать мистические

объяснения тому, что объясняется ассоциативной работой ума.

Сен-Дени не вводит какое-либо специальное название для осознанных сновидений, т. к. не считает их чем-то принципиально отличным от обычных сновидений, т. е. он не рассматривает осознанные сновидения как иное состояния сознания, отличное как от состояния бодрствования, так и от состояния сновидения. Осознанное сновидение для него – это сновидение, в котором задействованы внимание, воля, осознание. В отличие от Сен-Дени, Фредерик Эден¹ выделил осознанные сновидения в отдельный класс, на том основании, что считал их качественно новым состоянием сознания, объективным состоянием, которое распознаётся по наличию особого чувства, которое человек испытывает, пребывая в этом состоянии. При этом следует отметить, что осознание (сам Эден избегает этого термина ввиду его субъективности, но говорит о *вспоминании повседневной жизни в сновидении*) ещё не является определяющей характеристикой этих сновидений; осознание своего состояния может иметь место и в других классах сновидений, которые качественно отличаются от осознанных [lucid] сновидений.

Как и для Эдена, для Сен-Дени осознанные сновидения – это возможность исследования сновидений, поиска в них закономерностей, но в отличие от него, он не находит в осознанных сновидениях ничего мистического.

И.Х.

---

¹ Фредерик ван Эден. Исследование сновидений в состоянии ясного сознания, 2011. – прим. И.Х.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТ СЕЙ КНИГИ,
И КАК ОНА СОСТАВЛЕНА

ГЛАВА 1

Предварительные сведения. – Для кого эта книга не предназначена. – В каком возрасте и при каких обстоятельствах я начал записывать свои сновидения², а затем и изучать их. – Мои первые шаги и открытия на этом пути. – Как я был вынужден прервать эти исследования, которые впоследствии возобновил. – Почему я не участвовал в конкурсе [на написание книги по вопросам сна] 1855 года, и в каком виде я решил ныне опубликовать свои исследования.

Следить за умом в его прихотливых странствиях по нумеральному миру³; тщательно исследовать определённые детали картин сновидения, дабы пролить яркий свет на них в целом; пытаться на опыте установить взаимосвязь между реалиями жизни и иллюзиями сна – вот дело, уже само по себе представляющее значительный интерес; но если в ходе его выполнения обнаружилось бы доказательство того, что во время всех этих многочисленных превратностей нашего воображаемого бытия наша воля вовсе не бездействует; если бы обнаружилось, что человек иногда может управлять иллюзиями своего сновидения подобно тому, как он управляет событиями дня; что он может повторно вызвать какое-то волшебное сновидение, подобно тому как в реальной жизни он может вернуться в какое-то любимое место, то нет и тени сомнения в том, что такая перспектива

---

² С первого же появления в этой книге слова *rêve* [сновидение, грёзы, мечты], я должен предупредить читателя, что я не делаю никакого различия между *rêve* и *songe* [сон, сновидение]. Т.е. я употребляю эти два термина, не делая между ними различия. – прим. автора.

³ *Monde idéal* – имеется ввиду *мир сновидений* с противопоставлением его *миру феноменальному*. – прим. И.Х.

должна привлечь к себе особое внимание; наш интерес к сновидениям тогда принял бы такой характер, который и представить-то себе невозможно заранее.

Разве сновидения не составляют третью часть всего нашего бытия? Разве для *ищущих*, сновидение не тесно связано с той великой тайной душевно-телесной двойственности человека, которую никогда не устанут исследовать? Разве среди чувствующих себя живыми, найдётся хоть один, который не хранит, хотя бы смутно, воспоминание, какого-нибудь завораживающего сновидения, оставившего в его памяти нежный и неизгладимый след?

Как же воображение создаёт такие восхитительные зрелища, когда оно единолично властвует, освобождённое от всех связей и ограничений, которые на него накладывает реальная жизнь?! Да, конечно, иногда бывают кошмары, чудовища, ужасы, которые вызывают крайне мучительные эмоции; но ведь бывают же и сказочные страны, и очаровательные видения, и прелестные чувства, и неслыханной остроты ощущения, которые заставляют нас по пробуждении сожалеть о краткости ночи!

Я прекрасно понимаю, что подобные взгляды будут встречены с неодобрением теми людьми, которые утверждают, что всегда имели лишь дурные сны, и которые отвергают, как бессмыслицу, саму идею того, что их ум мог бы в сновидении бодрствовать; но это никак не для них я публикую эту книгу; я настоятельно прошу их не читать её. Те же, от которых я жду одобрения, не окажутся специалистами, заранее предрасположенными исследовать вопрос лишь с одной стороны. Автор не является доктором медицины и в ещё меньшей степени философии. Какая же тогда у него квалификация, что он берётся за такую деликатную тему? Несомненно, читатель имеет право это знать, и я не представляю себе лучшего способа дать ему такое

знание, как просто рассказать ему, как эти страницы увидели белый свет.

Воспитанный в своей семье, где я проводил свои занятия без соучеников, я работал один, вдали как от отвлечений, так и от присмотра, делая свои домашние задания в установленный час, впрочем, будучи свободным сокращать свои часы занятий, следуя своим вдохновениям или своему желанию. Так, предоставленный самому себе, мне часто удавалось завершать своё задание раньше положенного времени. Но врождённая лень, присущая всем мальчишкам, не позволяла мне, как хорошо известно, кричать об этом; так как малейшее свободное время было для меня предпочтительней, чем какие-либо дополнительные занятия, назначать которые всегда было кому. Я использовал эти минуты досуга тем или иным образом. Иногда я рисовал карандашами, иногда раскрашивал то, что было нарисовано. Однажды меня посетила идея (мне тогда шёл четырнадцатый год) взять в качестве темы для своих зарисовок воспоминания одного сновидения, которое меня очень поразило. Результат показался мне интересным и, вскоре, у меня уже был целый альбом, в котором я зарисовывал сцены и фигуры из сновидений, сопровождая их пояснениями, в которых детально описывались обстоятельства, предшествующие или последующие тому или иному видению.

Нобуждаемый желанием обогатить этот альбом, я приучил себя воспроизводить всё с большей и большей лёгкостью фантастические элементы моих иллюстрированных рассказов. По мере того как я упражнялся в ведении дневника своих ночей, пробелов в нём становилось всё меньше; цепь событий становилась всё более связной, какими бы причудливыми эти события ни были. Опыт мне неоднократно доказывал, что там, где я поначалу констатировал настоящий разрыв в разворачивании картин сно-

видения, которыми был занят мой ум, на самом деле меня подводила моя память; и мало-помалу я пришёл к убеждению, что сна без сновидений не существует, точно так же как не бывает состояния бодрствования без мышления. В то же время, я стал замечать развитие у себя, под влиянием привычки, одной способности, которой я обязан самой большей части наблюдений, приведённых ниже, а именно – *часто осознавать в сновидении своё настоящее положение*, сохранять в сновидении память о своих дневных занятиях, и, как следствие, сохранять над своими идеями достаточную власть, чтобы направлять их, в зависимости от обстоятельств, в том или ином направлении, которое мне хотелось им придать.

Итак, детство закончилось, и я загорелся любопытством узнать, чему же учат знаменитые авторы по этому предмету сна и сновидений, который я до сих пор изучал только самостоятельно. Признаться, моему удивлению не было предела, когда я узнал, что самые знаменитые психологи и физиологи едва ли пролили несколько тусклых лучей света на то, что, по моим представлениям, должно было бы быть целью их прямого исследования, что они не разрешили ни одну вставшую предо мною трудность, и что они даже поддерживали такие теории, относительно некоторых явлений, ложность которых часто доказывалась моим практическим опытом. С этого момента, особенно заострив своё внимание на некоторых наименее ясных психологических тайнах, я решил найти им объяснение в течение самого сна, воспользовавшись той, уже давно приобретённой способностью: *часто сохранять в ходе своих сновидений определённую свободу ума*.

Первые завоевания этой непрерывной работы воодушевили меня так сильно на то, чтобы её продолжать, что в течение многих месяцев мне, можно сказать, ничего другого и в голову не приходило. Размышляя в течение дня

над вопросами, ответы на которые интересовали меня больше всего и стараясь не упустить в течение сновидений, когда я осознавал своё положение, ни единой возможности, чтобы что-то открыть или узнать, я научился стряхивать с себя сон сильным усилием воли всякий раз, когда меня поражал какой-нибудь особенный ход моего ума; и хватая тогда карандаш, всегда находящийся возле моей кровати, я спешил сделать заметки, почти что на ощупь, с полужакрытыми глазами, пока с этими тонкими впечатлениями не произошло то, что случается со скоротечными образам чёрной камеры⁴, так быстро исчезающими при свете дня.

Возражение, которое мне предьявляют, напрашивается само собой: «Вы вовсе не спите, – скажут мне. – Этот странный сон, о котором вы говорите, не есть настоящий сон». На это я отвечаю искренне, что, поначалу, я и сам был склонен так думать. Меня стали одолевать головные боли, и я счёл необходимым прервать свои ночные странствия ума; но небольшой отдых вернул мне здоровье, не ухудшив приобретённую мною способность иногда наблюдать за собой во время сновидения, и вот уже на протяжении двадцати лет я сохраняю за собой эту способность. И мне кажется, что я всего лишь раскрыл в своей душе естественные силы, подобно тому, как путём усиленной гимнастики развивают силы телесные; только вместо ломоты в мышцах, я испытал кратковременную душевную усталость. Итак, хотя я и допускаю возможность существования таких типов психики, которые неспособны к приобретённым мною навыкам, подобно тому как существуют телосложения, несовместимые с упражнениями на трапеции или трамплине, я, тем не менее, совершенно убеждён, что

---

⁴ Чёрная камера или камера обскура – название фотоаппарата того времени. – прим. И.Х.

взявшись за это, как то сделал я с возраста, когда природа податлива ко всему, что от неё требуется, многие люди смогут достичь такого же мастерства как и я, в управлении иллюзиями своих сновидений – результат, конечно, неожиданный, но совсем не болезненный и не аномальный.

И сказал, что из-за беспокойства о своём здоровье, я был вынужден прервать, пусть и на небольшой срок, исследования своих собственных снов. Постепенно я к ним вернулся, на этот раз без чрезмерного усердия и без переутомления. Кое-какие открытия воодушевили меня. Мои чаяния не имели больше границ; я задумал, ни много ни мало, дать полную теорию сна и сновидений. Такая перспектива заставила меня удвоить усилия. Но по мере того, как я продвигался в изучении этого предмета, по мере того, как я проникал в этот пугающий лабиринт, я увидел, как трудности непомерно возрастают и усложняются. Если мне и не всегда удавалось дойти до первопричин тех или иных явлений, то, по крайней мере, проследить за их ходом и развитием я мог, каковыми бы быстрыми ни были вспышки, при свете которых я проникал в глубины этих неизведанных областей, что заставило меня почувствовать с ещё большей силой, насколько я далёк от выполнения задания, за которое я дерзнул взяться. Моё бессилие воздвигнуть систему казалось мне тогда таким полным, да что там систему, даже трудности по согласованию собранного мною материала казались такими непреодолимыми, что сразу же за первым рвением последовало уныние; и, будучи поглощён другими занятиями, я оставил эту идею.

Однако, мне было трудно об этом не думать, учитывая то, что я сохранял в большинстве своих сновидений сознание своего состояния спящего человека; так что я часто невольно возвращался к занятиям, которые захватывали меня в течение многих лет. Так, перед моим умом возникал какой-нибудь новый феномен, и какая-нибудь

случайность наводила меня на долгоискомое решение, и я не отказывал себе в удовольствии отдать этому всё своё внимание; и, хотя я и отказался бороться, я, тем не менее, продолжал собирать материал.

Когда в 1855 году философское отделение *Академии юридических и политических наук*⁵ выступило с предложением провести конкурс на создание теории сна и сновидений, то мои друзья, с которыми я делился своими исследованиями, начали активно побуждать меня войти в число конкурсантов; но помимо того, что мне было слишком трудно принять программу такой, каковой она была предложена⁶, меня ещё останавливала, как я уже говорил, невозможность нарисовать в своём уме полный план здания этой науки.

Так, я с нетерпением стал ждать публикации работы победителя. Я прочёл её с жадностью, и с удовольствием нашёл там объяснения многим фактам, к которым я пришёл и сам, впрочем, они были изложены гораздо лучше, чем это смог бы сделать я, но были и разочарования. Мне казалось, что г-н Лемуан был вынужден бороться в точности с тем же громадным препятствием, которое оста-

---

⁵ Académie des Sciences Morales et Politiques. – прим. И.Х.

⁶ Тема, предложенная на конкурс, была сформулирована так: «О сне с психологической точки зрения. Каковы способности души, которые остаются, или бездействуют, или значительно изменяются во время сна? Какова существенная разница между сновидением и мышлением? Конкурсанты должны включить в свои исследования сомнамбулизм и его различные виды. В естественном сомнамбулизме, имеется ли сознание и сохраняется ли личность? Искусственный сомнамбулизм, существует ли он? Если он существует, то исследовать его и описать наименее спорные его черты, познакомить с ними те из наших факультетов, которые занимаются этим и пытаются предложить относительно этого состояния души теорию, согласно правил здравого философского метода.» – прим. автора.

новило меня; а именно – обязательство приспособлять своё изложение к заранее представленным требованиям. Рядом с крайне удачными фрагментами, имелись такие, где неуверенность пера вполне указывала на то, что автор предпочёл бы их не писать.

¶Проводя ниже исторический обзор мнений, высказанных в разные эпохи относительно сна и сновидений, я проанализирую и этот труд, так же как и две более недавние публикации г-на Альфреда Морí и г-на д-ра Макарио; но я должен сразу же заявить, что столь часто встречаемые там рассуждения о приливах крови, о жизненных жидкостях, о нервных фибрах и т.д. и т.п. вызывают у меня сожаление, так как эти возобновлённые рассуждения старой школы, на мой взгляд, ничего не объясняют. Нам слишком мало известно о тайных связях, которые соединяют душу с материей, чтобы брать анатомию нашим гидом в исследовании самого высшего, что есть в психологии.

¶Так, несмотря на всё то разумное и изобретательное, что было опубликовано по поводу сна и сновидений с тех пор как существуют книги, перед наблюдателем-практиком ещё открыт целый мир неизвестного. Построить всё здание этой науки – выше моих сил; но, подобно путешественнику, который восполняет недостаток своего знания точностью своих наблюдений, я также смогу сделать свой вклад в развитие этой науки.

¶Не буду следовать никакому другому методу, кроме как методу изложения своих замечаний и своих соображений в порядке, к которому меня призывает, как мне кажется, ход логики и рассуждения; поэтому я не навязываю никакой строгой классификации и буду возвращаться к одним и тем же фактам всякий раз, когда будет уместно взглянуть на них с другой точки зрения, или вывести из них некоторые новые следствия. Я постараюсь настолько

точно, насколько возможно выразаться о том, что я чувствовал, испытывал, узнавал; в чём повторные опыты убедили меня наверняка; или о чём я лишь догадываюсь.

И наконец, пользуясь сравнением, которое я уже приводил, можно сказать, что я предоставлю свою часть материала для возводимого здания, оставляя какому-нибудь более искусному архитектору заботу о завершении строительства.

ГЛАВА 2

Дневник моих сновидений и первые, полученные мною результаты. – Я привыкал всё лучше и лучше вспоминать то, что мне снилось, и пришёл к убеждению, что сна без сновидений не бывает. – Я обрёл способность знать, во время сновидения, что я вижу сон, и наблюдать в этом состоянии за деятельностью своего ума.

Как я уже говорил, мне исполнилось тринадцать лет, когда я начал вполне регулярно вести дневник своих сновидений. Этот дневник, состоящий из двадцати двух тетрадей, заполненных цветными рисунками, представляет последовательность из тысячи девятисот сорока шести ночей [1946], т.е. более чем пяти лет. Прежде чем углубиться в подробности содержащихся в нём рассказов и выводов, которые можно из них извлечь, сделаем сначала несколько общих замечаний об этих документах в целом.

В течение первых шести недель, в нём едва ли найдётся рассказ, который не содержал бы многочисленных пробелов. На каждом листе видны заметные пробелы, либо в сновидении, либо в воспоминании, которое я о нём сохранил. Иногда даже встречаются краткие пометки, которые просто указывают, что в такой-то день я не вспомнил совершенно ничего.

С третьего по пятый месяцы ведения дневника, недостатка в связности становилось всё меньше и меньше и, в то же время, подробности рассказов постоянно росли. Последнее упоминание о сне, сновидения которого не оставили в моей памяти и следа, относится к сто семьдесят девятой ночи.

Можно ли заключить из этого факта, что с тех пор

сны снились мне гораздо чаще, и что именно привычка к занятиям своими сновидениями во время бодрствования заметно повлияла на мою предрасположенность к сновидениям? Умение мыслить растёт с опытом; так что нет ничего необычного в том, чтобы распространить этот же закон и на умение больше сновидеть, в смысле, иметь больше более живых и более разнообразных сновидений; но многочисленные фрагменты моего дневника, написанные в то время, когда у меня ещё не было никакого укоренившегося мнения, доказывают мне, что всё дело именно в моём умении вспоминать свои сновидения, которое, в силу привычки, росло изо дня в день, или, лучше сказать, из ночи в ночь. Пытаясь отыскать воспоминания прошедшей ночи, мне, иногда, ни с того ни с сего, случалось вспомнить последовательность событий предыдущего сновидения, прежде забытого. Тогда я пришёл к выводу, что меня подводила именно память, когда я был склонен обвинять свои сновидения в пробелах. Это мнение, которое впоследствии стало для меня глубоким убеждением, а именно, что мышление никогда не угасает совершенно полностью, точно так же как и кровь никогда полностью не прекращает циркулировать, уже начало у меня складываться, когда я писал фразы, как эти:

«14 июня. – Этой ночью у меня не было сновидений, или, скорее, я ничего не вспомнил; так как мне кажется невозможным, чтобы я провёл целую ночь без снов.»

«28 июня. – Ничего, абсолютно ничего; как я ни ломал себе голову, я так и не смог вспомнить, что мне снилось минувшей ночью.»

«7 июля. – (После описания некоторых подробностей одного сновидения этой ночью): Только что мне вспомнилось сновидение, которое имело место в четверг на прошлой неделе, которое я совершенно не помнил после сво-

его пробуждения. Я был на корабле... (и т.д. Идёт пересказ сновидения, и затем:) Это уже не первый раз, когда, только спустя несколько дней, я вспоминаю отрывки сновидений, которые я не вспомнил в тот же день; но это первый раз, когда мне случилось вспомнить сновидение полностью и после стольких дней. Я удивлён, потому что много раз я замечал противоположное, а именно, что для того чтобы хорошо вспомнить подробности сновидения его необходимо записывать сразу же после пробуждения, не начав думать о чем-либо другом.»

Это последнее размышление ещё станет предметом некоторых частных наблюдений ниже. Сейчас же, я ограничусь лишь указанием на то, что шесть месяцев непрерывного внимания и ежедневного упражнения оказалось достаточно, чтобы приучить мой ум в момент просыпания всегда сохранять память о сновидениях прошедшей ночи.

Начиная с этого времени и в течение более чем двадцати лет мне ни разу не пришлось копаться в своей памяти по пробуждении, так как она не только сразу же предоставляла мне общее впечатление о сновидении, но ещё и сразу же воспроизводила весь сюжет сна.

Наши привычные дневные занятия и заботы оказывают огромное влияние на природу наших сновидений, которые являются, в основном, отражением нашего реального существования. Эта истина кажется настолько банальной, что об этом и не стоило бы упоминать, если бы я не был обязан этой зависимости той способностью наблюдения за собой во сне, которая позволила мне собрать данные, которые я публикую сегодня. Привычка размышлять в течение дня о своих сновидениях, анализировать их и описывать привела к тому, что эти элементы моей повседневной умственной жизни так плотно вошли в мою память, что смогли проявиться в моём уме во время сна. Так,

одной ночью мне снилось, как я записываю свои сновидения. По пробуждении, я крайне сожалел, что в сновидении не осознал этой исключительной ситуации. Какая прекрасная возможность упущена! – говорил я себе; сколько интересных наблюдений мог бы я провести! Эта идея преследовала меня много дней подряд и, благодаря тому что она осаждала мой ум, такой же сон не замедлил присниться, с той только лишь разницей, что теперь я имел совершенное чувство [=осознание] того, что я вижу сон, и я мог направлять своё внимание на те детали сновидения, которые меня интересовали в особенности, и при этом сохранять о них, по пробуждении, более чёткие и лучшие впечатления. Этот новый способ наблюдения постепенно достиг огромных масштабов. Он стал источником точных исследований, по мере того как я начинал относиться к своим исследованиям как к чему-то большему, чем просто времяпрепровождению.

Первое сновидение, когда я, спя, имел это чувство [=осознание] о своём настоящем положении, соответствует в моём дневнике двести седьмой ночи; второе – двести четырнадцатой. Ещё шесть месяцев спустя это же явление воспроизводилось, в среднем, два раза на пять ночей. К концу года – три раза из четырёх. И наконец, после пятнадцати месяцев, оно проявлялось почти еженощно и, с того времени, уже такого далёкого, я могу засвидетельствовать, что едва ли когда мне случается пребывать во власти иллюзий сновидения и при этом не обретать чувства [=осознания] реальности, по крайней мере с промежутками.

ГЛАВА Э

Наши видения в сновидении можно определить, как представление глазам нашего ума объектов, которыми заняты наши мысли. – *Nihil est in visionibus somniorum quad non prius fuerit in visu.* – Снимки-воспоминания. – Различие между сновидением и мышлением. – Почему наши видения бывают то такими чёткими, то таким смутными. – Первая проверка некоторых материалистических взглядов. – Сновидение о цветочнице и о нищем. – О памятнике архитектуре и о произведениях искусства, которые представляются нам в сновидениях. – Одно весьма замечательное сновидение и выводимые из него следствия.

Наши видения в сновидении можно определить, я полагаю, как: *представление взору нашего ума объектов, которыми заняты наши мысли.*

Наша память, если воспользоваться сравнением, взятым у открытий современной науки, подобна покрытому коллодием стеклу, которое мгновенно запечатлевает изображения, спроецированные на него через объектив *чёрной камеры* [фотоаппарата]. Если этот прибор в исправности и если изображение спроецировано чётко, то фотопластинка будет давать ясные и точные изображения каждый раз, когда от неё это потребуется. И наоборот, если изображение воспринято смутно, при неблагоприятном освещении, расстоянии, чувствительности [фотопластинки]; или же если экспозиция коротка для того чтобы изображение могло оставить заметный след, то на фотопластинке получатся лишь расплывчатые силуэты, неопределённые тени и смазанные черты.

Впрочем, память имеет над фотографическим аппаратом то чудесное превосходство, которое имеют все силы

природы – самостоятельно возобновлять свои средства действия. Её «фотопластинка» всегда готова удержать (с большей или меньшей чёткостью, в зависимости от времени и обстоятельств) всё, что в ней отражается. У каждого из нас в памяти имеются огромные ‘ящики’, где скапливаются воспоминания, точно так же, как и для фотографий имеются большие шкафы, куда складывают фотопластинки. Среди этих снимков найдутся и такие, которые, если вы их покажете самому фото-оператору, не будут им ни узнаны, ни вспомнены, если с момента их фотографирования прошли многие годы, за которые перед его глазами прошли тысячи других фотографий. Насколько же и нам бывает трудно узнать всё то, что могут хранить в себе неисследимые глубины нашей памяти, в которой *снимки-воспоминания* нагромождаются без счёта в каждое мгновение нашей жизни и большей частью без нашего ведома. Одно дело обладать, другое – знать, чем обладаешь. Одно дело запоминать, другое – знать, что запомнил.

Итак, указав, как, согласно моим представлениям, осуществляется создание того, что я назвал *снимками-воспоминаниями*, теперь я сделаю три предложения, которые являются обобщением того, что было сказано выше:

- 1) Большая или меньшая чёткость видимых нами в сновидении образов зависит, чаще всего, от большей или меньшей степени совершенства, с которым были первоначально образованы *снимки-воспоминания*.⁷
- 2) Когда нам кажется, что мы воспринимаем в сновидении персонажи или предметы, о которых наши

---

⁷ Это относится к осознанным сновидениям, а не к тем, в которых несовершенство образов зависит от несовершенства сна. Это замечание будет подразумеваться всегда. – прим. автора.

глаза ещё не имели никакого понятия, это происходит исключительно от того, что мы потеряли прямое воспоминание обстоятельств, которые были при образовании снимков-воспоминаний, которым эти видения обязаны, или что мы не можем вспомнить первообраз под формой, изменённой работой воображения.

Об этом, изменяя знаменитую аксиому, можно сказать:

*Nihil est in visionibus somniorum quod non prius fuerit in visu.*⁸

- 3) Природа *снимков-воспоминаний*, которыми запасается наша память, будет оказывать на наши сновидения огромное влияние. Привычные взаимоотношения, среда обитания, всевозможные зрелища, на которых присутствуют, созерцаемые картины, альбомы и чтения предоставляют памяти массу возможностей бесконечно наращивать количество своих *снимков-воспоминаний*. То, что в действительности является всего лишь произведением художника, в сновидении зачастую обретает тело и вид реальности; таким образом, что тогда, собственно говоря, мы сновидим воображаемых персонажей; но разве это не в точности то, что осуществляется в реальной жизни, когда мы отпускаем воображение на поиски некоторых сравнительно новых понятий? Что для человека означает творить? Что такое изобретать, в рисовании, в литературе, в поэзии? Разве это не сочетать и соединять в новое целое различные средства обольщения, элементы которых нам предоставляет наша память, т.е. наши

---

⁸ Ничего нет в сновидении, что раньше не было в видении. – прим. И.Х

снимки-воспоминания?

Между мышлением и сновидением, тем не менее, существует такая огромная разница, что свет дня и окружающего мира никогда не позволит (в реальной жизни) нашим простым мыслям облачиться в чёткую и определённую форму⁹, тогда как в сновидении, когда 'ставни' закрывают внешний свет, нет такой мысли, относительно какого бы то ни было реального объекта, которая не сопровождалась бы соответствующим образом, т.е. всё, что мы воображаем, тотчас же показывается с большей или меньшей ясностью, которую допускают снимки-воспоминания.

Но как в сновидении устанавливается поток идей? Какие причины заставляют мышление заниматься тем или иным объектом? Мы исследуем это в своё время, после того, как исчерпаем обязательные предварительные темы.

Но сперва посмотрим, опираясь на три выше высказанных предложения, какие примеры может предоставить мой дневник в их поддержку.

Моё первое замечание относится к одному явлению, которое каждый мог констатировать неоднократно, а именно: наряду с совершенно ясными видениями, есть другие, и в большем числе, которые кажутся спутанными, неопределёнными и как бы окутанными туманом. Когда же всё сновидение целиком выглядит или туманным, или чётко прорисованным, то причиной тому зачастую является большая или меньшая глубина сна, что совершенно понятно; но когда рядом с ясными картинами, появляются

---

⁹ За исключением галлюцинаций в собственном смысле этого слова, которые я рассматриваю, как сновидения бодрствующего человека. — прим. автора.

другие, неясные и тёмные, то какая тому причина?

Теоретики, которые пытаются найти всему объяснение в нервной системе, не испытают никакого затруднения ответить вам на этот вопрос. Они вам скажут, что это происходит от того, что корешок мозгового нерва, который передаёт вам неясный образ, не был достаточно возбуждён, по сравнению с корешком другого нерва, который вызвал чёткую картинку; и тем хуже для вас, если такое пре-красное объяснение вас не вполне удовлетворяет. Что до меня, то я кратко отвечаю: я не знаю, что происходит с корешками моих мозговых нервов, но вот что происходит в области, открытой моему скромному взору:

Напротив окон моего дома находилось ателье цветочниц. Одна из них доставляла мне много отвлечений, во время записывания моих сновидений; мои глаза часто отвлекались от Тацита, чтобы взглянуть в её сторону; к тому же, в этом созерцательном любовании ещё и воображение играло большую роль, ибо наш дом был отделён от дома, где она проживала, двором и садом, но каковыми бы пристальными ни были мои взгляды, мне удавалось охватить лишь общие черты её грациозного внешнего вида, черты же её лица всегда оставались немного нечёткими. Эта притягательная озабоченность не могла не проявиться, поймите меня правильно, тем или иным образом в моих сновидениях. Я нашёл восемь сновидений, имевших место в течение третьего года моих ежедневных записей, в которых упомянуто о вторжении в них моей соседки среди самых разнообразных событий. Два раза я видел её только из окон моего дома, как то случалось каждый день наяву; в другой раз я оказался перенесённым в ателье, где она работала; я её встретил в дверях; я видел её в сопровождении моих родителей; я поболтал с ней, наконец-то, я увидел её очень близко. Везде, где в моём журнале поднимался о ней вопрос, неизменно высказывалось сожаление, что я не мог

чётко разглядеть её лица, как будто бы её всегда наполовину окутывала назойливая дымка или слабая тень.

№ тому же, в этом самом дневнике моих сновидений, имеется рисунок одного старого нищего очень странного вида, который просил у нас однажды вечером милостыню крайне странными словами, о котором сказано что он появлялся в сновидениях три раза, хотя и не оказывал на меня достаточно живого впечатления. Сновидения, в которых он появлялся, были очень ясными и детальными. Однако фигура этого старого цыгана никогда не выходила из полутени. Данный *снимок-воспоминание*, будучи смутным с самого своего возникновения, не мог предоставить взору моего ума более чёткий образ, чем он содержал, и будучи вызван ассоциацией идей, которая заставила его появиться среди множества других чётких образов, этот образ существенно неопределённый лишь лучше подчёркивал такой обычный в сновидениях контраст, когда рядом с крайне выразительными картинами находятся смутные наброски.

Этих двух примеров вполне достаточно, чтобы охарактеризовать это первое замечание, подкрепляемое, впрочем, другими многочисленными наблюдениями в моих заметках.

№ перехожу ко второму предложению, хорошее обоснование которого не менее важно, а именно, к тому, где я выдвигаю мнение, что все образы наших сновидений берутся из *снимков*, сделанных в реальной жизни. Поскольку это предложение тесно связано с третьим, относящимся к способу, которым наша память заполняется, я приведу несколько примеров, которые смогут подойти сразу к двум.

Среди читателей, которые окажут мне честь просмотром этой книги, вряд ли найдутся такие, которые не спрашивали себя иногда: как, не будучи ни архитекторами, ни скульпторами, ни художниками, они могут видеть в

своих сновидениях сооружения великолепного стиля, картины и статуи редкого совершенства, созданные, по видимому, одной лишь силою их воображения. Этот факт, когда человек, не умеющий в состоянии бодрствования нарисовать ни фигуру человека, ни простой домик, вдруг обретает способность, благодаря лишь сновидению, изобретать великолепные дворцы и писать картины, шедевры, достойные руки мастера, является чрезвычайным, на который хочется особо обратить внимание. Сам я был крайне удивлён тем, что не увидел исследования этого вопроса ни у одного из авторов, чьи писания о снах и сновидениях попадались мне под руку. Тем не менее, этот первостепенной важности факт, который, как я считаю, не может быть оспорен, что время от времени в сновидениях воспринимают памятники и произведения искусства качества сильно превосходящего обыденные изобретательные способности сновидца, и о которых, как ему кажется, он не имел до того момента ни малейшего представления, – логика приводит нас к такой неизбежной дилемме: или приписать воображению спящего человека действительно сверхъестественную силу, или признать, что он имеет, сам того не зная, в тайниках своей памяти, все *снимки-воспоминания*, способные создавать эти замечательные видения.

Правильно сформулированный вопрос – решённый вопрос. Сверхъестественное не может играть никакой роли в сборнике практических наблюдений, подобном этому. Посмотрим же, что нам скажет опыт в поддержку ответа, который напрашивается сам собой.

Многочисленные цветные рисунки из моего журнала сновидений позволяли мне много раз находить, после достаточно значительного промежутка времени, первичный вид некоторых видений, обязанных воспоминаниям некоторых гравюр, некоторых мест, или некоторых прохожих. Так, во время одного посещения деревни, у одного родст-

венника, которого мы время от времени навещали, я однажды узнал одну старую карикатуру, висевшую на стене в коридоре, которая, казалось, копировала черты лица и одеяния одного призрака, который явился в моём сновидении двумя годами ранее. Прошло более года между тем событием, когда я должен был бы впервые увидеть эту карикатуру, и событием, когда впечатление об этой картине, которое я, очевидно, сохранил, ожило в моём сне. Однако к тому моменту это воспоминание оказалось настолько затёртым, что я смог нарисовать и разукрасить этого призрака из своего сновидения, не сомневаясь в том, что мне никогда ничего подобного не попадалось на глаза.

Несколькими днями позже меня поразил один чрезвычайный факт, который можно даже назвать приключением. Тогда я вступил в период, когда мне перестали сниться сны, в которых я не был бы в полном сознании.¹⁰ Я сделал одно сновидение очень ярким, очень связным, очень чётким, во время которого мне снилось, что я в Брюсселе (где я никогда не был). Я неторопливо прогуливался, проходя по оживлённой улице, по сторонам которой располагались многочисленные магазины, пёстрые вывес-

---

¹⁰ Это состояние ума возрастает или уменьшается, в зависимости от того, больше или меньше его практикуют. В течение того периода своей жизни, когда я ежедневно занимался своими сновидениями, я оказывался в этом состоянии почти каждую ночь. Сегодня, когда я занимаюсь этим лишь изредка, осознание своего положения в сновидении приходит примерно раз в две ночи. Если я старался анализировать или управлять иллюзиями сновидения, я мог удерживать сознание достаточно долго. Если же, наоборот, я позволял ему пройти подобно мимолётной идее, я мог его потерять, с тем чтобы снова его обрести и снова потерять, быть может, мигами. Но как только сам принцип этого состояния усвоен, я считаю себя вправе утверждать, на основании моего опыта и опыта многих других, что его никогда окончательно не теряют, и что ему снова можно придать большой размах, как только захотят его задействовать. – прим. автора.

ки которых простирались на своих длинных кронштейнах над прохожими. «Вот уж действительно исключительное зрелище, – говорил я себе, – воистину невозможно, чтобы моё воображение изобрело такие подробности. Идея того, что дух, как считают на Востоке, может путешествовать совершенно один, тогда как тело спит, не казалась мне гипотезой, достойной внимания. Но всё-таки, я никогда не был в Брюсселе, и, тем не менее, вот знаменитая церковь Сен-Гудул в объёме, которую я знаю по её гравюрам. Эта улица, у меня нет ни малейшего сомнения, что я никогда не ходил по ней ни в каком городе. Если моя память может хранить, без ведома моего ума, такие подробнейшие впечатления, этот факт заслуживает быть установленным; вне всякого сомнения это станет предметом занимательной проверки. Главное – оперировать с вполне достоверными данными, и, как следствие, с хорошо наблюдаемыми.» Сразу же я занялся исследованием одного из магазинов с крайним вниманием, с мыслью о том, что если мне когда-то случится его узнать, чтобы у меня не было в том ни малейшего сомнения. Это был трикотажный магазин, и он стал центром внимания глаз моего ума, смотрящих на этот воображаемый мир. Сперва я заметил, что в качестве его вывески были два пересекающихся чулка – один красный и другой белый – нависающих над улицей, и увенчанных огромным полосатым чепчиком. Несколько раз я прочёл имя торговца, чтобы хорошо его запомнить; я обратил внимание на номер дома, а также на стрельчатую форму маленькой двери, сверху украшенной узорной цифрой. Затем я стряхнул сон сильным усилием воли, что могут всегда сделать, когда имеют чувство [=осознание] быть во сне, и, не позволяя времени стереть эти такие живые впечатления, я поспешил их записать и тщательно зарисовать все подробности. Несколькими месяцами позже, мне предстояло посетить Брюссель, и я не пожалел бы ничего, что-

бы выяснить факт, который вызвал во мне самые фантастические предположения. Итак, я с непередаваемым нетерпением стал ждать того времени, когда моя семья отправится в Бельгию. Оно настало. Я помчался к церкви Сен-Гудул, которая казалась мне старой знакомой; но, когда я стал искать улицу с разнообразными вывесками и тот приснившийся мне магазин, я не нашёл ничего, совершенно ничего, что бы его напоминало. Напрасно я методично обходил все торговые кварталы этого кокетливого города; в итоге мне пришлось признать бесполезность моих поисков и отказаться от них. По правде сказать, я страшно боялся возможного успеха, который обязательно вверг бы меня в область фантазии и чудесного. Отныне я знал, что я имел дело всего лишь с психологическим явлением, вероятно объяснимым; и ничуть не предвидя, будет ли мне дано дать этому точное объяснение, я с ещё большим спокойствием вернулся к добросовестному анализу явлений, доступных человеческому исследованию.

Прошло много лет. Я почти забыл этот эпизод из моих юношеских лет к тому времени, когда я был приглашён посетить различные места в Германии, где я уже бывал в свои совсем молодые годы. Так, я оказался во Франкфурте, неторопливо куря сигару после завтрака, шагая вперёд без какого бы то ни было намеченного маршрута. Я вышел на улицу Юденгассе, как вдруг, какая-то совокупность неопределённых воспоминаний начала смутно проникать в мой ум. Я напрягся, чтобы выяснить причину этого странного впечатления; и вдруг я вспомнил цель своих бесполезных походов по Брюсселю. Сен-Гудул, конечно же, не виднелась в перспективе; но это определённо была та улица, что нарисована в моём журнале сновидений; здесь были точно те же причудливые вывески, такие же прохожие, такое же движение, которое меня так сильно впечатлило в моём сне. Как я сказал, один дом в

том сновидении стал главной целью моего дотошного обследования. Его вид и его номер сильно врезались в мою память. Итак, я решил его отыскать не без трепета в сердце. Настигнет ли меня новое разочарование, или же, наоборот, я найду окончательную отгадку этой загадки, одной из самых интересных, какие я себе ставил? Можете себе представить моё удивление, и, в то же время, мою радость, когда я стоял лицом к одному дому, в точности похожому на тот дом из моего сновидения; что, казалось, вернуло меня на шесть лет назад, и я ещё не проснулся. Если бы это было в Париже, у меня были все шансы не найти больше ни эту характерную дверь, ни старую надпись над нею, ни традиционную вывеску с неизменным именем торговца. Но во Франкфурте, до которого, к большому счастью, лихорадка еврейских погромов не докатилась, я смог увидеть подтверждение своим взглядам, к которым я уже пришёл давным-давно, и об образовании *снимков-воспоминаний*, без ведома того, кто их собирает, и о чёткости образов, которые эти *снимки* могут вызывать в сновидении перед глазами нашего ума.

Очевидно, я уже проходил по этой самой улице, когда был во Франкфурте впервые, т.е. за три или четыре года до моего сновидения; я ничуть в этом не сомневаюсь, но я не могу объяснить, почему так случилось, что все попавшие в поле моего зрения объекты мгновенно были сфотографированы моею памятью с поразительной точностью. Однако моё внимание, согласно значению, какое обычно придают этому слову, должно было оставаться чуждым этой таинственной работе, совершившейся стихийно, поскольку я не сохранил ни малейшего осязательного воспоминания об этом. В этом есть материал к серьёзным размышлениям для каждого, кто захочет исследовать скрытые силы человеческого мышления.

Всё же остаётся ещё один вопрос. Почему картина

сновидения была усложнена этой церковью Сен-Гудулы? Почему этот памятник, который вы никогда не видели до вашего сновидения, вдруг оказался в ваших воспоминаниях о Франкфурте? Опираясь, в этом отношении, на многочисленные аналогичные наблюдения, я без колебания отвечаю:

¶Первым делом надо исследовать возможную связь, которая может образоваться через ассоциацию идей, между знаменитой церковью в Брюсселе, вид которой я знал из гравюр, и той улицей во Франкфурте, одним из моих реальных воспоминаний. Быть может, признак такой связи обнаружится в какой-нибудь гравюре, в том виде двух больших вывесок, которые украшали фасады соседних к той церкви домов, и которые предоставляют много аналогии с теми, которые находятся вдоль той улицы во Франкфурте. Но это лишь одна не столь важная деталь, над которой должны главенствовать принципы, которые я должен установить первым делом. Приняв эти принципы, одновременное видение церкви в Брюсселе и улицы во Франкфурте становится тогда одним из самых простых явлений. Как только первая идея вызвала вторую, тут же появляются соответствующие образы, сплетая в одну картину два воспоминания.

¶Посмотрим же, сперва в общих чертах, как в сновидении разворачиваются идеи, как они ассоциируются и сочетаются, каковы, наконец, первые основы, на которые мы сможем опереть наши рассуждения.

ГЛАВА 4

Об ассоциации и связанности идей; о наложении образов; о чистых абстракциях и происходящих от них чудовищных видениях. – Как переходят от бодрствования ко сну. – Как образуются первые сновидения. – Объяснение нескольких бессвязных и диковинных сновидений. – Двойной принцип, с которым все события сновидения должны необходимо соотноситься. – Полезность знать взгляды древних и современных авторов на многие спорные вопросы, прежде чем самому пытаться их выяснить.

Бе, кто занимаются философскими и психологическими науками условились понимать под *ассоциацией идей* то родство, благодаря которому идеи вызывают одна другую, неважно, существует ли между ними легко видимые узы родства, или же той тайной объединяющей связью становятся определённые особенности, определённые источники или общие абстракции. Итак, я оставляю за этим выражением его привычное значение, и напоминаю здесь те принципы, которые я установил выше, а именно: 1) что образы сновидения, представляющиеся перед глазами ума, являются исключительно теми объектами, которыми занято мышление; 2) что как только какая-то идея всплывает, тотчас же представляется сопряжённый с нею образ; я скажу: движущаяся панорама наших видений будет в точности соответствовать ходу чувственных идей; будет существовать прямая зависимость между движением, определённым ассоциацией идей и мгновенным вызыванием образов, которые будут последовательно вырисовываться перед глазами нашего ума.

Таким образом, видение является всего лишь следствием; главным же является сама идея. Образ сновидения,

таким образом, относится к вызывающей его идее, как образ волшебного фонаря [проекторного аппарата] – к производящему его освещённому стеклу. Признав эту сопряжённость и установив это различие между причиной и следствием, нам остаётся проанализировать только тот ход, ассоциацию и, если мне позволят использовать это слово, близость случайных идей в сновидении, чтобы понять структуру сновидений, и также чтобы объяснить массу странных запутанностей, массу фантастических концепций, массу кажущихся неоднородностей, которые окажутся совсем простыми и совершенно логичными явлениями, как только удастся понять вполне рациональный порядок их развёртывания с самого их начала.

С помощью своих личных наблюдений я позже попытаюсь показать несколько затерянных тропинок из этого лабиринта; сейчас же, я хочу напомнить то, в чём каждый может удостовериться сам.

Во время бодрствования, находясь во власти житейских забот, мы направляем наши идеи на путь, какой нам будет угоден, не позволяя им отклоняться от заданного направления. Однако у нас имеются минуты душевной пассивности, во время которых мы предаёмся тому, что принято называть *мечтанием*. Это состояние является промежуточным между бодрствованием и сновидением. Каждый, и не раз, замечал себя за этим занятием, находясь в дороге, когда гудок на станции или какое другое случайное обстоятельство резко приводило нас к чувству реальности, внезапно захватывая нас в разгар операций нашего собственного ума. Итак, главный закон, который управляет в сновидении стихийным ходом идей, проявляется и в этой ситуации.

Последняя мысль, которая меня занимала, до того как я отдался этому мечтанию, была, я думаю, о друге, от

которого я недавно получил известия, и кто путешествовал по Италии в своё удовольствие. Его письмо напомнило мне моё пребывание в Риме, и сразу же оживило воспоминания о Колизее. Мне случилось повстречать в Колизее одного моего знакомого живописца, прекрасного человека с огромным талантом, которого, вскоре после этого, забрала смерть. Я подумал о том дне, когда продавали его картины и его незаконченные холсты. Сразу же в моей памяти ожил один эскиз; на нём были изображены два молоденьких бретонских крестьянина, полных грации и жизни, из всех сил пытающихся освоить, как и их старшие братья, лопату и молотильный цеп. Затем я перенёсся во времена, когда и я любил овладевать инструментами и лейками нашего садовника, слишком тяжёлых для моих десятилетних рук. И вот я полностью потонул в запутанном потоке воспоминаний детства, которые увлекали меня всё дальше и дальше.

Добавьте сюда образы, и это мечтание превратится в настоящее сновидение. Образы? Но разве они уже не начали смутно проявляться, когда стук останавливающегося поезда внезапно выдернул меня из моей дремоты или же моего сна?

Один женеvский философ, Жорж Лесаж, – рассказывают, – чуть не сошёл с ума, когда отчаянно и безуспешно пытался словить свой собственный ум в момент перехода от бодрствования ко сну, или, выражаясь точнее, к сновидению. Должно быть ему случалось переживать, в карете или дилижансе, то что, как я только что рассказал, случается в поезде с каждым из нас. Его ошибка, таким образом, просто была в том, что он не понял, что это мечтание и есть само сновидение в своём начале; и что, мучая свой ум непрерывным занятием, он как раз останавливал этот естественный и стихийный поток идей, без которого переход от бодрствования ко сну не может свершиться.

Но мере того, как тело засыпает, по мере того, как реальность отдаляется, ум всё отчётливее замечает чувственные образы объектов, которыми он занят. Если думать о каком-нибудь человеке или о каком-нибудь месте, то человек, одежды, деревья или дома, составляющие часть этих образов постепенно перестают быть просто неясными силуэтами, а начинают вырисовываться и раскрашиваться всё более и более чётко. Я даже спрошу, мимоходом, всех тех, кто знаком с бессонницей, и кто иногда ждёт сна с нетерпением, не замечали ли они часто, что этот столь желанный сон, наконец, приближается, как только они начинают различать более чёткие видения, при их кратковременных засыпаниях. Дело в том, что эти кратковременные засыпания с яркими видениями и являются мгновеньями настоящего сна. Переход осуществляется от простого мечтания к яркому сновидению без какого-либо разрыва в потоке идей.

Но, — могут меня спросить, — как вы объясните те бессвязные, чудовищные, странные, бесформенные сновидения, ни один тип которых не может встретиться в реальной жизни и, как следствие, не может быть взятым из памяти? Этот совершенно естественный поток идей, который мы констатируем при мечтании, и о котором вы нам говорите, как о самом сновидении, кажется, не содержит ни единого его элемента.

На это я отвечу сперва, что каковым бы простым ни было это мечтание засыпающего человека, оно содержит первые зародыши бессвязности, которая происходит от смешения времён и мест. Воспоминание одного события, одного человека или одной вещи, оказавшее на нас впечатление в какой-нибудь период нашей жизни, влечёт за собой, в качестве фона картины, образ дома, сада, улицы, одним словом — места, в котором данное впечатление первоначально было получено. Пока человек только *думает*, эта

картина будет оставаться в тени, но она нарисуеться, как только мечтание углубиться, и сразу же проявиться, когда начнётся сон. Итак, часто будет случаться, что эта картина не сотрётся так же быстро, как сопутствующая ей мысль, и, подобно декорациям в театре, которые не достаточно быстро сменяются для игры сцены, её будут продолжать видеть, но теперь она не будет иметь никакого отношения ни к месту, ни ко времени тех эпизодов, которые будут разворачиваться. Так, если бы мне приснилось, что я в Швейцарии, где я вижу загородные домики, которые мне напоминают домик Жюля Жанина у входа в Булонский лес [в Париже], и если бы воспоминания о Жюле Жанине погрузили бы меня в воспоминания об одной знаменитой оперной певице, которую я встречал у него, то я, быть может, вообразил бы, как слушаю пение этой актрисы среди водопадов или льдов [виденных в горах Швейцарии].

То, что справедливо для фона картины, будет происходить также и в отношении большого числа второстепенных деталей, или даже в отношении некоторых ярко выраженных образов, которые будут продолжать занимать ум, после того как первая идея исчезнет, уступив место другой. Так, например, я представляю себя сперва присутствующим на бое быков, где один из тореадоров смертельно ранен разъярённым животным; затем, в силу ассоциаций идей, я оказываюсь перенесённым к своим друзьям в Нормандию (где я также видел одного разъярённого быка). Я увижу, быть может, ещё, среди этой мирной сцены, тот окровавленный труп, вид которого меня невероятно взволновал, который тут же исчезнет из моего ума, как и арена с её зрителями.

Всё только что приведённом примере, представлена только чистая и простая бессвязность, сближение образов без видимой зависимости между ними; но под влиянием тех же законов, может проявиться и другой замечательный

феномен, поразительные последствия которого я констатировал многократно, после того, как одно счастливое наблюдение дало мне к нему ключ. Новое сравнение, позамыслованное у волшебного фонаря [проекторного аппарата], будет, я думаю, вполне подходящим для его определения.

Если вы вздумаете поставить второе стекло в волшебный фонарь до того, как вытяните первое, произойдет одно из двух: либо фигуры, нарисованные на двух стеклах, расположатся друг возле друга, образуя разнородное целое, в котором Синяя Борода окажется лицом к лицу с Мальчиком-с-пальчиком; либо они окажутся наложенными друг на друга, и в этом случае у Синей Бороды будет две разные головы, четыре ноги, или рука, торчащая из его уха.

Первая гипотеза покажет нам труп распластанного тореадора, на которого никто не обращает внимания, среди спокойной семьи, беседующей об охоте или садоводстве, или за чаем. Вторая – породит самые разнообразные аномалии, несколько примеров которых я представлю ниже, но многочисленные примеры которых каждый может найти в своём собственном опыте. Что касается сочетаний этого рода, они бесконечны.

Две идеи, вместе со своими образами, иногда могут также появиться, так сказать, фронтально, вызванные одновременно потоком воспоминаний. Это тогда, когда ставят два стекла сразу перед объективом проекторного аппарата. Например, мне снится, сфинкс, привезённый из Севастополя, который украшал решётку печей для обжига черепицы. Ассоциация идей непосредственно и одновременно вызывает образ одного из моих друзей, убитого во время Крымской Войны, и появляется картина развалин Мемфиса с другим сфинксом. Сразу же показывается этот

друг, умерший много лет назад, и вот я вижу его в Египте, как он посещает со мною эти останки античного великолепия.

Другая причина чудовищности и дикости наших сновидений, которая не менее любопытна, и не менее часта, и которая приводит, в связи с бессвязностью, к самым непостижимым на первый взгляд результатам, – это состояние нашего ума во время сна, занимающегося *абстрагированием*, в том что касается способа рассмотрения различных сюжетов, воспоминания о которых вызваны.

Он переносит тогда с одного сюжета на другой некоторые качества, или манеры поведения, которые он предпочитает. Если его особенно поразила худощавость чахлого коня в упряжке одной бедной телеги, которую он видит в сновидении, и если эта телега заставила его увидеть во сне какого-нибудь крестьянина, с подобной упряжью, то он, быть может, перенесёт абстрактную идею худощавости и чахлости на крестьянина, который, в свой черёд, возникнет в сновидении, и он увидит этого крестьянина почти готовым отдать душу. Или же, наоборот, если его занимала главным образом идея запрягания, он увидит запряжённым самого крестьянина, ничуть тому не удивляясь.

Иногда последовательные смутные воспоминания вызываются единственно благодаря сходству чувственных форм, что также является одним из видов абстрагирования, способного порождать самые странные композиции. Безотносительно к сновидениям, Гранвилль имел чувство этих капризных перемен, когда его карандаш показал нам серию рисунков, начинающихся с одной танцовщицы и заканчивающихся катушкой с яростными движениями.

Это последнее явление имеет место, главным образом, в минуты огромной душевной страсти, тогда как собранная душа отвлечённо рассматривает серию более-менее

чётких образов, которые перед ней проходят.

Видно, что согласно манере, какой они возникают и сочетаются, достаточно одного вызывания воспоминания, находящегося в тайниках памяти, чтобы сделать сновидение самым поразительным на вид. Ещё, разве я перед этим не говорил, что сновидение, в котором идеи следуют друг за другом и разворачиваются сами собой без единой внутренней или внешней физической причины не усложняют, не прерывают и не изменяют его ход, впрочем, это случается редко; и наоборот, всякого рода маленькие случайности, одни – вне нас (звуки, тепло, прикосновения, и т.д.), другие – в нашем собственном организме (давление, нервные движения и т.п.), тотчас же вызывают идеи, связанные с теми впечатлениями, с которыми они органически связаны, и сразу же бросают в гущу текущего сновидения весь контингент образов, согласующихся с этими новыми идеями, предлагая уму самому выпутываться, как он сможет, из этой разнородной каши. Так что никакие сложности, никакие наложения, никакие аномалии не должны отныне вызывать удивления!

То, что у спящего человека часто можно установить прямую зависимость между впечатлениями, которым подвергается тело, и идеями, которые образуют сновидение, настолько общепризнано, что я не считаю необходимым на этом останавливаться. То, что остаётся изучить, так это разнообразное действие этих различных впечатлений на ход наших сновидений, и я полагаю, что в случае естественного сновидения, не найдётся ни такой странности, ни такой запутанности, которые бы не происходили от одного или другого из следующих двух явлений, или же сразу от обоих:

- 1) Естественное и самопроизвольное разворачивание последовательности воспоминаний;

2) Внезапное вторжение какой-либо идеи, чуждой тем, которые образуют эту последовательность, благодаря какой-нибудь случайной физической причине.

Итак, теперь следует провести более глубокий анализ операций ума в сновидении, провести многократные наблюдения и решающие опыты, и показать и доказать всё то, что здесь было кратко изложено; и ещё мы увидим, что в образовании сновидений может участвовать ещё и третий элемент, который происходит из действия воли, сохранённой во время сна. Но прежде, чем перейти к этим новым подробностям, я думаю, будет неплохо бросить беглый взгляд на историю самой онейрокритической науки, и изучить мнения, выдвигаемые в разные эпохи главами школ и самыми знаменитыми писателями. Тем самым читатель сможет лучше подготовиться для того, чтобы судить о вопросах, которые будут ему предложены далее, и чтобы взвешивать относительное значение самых важных пунктов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**В КОТОРОЙ АВТОР ПРИВОДИТ ВЗГЛЯДЫ ДРУГИХ
И ПРОДОЛЖАЕТ ИЗЛАГАТЬ СВОИ**

ГЛАВА 1

Древние: египтяне; халдеи; евреи; арабы; восточные; греки; римляне. – Инкубация. – Этимология слова дремать. – Книги Артемидора. – Гиппократ и его идеи о сновидениях. – Почему отцы Церкви запрещали толкование сновидений. – Секреты, которыми должны были владеть жрецы язычников. – Что нужно думать об онейрокритической науке древних.

Как бы далеко мы не заходили в древние предания, мы всегда находим постоянный интерес к сновидениям и к их таинственным связям с реальной жизнью.

Ещё со времён Иосифа¹¹, египетский фараон обращался ко всем гадателям своей империи, чтобы получить объяснение того знаменательного сновидения, которое его тревожило. Сабакон, другой царь той же страны, даже сложил с себя корону, убеждённый одним сновидением, что время его царствования пришло к концу.

Халдеи с не меньшей страстью прибегали к гаданию на сновидениях. Очень знаменито сновидение Навуходоносора. Порфирий рассказывает нам, что Пифагор обучился искусству толкования сновидений, странствуя по Халдее, Иудее и Аравии.

Такие же верования мы находим и у персов, греков, индусов, и даже у китайцев, представления которых по этому предмету имеют подчас особый характер. Они верили, что душа спящего человека может во время сна тела сама далеко путешествовать и тем самым собирать очень

---

¹¹ Речь идёт о библейском Иосифе, проданном его братьями в рабство египтянам. – прим. И.Х.

ценные сведения.¹²

Магистраты Спарты ходили спать в храм Пасифеи, чтобы получить указания в сновидении о том, что касалось общественного благополучия.

Оратор Аристид оставил одну книгу эфемерид, в которой все сновидения, которые ему снились во время продолжительной болезни, были подробно пересказаны.

Царь Митридат имел сборник сновидений своих сожительниц. Сновидение Догдо – матери Зороастра, сновидения Ксеркса, Дария, Астиага и т.д., цитируемые Геродотом, Квинтом Курцием, Юстином и многими другими авторами свидетельствуют о той вере, которую тогда придавали т.н. онейрокритической науке, как и прибыли, которую ловкачи и проходимцы из неё извлекали.

История также предоставляет нам бесчисленное множество примеров веры в сновидения у древних римлян. Тит Ливий рассказывает, что Атиний был наказан за то, что замешкался рассказать консулам одно важное сновидение, что ему приснилось. Геродий, Плиний, Валерий Максим демонстрируют свою веру в реальность многих чудес, которые они сообщают и которые принадлежат это-

---

¹² Вот пример, который можно найти в комментариях к одному древнему китайскому поэту. Поэт сказал:

Мы снова свидимся в сновидении, ибо мой дух, ища ваш, сможет сюда вернуться.

Комментатор добавляет, как напоминание о простом факте: «Один знаменитый мудрец, Хан-Кань, удалился в горы. Хан-Фей-Цзё, Чань-Мэнь и Као-Хозэй – три его друга, приходили его повидать, и решили вернуться к нему в сновидении. Первые двое сумели это сделать, но дух Чань-Мэня заблудился на полпути и не смог найти дорогу.» (Поэзия эпохи Чань, перевод с китайского с исходными комментариями маркиза Гервея-Сен-Дени). – прим. автора.

му же кругу явлений. Наконец, сам Цицерон, борясь с суевериями своего времени, кажется, извиняет Сенат, который тщательно обсуждает все сновидения, могущие касаться чего-нибудь общественного. Он объявляет, что нет ни царства, ни города, где бы не интересовались этими таинственными откровениями.¹³

Впрочем, древние были далеки от того, чтобы ограничиться лишь толкованием случайных сновидений. С самой древности в Египте существовала практика, откуда она распространилась на Грецию и на остальной *orbis vetus*, а именно: применять священную онейрокритику к исцелению тяжёлых болезней посредством вызываемых и ожидаемых сновидений. Диодор сообщает нам, что в храме Исиды ложились спать, дабы получить в сновидении секреты для возвращения здоровья. И лекари, и понтифики, жрецы этой богини, владели и обучали искусству усыплять больных и затем проникать, как они заверяли, в значение светлых сновидений, которые им рассказывали.¹⁴ Эта практика называлась *инкубация* [возлежание, высиживание], и практикующие её жрецы приносили жертвы *инкубам*. Шпренгель приводит много таких примеров.¹⁵ Плот намекает на них, когда говорит: *Incubare satius te fuerat Jovi* (Тебе лучше поспать в храме).¹⁶ Кстати, эта практика была столь распространена, что учёный Генри Корэниус счёл своим долгом издать трактат, полностью посвящённый этому предмету, под заглавием: *De incubatione in fanis Deorum medicinae causa olim facta*.

---

¹³ De divinatione, lib. I. – прим. автора.

¹⁴ Diodore, liv. I, ch. XXV. – прим. автора.

¹⁵ Hist. pragmat. de la medecine, tome I. – прим. автора.

¹⁶ Curculio, act. II, sc. II. – прим. автора.

Император Антоний Каракалла, сын Севера, отправился за здоровьем в Эпидавр¹⁷, где ему приснился сон в соответствии с его желанием.¹⁸

Гален не боялся приписывать выздоровление от болезни, которой он болел в молодости, кровопусканию, сделанному способом, указание на который он получил в сновидении.¹⁹

Плутарх, рассказывая о храме Мопса на Сицилии, особо подчёркивает, что больные приходили туда спать согласно обычаю, и что богиня толковала устами своего оракула те сновидения, которые она посылала во время сна тем, которые приходили за советом.

Позаний, в своих древностях, объясняет, что больные, которые прибегали к оракулу Амфиараусу *закалывали овна и засыпали на его шкуре*, ожидая знаковых сновидений. Аналогичные факты упоминаются Страбоном в связи с храмом Сераписа в Канопе и двумя *heroous* – историческими памятниками, первый из которых посвящён Калоасу, второй – Подалиру, которые были расположены: один – на вершине, другой – внизу холма Дауни. Даже во времена этого писателя, говорили о чудесных исцелениях, полученных в этих знаменитых местах. Жертвенный овен должен был быть чёрным. Его шкура также служила ложем для сновидцев.²⁰

---

¹⁷ Древнегреческий город в Пелопоннесе, на берегу зал. Сароникос. Культурный центр бога врачевания Асклепия. – прим. И.Х.

¹⁸ Herodien, liv. IV. – прим. автора.

¹⁹ Galien, ch. III, de curatione. – прим. автора.

²⁰ Воссюс, немецкий врач восемнадцатого столетия, который оставил различные писания по сновидениям, приводит по этому случаю этимологию слова *dogmîr* (спать, дремать), достаточно любопытную чтобы быть упомянутой: «поскольку был обычай, – говорит он, – рассти-

Аристофан-Комедиант утверждает существование такого же обычая, когда он делает его объектом чёрного юмора в своей комедии Плутус.²¹

Наконец, Вергилий также описывает то, что совершалось в храме Фавна:

*Здесь Турн в чертоге высоком
Сон отрадней вкушал во мраке ночи беззвездной.*²²

Вглядя на это единодушие древних в таком сильном увлечении иллюзиями сна, читая даже у некоторых святых писателей, что среди язычников были люди, которые хвастались способностью насылать сновидения по своей прихоти,²³ невольно приходит мысль, что эти жрецы и прорицатели, будучи такими искусными толкователями или такими могучими навевателями якобы божественных видений, должны были, под видом чудесного, скрывать глубокие знания психологических и физиологических явлений, сопряжённых со сном; что они постигли тайные связи между физическими и душевными условиями сновидца и природой этих сновидений, и что они также дошли до того, что составляли свои предсказания на основах тем более твёрдых, чем более долгий опыт мог быть им основанием.

При условии, что этим исследованиям придают какое-то значение, то испытывают крайне живое желание

лать кожу – дёрма – чтобы на ней спать, то от слова дёрма сперва вывели *dermige*, затем заменили «е» на «о», как в словах *bonus – benus*, *homo – hemo*, *toга – tego*, *Согсуга – керкура* и 300 других.» – прим. автора.

²¹ Действие 3, часть 2. – прим. автора.

²² Энеида, книга 7. – прим. автора.

²³ Св. Юстин, Апология, 1, п 18; Тертуллиан, Апология, с. 20– прим. автора.

проанализировать сами начала онейрокритической науки. Раз первоисточники больше не существуют, нам остаётся, по крайней мере, пять книг грека Артемидора²⁴ (ὄνειροκρίτικων), которые, как известно, были составлены во втором веке нашей эры вслед самым достоверным и наиболее освященным преданиям той эпохи. Открываем также с некоторым любопытством те длинные и подробные сочинения о сновидениях современников Марка Аврелия и Антония Благочестивого; но насколько быстро мы обманываемся в питаемых надеждах! Едва прочитав лишь несколько глав этого труда, как вот уже весь к ним интерес и испарился. Мы узнаём, что толкования этих прорицателей далеки от точных и серьёзных наблюдений, а покоятся исключительно на мифологических суевериях, искусственных теориях, или произвольных сравнениях, иногда странных до безумия, часто наивных до ребячества.²⁵ От-

---

²⁴ Есть русский перевод: *Артемидор. Онейрокритика. М., 1999.* – прим. И.Х.

²⁵ Возможно некоторые толкования сновидений древними читаются не без интереса; следующий отрывок из мемуара Anglais Warburthon о иероглифах, опубликованный в середине прошлого века:

«Артемидор, который жил в начале второго века, написал один трактат о сновидениях, пользуясь при этом другими, более древними. Он подразделяет сновидения на *умозрительные* и *аллегорические*. Первые – те что представляют простое и прямое отражение предсказываемого события. Вторые представляют лишь тропическое и символическое отображение, т.е. не прямое. Этот последний вид составляет просторный класс запутанных сновидений, которые нуждаются в толковании.

Приняв это, возникает необходимость исследовать: какое основание могло иметь толкование сновидений изначально, на каком основании онейрокритик [толкователь сновидений] говорил человеку, которого он консультировал, что *дракон* означает царскую власть, *змея* – болезнь, *гадюка* – деньги; что жабы обозначают обманщиков, что голуби означают женщин, а куропатки – нечестивых людей, что ласточка ука-

---

зывает на ранение, смерть или угрозу, кот – прелюбодеяние, мангуста – злодея, и т.д.

Ибо древняя онейрокритика состояла из такого сорта таинственных толкований.....

Вот естественное решение этой трудности: Символическая наука, в которой египетские жрецы, которые были первыми толкователями снов, были очень искусными, послужила основой их толкованиям. Эта система должна была вселить доверие этому искусству, и равно удовлетворить и тех, которые консультировали, и тех, кого консультировали; ибо египтяне считали своих богов авторами этой иероглифической науки. Нет ничего более естественного, чем предположить, что эти самые боги, которых они считали также и авторами сновидений, использовали для сновидений такой же язык, как и для иероглифов. Верно, что толкование сновидений, будучи однажды в почёте, с каждым веком вводило в качестве украшения новые суеверия, которые, в конце концов, перегрузили эту систему так сильно, что древний фундамент, на котором оно покоилось, стал совсем неизвестен.....

Если бы возникла необходимость и дальше распространяться, чтобы доказать истоки толкования сновидений, я настоял бы на примерах толкования, которые я привёл немного выше, согласно Артемидору. Я мог бы привести большое число и других, и тогда увидели бы, что эти толкования не отличаются от символических толкований, которые можно найти у Горуполло.

Наконец, есть нечто замечательное, что снимает всю трудность. Я лишь укажу, несмотря на то что этот предмет заслуживает того, чтобы я его тянул и дальше. Техническое слово, которым пользуются толкователи сновидений для обозначения призраков, воспринимаемых в сновидениях, такое – ΣΤΟΙΧΕΙΑ, которое означает *элементы*. Не было ничего легче, чем придать смысл употреблению термину, такому особому во всех других смыслах, чем тот, который заставил вывести онейрокритику из символических [иероглифических] писаний. Но в этой гипотезе есть нечто лёгкое и становится очевидным, так как символические знаки [иероглифы] назывались ΣΤΟΙΧΕΙΑ. Когда они, таким образом, пользовались символами, не было ничего легче и естественнее, чем использовать тот же термин для обозначения тех же образов, высеченных на камне или в воображении.»

Warburton, Essai sur les hieroglyphes. Trad. francaise. Paris, 1744. – прим. автора.

сюда то заключение, что если древние жрецы-язычники и обладали, в чём я не сомневаюсь, искусством воздействия на сновидения верующих, которые приходили спать в их храмы, они всего лишь внушали им видения, в связи со своими доктринами, а совсем не для получения спящим человеком сознательного урока от своих сокровенных восприятий.

Так, мы читаем у Артемидора инструкции и примеры, как эти:²⁶

«Оливковое дерево – вечно зелёное и прочное дерево, и с глубокой древности было посвящено богине Минерве, прославленной богине Сапиенса. Человек, видящий во сне оливковое дерево вскоре обретёт неотъемлемые знание и честь.»

Или:

«Жабы и лягушки – это злодеи и обманщики; но видеть их во сне хорошо тем, которые живут за казённый счёт. Я знал человека, которому приснилось, как он щёлкал своей рукою и пальцами над лягушками, и случилось, что его хозяин дал ему власть над всеми другими в доме. Так, можно предположить, что пруд обозначал дом, лягушки – его обитателей, щёлканье пальцами – распоряжения.»

«Бегать – к добру, за исключением больных, когда они могут достичь цели своего пути, ибо это для них означает, что они в скором времени достигнут цели своей жизни.»

«Видеть часто одинаковые сны и много ночей под-

---

²⁶ Я сохранил стиль французского перевода, опубликованного в 1634 г. Шарлем Фонтеном. Перевод присовокупляет к заслуге точности ещё и то, что был сделан с полной верою. – прим. автора.

ряд – означает, что наш дух отчитывает нас и настойчиво предсказывает одно и то же, и достойное размышления, ибо когда у нас есть великая страсть к чему-то, мы не можем удержаться чтобы не думать об этом и также не говорить об этом, но если одни и те же сны видятся с большим промежутком времени между ними, они не всегда должны означать одно и то же, но скорее разное, согласно изменению времени и дел.

Так, одному торговцу благовониями и духами приснилось, что он потерял нос и потерял свой товар и больше не торгует: ведь он потерял нос [нюх], которым оценивает запахи. Гораздо позже и не будучи больше торговцем духами, ему приснилось то же самое – что у него совсем нет носа, и что его обвинили во лжи, и выгнали из его страны: ведь это нечто-то очень безобразное и бесчестящее – потерять нос, который на самом видном месте лица. Сей же парфюмер, заболев спустя некоторое время, увидел во сне снова, что у него совершенно нет носа, и что он умер. Итак, одно и то же сновидение у одного человека в каждом из трёх случаев означало разное.»

Однако, с пятнадцатого столетия и до нашего времени, тот могучий гений по имени Гиппократ наставил восхитительных вех для желающих идти правильной дорогой, в том что касается изучения патологических сновидений. Отдавая вначале должное идеям своего времени, он допускает, что можно видеть сны, посылаемые богами, но он заявляет в то же время, что оставляет объяснение этих сверхъестественных сновидений священным толкователям, не желая сам заниматься, кроме как естественными снами – единственными, отыскать причины которых и воспользоваться этим может только наука.

Гиппократ принадлежал к школе герметических философов. Он различал в человеке три начала: душу, совер-

шенствуемый ум и тело.

«В знаках, которые даются нам в наших снах, – говорит он, – могут найти великую пользу те, кто научатся их разумно понимать. В самом деле, душа, когда она служит бодрствующему телу, разделяется между многими занятиями и не является сама собою. Но она отдаёт определённую часть своей деятельности каждой функции тела – слуху, зрению, осязанию, движению, всем телесным функциям; вместо того чтобы, когда тело отдыхает, она посещала своё жилище, она управляет всеми различными функциями. Когда же тело во сне, то она бодрствует, видит, слышит, двигается, осязает, опечаливается, вспоминает. Кто научиться распознавать эти знаки, сможет о многом узнать.»²⁷

Согласно ему, в наших естественных сновидениях душа передаёт нам идею о недугах тела. Каждое частное расстройство нашего организма обнаруживается через образ, связанный с внутренне воспринятым ощущением. И этот великий наблюдатель, который как врачам так и фи-

---

²⁷ Трактат «О сновидениях». В существующем русском издании сочинений Гиппократов этот фрагмент переведён так: «Кто имеет правильное понятие о признаках, проявляющихся во сне, тот найдет, что они обладают большой силой для всякой вещи. Действительно, душа в то время, когда она обслуживает бодрствующее тело, разделяется между несколькими занятиями и не принадлежит самой себе, но отдает известную долю своей деятельности каждому занятию тела: слуху, зрению, осязанию, ходьбе, всем телесным занятиям; таким образом, рассудок не принадлежит себе. Когда же тело отдыхает, душа, движущаяся и пробегающая части тела, управляет своим собственным жилищем и совершает сама все телесные действия. Действительно, спящее тело не чувствует, а она—душа,—бодрствуя, познает, видит то, что видно, слышит то, что слышно, ходит, осязает, печалится, обдумывает, исполняя на небольшом пространстве, где она есть во время сна, все функции тела. Таким образом, кто умеет здраво судить об этом, знает большую часть мудрости.» – прим. И.Х.

лософам так ясно указывает на источник ценных открытий, сам начинает подводить итоги своих врачебных наблюдений за некоторыми сновидениями, наиболее частых у большинства людей.

Несомненно, если бы этим путём шли все две тысячи лет, то сегодня мы были бы обогащены экспериментальными фактами. Чудесное обольщает больше, чем правдоподобное, и вместо того, чтобы накапливать данные серьёзного изучения, на протяжении следующих веков продолжили предаваться исключительно самым бесплодным суевериями.²⁸ Между мифологическими теориями древних и чисто условными началами, на которых покоилась всё онейрокритическое учение, существовала такая солидарность, что отцы Церкви сочли себя обязанными многократно выступать против толкования сновидений, объявляя их пережитками язычества, обосновывая свою позицию в религиозном духе, который всегда им присущ. Авторитет определённых пророческих сновидений, освящённых Святым Писанием не мог их остановить, поскольку во времена, когда сновидения Иакова, Авимелиха, Соломона, Даниила и др. были включены в священные книги, вера в мирские видения была категорически запрещена теми же самыми книгами. Принятие одного сверхъестественного факта не может очевидно служить основанием для принятия фактов естественного порядка. «Чудо, – сказал Ж.-Ж. Руссо, – это, в частном случае, непосредственный акт божественного могущества, чувственное изменение в порядке природы, реальное и видимое исключение из её зако-

---

²⁸ Впрочем, Гален проникся идеями Гиппократов о важности сновидений в патологии. Он обратил внимание также на тонкость внутреннего восприятия во время сна. «*Nimirum anima, quando non vacat sensibus externis, profundius sentit ea quae ad corporis dispositionem pertinent*», – писал он. – прим. автора.

нов.»²⁹

Итого, из так называемой онейрокритической науки древних, по крайней мере, такой, какой она до нас дошла, взять нечего с практической точки зрения, на которой мы стоим. Остаётся лишь, как гипотеза, вопрос: а не были ли те жрецы Исиды, Сераписа, Эскулапа и других божеств лукавыми, и не вызывали ли они те сновидения, недостатка в которых не было, когда спали у подножия их алтарей, физическими средствами. Порфирий и его ученик Ямвлих, которые написали о египетских мистериях в третьем веке нашей эры, предоставляют нам одну ценную деталь, очень уместную, чтобы поразмышлять над этим предметом. Они практиковали, — говорят они, — воскурения, вызывания и прикосновения. Ученик не видел в этих действиях ничего другого, кроме божественных церемоний, чтобы войти в общение с божеством, тогда как сам наставник считал их искусственными средствами, имеющими результатом вызвать определённый вид исступления, и впечатлеть в мысли сновидца рассчитанное движение.³⁰ Для меня, убеждённого в том, что можно управлять как своими собственными сновидениями, так и сновидениями других, как я попытаюсь это доказать, я не знаю, прочёл ли бы я эти отрывки в духе предвидения, но я ничуть не сомневаюсь, что по отношению к этим больным, спящим в тех храмах применяли отчасти те процедуры, которые я постараюсь изложить немного позже.

---

²⁹ *Lettres de la Montagne*. — прим. автора.

³⁰ Те шкуры, на которых укладывали спать больных, помимо всего прочего, скорее всего подвергались какой-то предварительной обработке имевшей целью увеличить глубину сна и вызвать сновидения определённого характера. — прим. автора.

ГЛАВА 2

От средневековья к современной эпохе. – Пьер ЛеЛойер. – Кардинал Бона. – Воссюс. – Искусство стать счастливым через сновидения, т.е. обеспечить себе такие сновидения, которые желают. – Курт Шпренгель. – Кабанис. – Кондиллак. – Бенжамин Франклин. – Мюллер. – Филон Еврей. – Пьер Бейли. – Мнения этих писателей о предупреждениях и предчувствиях, которые можно извлечь из сновидений. – Школа материалистов. – Бёргав. – О непрерывности мышления, о невоспоминаемости сновидений и о волении, иными словами о действии воли во время сна. – Дарвин. – Формей. – Жуффрой. – Дугалд-Стюарт.

О времён древних писателей вплоть до писателей, сравнительно близких к нашей эпохе, мне кажется трудным встретить о сне и сновидениях какое-либо новое рассуждение, действительно заслуживающее быть упомянутым. Редкие авторы средних веков, которые приступали к этому вопросу, рассматривали его лишь с исторической или теологической точек зрения, одни подражали древним, цитируя их при всяком случае, другие пространно разглагольствовали о сновидениях, которые вынуждали их приписывать им божественное или дьявольское происхождение.

В одной любопытной книге, написанной в конце шестнадцатого века с эрудицией схоласта и с независимостью взглядов, что тогда встречалось редко³¹, я впервые увидел обращение к истинному духу исследований, стремление сойти с путей мистицизма и колеи древности. Там я также

---

³¹ *Discours des spectres, visions, apparitions d'esprit, etc.* par Pierre Le Loyer, conseiller du Roy au siege presidial d'Angers. – прим. автора.

заметил, ясно выраженным, то мнение, что нет снов без сновидений, – одно из самых важных и самых спорных, что мы исследовали.

«**В**сегда происходит переваривание яств, когда испарения, поднимающиеся в мозг ослаблены, тело, как внутренне, так и внешне пребывает в состоянии отдыха, грудные органы, в которых поддерживается жизнь, хорошо отправляют свои обязанности, лёгкие хорошо дышат, сердце стучит, печень превращает соки яств в кровь и отправляет её в вены и артерии. Глядя на эти занятия спящего тела, разве можно допустить, чтобы душа, которая непрерывно бодрствует, пребывала праздно? Она делает нечто другое, чем печень, сердце и лёгкие. Ясно, именно тогда она может наиболее свободно умствовать, когда тело, являющееся её темницей, не связывает её слишком сильно ежедневными заботами и делами.»

Висатель-подвижник, живший полстолетия позже – кардинал Бона – разделяет сновидения на три категории, согласно предполагаемому им их происхождению: видения божественные, видения дьявольские, видения естественные; и, прежде всего, он заявляет, что как раз этими последними он то и будет заниматься меньше всего. Однако, в его трактате можно найти отрывок о формировании образов и о силе воображения в сновидении, который кажется листом, вырванным из какого-нибудь более современного труда: «Естественные сновидения имеют свою причину *воображение*.³² Можно лишь вопрошать, воспринимает ли оно пассивно внутренним чувством или же там играет какую-то роль и ум. Определённо, что в сновидении случается произносить поучительную речь, говорить красивыми стихами, философствовать о самых возвышенных

---

³² Под воображением автор понимает просто способность умопредставления [умозрения]. – прим. автора.

предметах – всё то, что не кажется только зависящим от воображения, но также и от рассудка. Однако, есть философы, которые думают, что эти операции не выходят за рамки воображения. Всякий раз, когда в состоянии бдения ум прилагается к предметам дискуссии или аргументации, внутреннее чувство, которое называют познавательную силою, не остаётся бездейственным и, подобно планете, оно следует высшему движению. Иначе говоря, душа или дух (animus) не может думать без того, чтобы тотчас же воображение не предоставило нечто подобное, заставляя возникать образы, которые во время сна создают иллюзию, чтобы заставить поверить в присутствие реальных предметов (ac si res vera ageretur).»

Воссиус, современник кардинала Бона, как и тот, исследует вопрос о сновидениях; но рассматривает его с совершенно другой стороны. Он цитирует Гиппократ, Галена; он утверждает о пользе, которую медицина может извлечь из откровений, предоставляемых некоторыми болезненными сновидениями. «Душа, – говорит он, – когда она не смущена внешними занятиями, гораздо острее чувствует впечатления, относящиеся к телесному состоянию. Впрочем, насколько полезно судить по сновидениям о расстройствах тела, настолько глупо пытаться искать в иллюзиях сна (как то делают Артемидор и Кардан) приметы, чуждые самому состоянию сновидца.»

Далее, в хронологическом порядке, следует самая необычная публикация по сновидениям, которая когда-либо появлялась. Автор озаглавил свою книгу *«Искусство стать счастливым через сновидения, т.е. обеспечить себя такими сновидениями, которые желаем.»*³³ Он утвер-

---

³³ Art de se rendre heureux par les songes, c'est-a-dire en se procurant telle espece de songes que l'on puisse desirer. Francfort et Leipsic, 1746. Автор-

ждал, что получил от одного старого индейца, Иллинойса – знахаря и шамана³⁴ своего племени – целый ряд фармацевтических средств, которые он приумножил и усовершенствовал сам, и он не знает таких сновидений, которые с их помощью нельзя было бы прямо вызвать с большой лёгкостью. Открывая содержание этой книги, видим специальные рецепты: *чтобы присутствовать (во сне) на великолепных зрелищах; чтобы возыметь силу духа; чтобы роскошно одетым шествовать с большой свитой; или же: чтобы получить от дамы её честь прямо на цветущем лугу, или в роце, или на берегу водоёма; чтобы быть в бане с самыми прекрасными в мире дамами и т.д. и т.п.*

Вот уж действительно что разжигает любопытство читателя, особенно если он убеждён в возможности воздействовать на сновидения, и если он ожидает найти там, если и не формулы такой странной эффективности, то, по крайней мере, указания на какие-то малоизвестные наркотические средства. Но, не просмотрев и двух–трёх страниц, как любопытный читатель закроет эту книгу, чтобы больше её не открывать. У него не останется ничего, кроме чувства насмешки, которое мы иногда чувствуем, когда становимся жертвой какой-либо приятной мистификации, так как там невозможно найти ничего, кроме безвкусной мешанины плоских нелепиц, слишком претенциозных чтобы быть искренними, слишком смешных, чтобы можно было там найти хоть крупицу истины. Следующего рецепта будет достаточно, чтобы судить обо всех других; он должен обеспечить человеку те сладострастные сновидения, о которых было сказано выше: «Возьмите две драхмы живицы, размешанной в желтке яйца дикой утки, одну с

ство этой книги впоследствии было приписано Бенжамину Франклину. – прим. И.Х.

³⁴ Sorcier – букв. колдун (маг). – прим. И.Х.

половиной драхму *diascordium de fracarbor*, одну щепотку порошка красных роз, восемь унций козьего или кобыльего молока, пригоршню плющевидной будры, манжетки или львиной лапы, подорожника или пупавки, пол пригоршни каждого, четыре щепотки соцветий зверобоя американского; две щепотки опилок оленьего рога, три драхмы *ргiаре* [пениса] волка, и шесть – китового уса. Сварите всё в достаточном количестве камфарного спирта. Добавьте к семи унциям этого филтрату коралловый сироп и окопник – по одной унции каждого, и по шесть драхм бальзама и нашатырного спирта. Поставьте этот отвар в глиняном сосуде в прохладное место на три месяца, по истечении которых влейте его в три пинты вина (из винограда сорта мальвазия), которое затем перегоняйте до тех пор пока не получите одну пинту жидкости. Поместите эту жидкость в герметично запечатанную бутылку, и держите её в подвешенном состоянии в воздухе всё лето с трёх часов до и трёх после полудня, дабы она могла пропитаться, так сказать, теплотой солнечных лучей.»

А теперь как надо это употреблять:

«Нонадобиться не более трёх капель на пинту обычной воды, которую нужно подогреть и в которой умывают ноги, руки, голову и живот перед сном.»

Более двухсот страниц написано в этом стиле, без других расходов воображения, кроме как незначительного разнообразия в хаосе перечисляемых зелий. Кроме своего собственного значения, подобный сборник не заслуживает быть упомянутым; но упоминание о нём можно увидеть в некоторых каталогах, и по его названию создать себе очень притягательное представление, которого он не заслуживает; вот почему я счёл своим долгом сказать о нём несколько слов.

Переходим в восемнадцатый век, а вместе с ним к

тому брожению умов, которое называют философским, и которое породило современную физиологию.

Одновременно и врач, и философ, один из участников этого движения – Курт Шпренгель – доктор из университета Hall, кратко анализирует в своей «Прагматической истории медицины»³⁵ главные суеверия древних в области онейрокритики; он заканчивает своё изложение такими рассуждениями, которые хорошо показывают новую школу:

«В сновидениях, воображение и память действуют независимо от всех внешних чувств и не тревожатся впечатлениями окружающих предметов.» Я цитирую, но сохраняю своё мнение относительно цитируемых утверждений. «Душа, освобождённая от уз, которые привязывают её к телу, кажется предоставленной своей собственной и первичной деятельности. Она сочетает идеи, она проводит рассуждения, которым ощущения и животный ум не могут дать места в состоянии бодрствования. Давно забытые впечатления нарисовываются с новыми более яркими красками. Душа переносится в сотворённый ею самую мир, где редко когда ясные образы мест или времён дают идеям ту истину, которую они не приобретают, кроме как через содействие чувств. Как же после этого предполагать, что человек природы, чуждый законам, которые управляют телом и душой, не припишет ощущения, которые он испытывает в сновидении вторжению какого-то гения или существа такого рода, к которым он привык относить все следствия, причины которых ему не очевидны?»

Современник Шпренгеля, Кабанис есть один из тех, кто верят, что воля может продолжать действовать во время сна с большей или меньшей силой, в зависимости от

---

³⁵ Том 1, стр. 158– прим. автора.

душевного характера и энергии самого человека. Он приводит пример Кондиллака, который засвидетельствовал ему лично следующее: «работая в этом направлении исследований, он часто был вынужден оставлять работу незаконченной чтобы поспать, и что по пробуждении он более одного раза находил её уже законченной в своём уме.»

Затем Кабанис приступает, с намерением объяснить это естественно, к такому трудному и щекотливому вопросу, как вещи сновидения, и он смело пишет, на мой взгляд, не без благоразумия: «Иногда в сновидениях у нас возникают идеи, которых у нас никогда раньше не бывало. Например, нам снится, что мы беседуем с кем-нибудь, кто сообщает нам нечто, чего мы не знали. Не следует удивляться, что во времена невежества, легковверные люди приписывали эти исключительные явления сверхъестественным причинам. Я знал одного очень мудрого и просвещённого человека – г-на Бенжамина Франклина, который полагал, что многократно был проинформирован в сновидениях об исходе дел, которые его интересовали на тот момент. Его крепкий ум и, в других отношениях, полностью свободный от предрассудков, не смог предохранить себя от всех суеверных идей, относительно этих внутренних предвестий. Обращая внимание только на то, что его глубокое благоразумие и его редкая мудрость управляла работой его мозга во время сна, как то можно часто наблюдать даже во время бреда у людей тренированной души. В самом деле, ум может продолжать свои исследования в сновидениях; он может прийти посредством некоторой последовательности умозаключений к идеям, которых у него не было.»

Это, конечно же, одна из самых интересных сторон предмета, которым мы занимаемся, что такая могучая прозорливость, такой вид интуитивного предсказания, к которому ум может иногда подниматься в состоянии сновиде-

ния, благодаря совершенному сосредоточению всех сил внимания и, в то же время, благодаря крайнему обострению физической и душевной чувствительности, сосредоточенной так сказать на одну точку. Мюллер, наш современник, очевидно разделяет те же мысли, что и Кабанис, когда пишет в своём трактате по физиологии: «Иногда случается, что нам снятся странные ситуации, носящие в некотором роде предчувственный характер, т.е. что возможные состояния предлагаются нам, как зрительные идеалы, и событие может затем согласоваться с нашим сновидением, и ничего чудесного в этом не будет. Предположим, нас сильно интересует один человек, мы его достаточно хорошо знаем, но, не зная о нём всего, мы считаем его искренним и честным и, однако, у нас есть повод подозревать, что на самом деле он не обладает этими качествами. В сновидении о нём, мы ставим его в ситуации, которые заставляют проявиться его недостатку искренности и честности; и затем наши подозрения на счёт его проверяются, сновидение кажется удивительным и, однако, оно не таково.»³⁶

Мы видим, что Филон Еврей констатировал факты этого же рода, когда он сам писал в первом веке нашей эре: «некоторые сновидения порождают движения души, гармонизируются скрытой симпатией с ходом вселенной, как происходящие из одного корня; откуда следует, что великое число будущих событий уже подготовлено в настоящем, душа сама по себе предугадывает будущее, когда у неё будет правильная интуиция настоящего.» Конечно, я не вполне чувствую себя просвещённым этим объяснением Филона Еврея; но нужно признать, что факты, с которыми он имеет дело, не совсем достаточно просты, чтобы прус-

---

³⁶ Müller, Handbuch der physiologie der Mentschen; vom Schlaf; VI Buch, 4 cap. – прим. автора.

ский доктор сказал о них лучше, чтобы со своей стороны не удивляться ничему. Если установлено, что состояние сновидения заставляет иногда нас собирать в самих себе восприятия, непостижимой в другой момент тонкости, так чтобы я сказал тотчас же; если ум какого-то спящего человека приходит (следуя естественным склонностям ряд инстинктивных рассуждений, основанных на правильных предпосылках) к открытию истинного последствия, и это с большей пронизательностью, чем в бодрственном состоянии, пропорционально даже этой великой тонкости ощущений и умозаключений, я всегда нахожу там замечательный факт. Быть может это та же возможность поразмыслить над мнением знаменитого Пьера Байля, утверждающего: «что сновидения содержат бесконечно меньше тайн, чем может себе представить обыватель, но немного больше, чем считают сильные умом люди.»

Знаем ли мы в действительности до каких пределов может простираться эта способность заглядывать в самих себя, если бы свет, освещающий наш рассудок мог бы усиливаться? Знаем ли мы все секреты сообщений, которые могут существовать в окружающем нас мире, как между нами самими, так и между нами и всем тем, что мы видим или не видим?

Примеры, свидетельствующие о явлениях, на вид сверхъестественных, как то: предупреждения или внезапные предчувствия, получаемые в снах и затем подтверждающиеся изобилуют у писателей, как древних, так и современных, у психологов, врачей и даже историков. Просто их перечислить было бы пустым занятием. Отрицать их потому, что ещё не знаем объяснить – кажется мне скорее свидетельством гордыни, чем рассудительности. Я не думаю, что столькие свидетельства могли бы накопиться, не будь в них доли истины; я предполагаю, что настанет день, когда этим будут удивляться не больше, чем сегодня

той электрической искрой, проскакивающей со скоростью мысли между заряженными полусферами.

Что хочет причудливых примеров тех нелепостей, которые может породить мания, такая обычная для современников, объяснять всё некоторыми материалистичными теориями, то почитаем Бёрхава. Вот что он написал насчёт сна:

«Сон заключается в том состоянии головного мозга, во время которого ум не воздействует на нервы мозга ни в достаточном количестве, ни с такой силой, которая требуется для того, чтобы органы чувств и произвольных движений могли бы отправлять свои функции свободно и легко.

История со сновидениями пока ещё мало известна; однако, она важна не только для физики, но и для метафизики *по причине опровержения идеалистов...*

Когда человек начинает засыпать, он чувствует, что мысли начинают спутываться и прерываться. Это как настоящий бред. Когда эта цепь мыслей, окончательно разорвана, остаются только беспорядочные и непоследовательные мысли – человек спит; теперь он существует только механически; не остаётся даже внутреннего чувства его бытия, ни его сна; что доказывает, что сознание зависит от памяти, которая упразднена.»

Итак:

Из того, что наши мысли больше не упорядочены, следует, что мы существуем только механически;

Из того, что наши сновидения непоследовательны, следует, что мы не имеем больше даже внутреннего чувства нашего бытия;

И всё это, наконец, доказывает, что моё сознания за-

висит исключительно от памяти!!!

Но истине, идеалисты окажутся упрямыми, если это объяснение, головным мозгом, покажется им не полным, и если такие рассуждения их совсем не удовлетворяют.

Дарвин и Формей не желают, чтобы *волеизъявление*, иначе говоря, волевое действие, продолжало осуществляться во время сна, в сновидениях, которые ему сопутствуют.

Дарвин не боится выразиться категорически на этот счёт. Способность волеизъявления, – говорит он, – всецело упразднена.

«Когда мы бодрствуем, мы выражаем нашу волю, сравнивая текущие представления с ранее наблюдаемыми, и тем самым мы корректируем ошибки органов чувств благодаря общему познанию природы, которое мы приобрели посредством интуитивной аналогии, тогда как в наших сновидениях, способность волеизъявления, будучи упразднённой, не позволяет нам ни вспоминать, ни сравнивать наши текущие представления с нашими приобретёнными познаниями, что делает нас неспособными выявлять в них нелепости. Именно по этому критерию мы различаем сон и бодрствование, и это позволяет нам произвольно вспоминать представления, которые у нас были во время сна, когда мы бодрствуем; но когда мы спим, мы не можем произвольно вспоминать то, что мы можем, бодрствуя.»³⁷

Всё это основано на том предположении, которое кажется автору несомненным, а именно: «что мы всегда принимаем на веру видения нашего воображения во время сна.»

---

³⁷ Darwin. Zoonomy of sleep. – прим. автора.

Не такое мнение у Дугалда Стюарта; не такое же, я думаю, и у многих читателей, которые определённо помнят, как говорили себе иногда в сновидении: «Но этого же не может быть в действительности; но в этом же нет никакого смысла.»

Не меньше я опровергаю, опираясь на свои практические наблюдения, такое мнение Формей: «душа не имеет никакой власти над призраками сновидений, которые являются и исчезают, воздействуя на неё то благоприятно, то болезненно, и она никак не может на это повлиять.»³⁸

В действительности же, я считаю, что совершенный сон – тот, который предоставляет максимум восстанавливающего отдыха – является тем, во время которого ‘кони’ предоставлены сами себе, но из того, что кони выпущены в поле, из того что их наездник больше ими не управляет таким же образом как в часы, когда он правит своими вожжами, следует ли заключить, что этот наездник потерял над ними всякую власть и что он не может больше при необходимости их повести в заданном направлении? Вот одно из положений, в которых я полностью расхожусь со всеми психологами этой школы.

Формей ещё предлагает нам отрывок вдвойне примечательный, как своей жёсткостью к эпохе, в которую он был написан (1754), так и точностью, с которой он положил во главу один ключевой факт из самых спорных, но по моему бесспорный: «В принятом смысле, мы сновидим только тогда, когда идеи проникают в наше сознание и оставляют впечатление в нашей памяти, таким образом что по пробуждении мы можем сказать, что у нас было такое-то сновидение или, по крайней мере, что нам что-то снилось; но, собственно говоря, *мы сновидим всегда*, т.е. как

---

³⁸ Melanges philosophiques. Du sommeil. – прим. автора.

только сон овладевает машиной, душа, *без прерывания*, имеет последовательность представлений и восприятий; но они подчас такие спутанные и такие слабые, что от них не остаётся и малейшего следа; и именно это называется глубоким сном, который по ошибке считают полным лишением всякого восприятия, совершенным бездействием души... Хотя и есть кажущиеся пустоты, и какие-то пробелы в последовательности наших идей, *но нет никакого реального прерывания.*»³⁹

Для меня не имеет значение даже имя Формея, так как я черпаю в своём собственном опыте элементы абсолютной убеждённости на этот счёт, как я то изложил в начале этой книги. Гораздо позже Жюффрой предоставил мне по этому же предмету аргументы большой силы. Один из них, впрочем, который всегда будет оставаться без реплики, чтобы доказать что отсутствие каких бы то ни было воспоминаний сновидения совсем не предполагает реального прерывания в деятельности ума во время сна, о чём свидетельствуют сомнамбулы, сомневаться в разумной деятельности которых во время их занятий мы не можем, которые не сохраняют почти никаких воспоминаний по их пробуждении.

Дугалд Стюарт, имя которого я уже имел возможность упомянуть, совсем не рассматривает вопрос о непрерывности или прерывистости сновидений, но тщательно исследует вопрос о продолжении или прекращении действия воли во время сна; он первым вводит различие тем более замечательное, что оно может удалить двусмысленности, суживая поле дискуссии. Кто знает, сколько авторов, которые кажется находятся в противоречии, окажутся в согласии, если они только лучше определяют то, что они утверждают или отрицают?

---

³⁹ Formey. *Melanges philosophiques*. – прим. автора.

«Разве во сне упразднена волевая способность? – вопрошает шотландский философ. И отвечает: – усилия, которые мы совершаем во сне и которые мы осознаём, показывают достаточно, что волевая способность не упразднена. Так, в сновидении, нам снится, что мы в опасности, и мы хотим позвать на помощь. Это желание, конечно же, обычно не возмевает результата и издаваемые нами крики слабы и неразборчивы; но это только подтверждает тот взгляд, что во время сна разорвана связь между волей и произвольными движениями. *Воля же продолжает действовать, но её действие остаётся недостаточным.*

Ещё также, в ходе страшного сновидения мы чувствуем, как совершаем усилие, чтобы избавиться бегством от грозящей нам опасности; но вопреки нашим усилиям мы остаёмся лежать в нашей постели. Чаще всего в этом случае нам снится, что нам мешает какое-то препятствие. Всё дело в том, что тело тогда не находится под действием воли. Таким образом, можно сделать следующее заключение: *во время обычного, естественного сна волевая способность продолжает существовать, но она потеряла всю свою власть над органами тела.*

Идём дальше: когда мы пытаемся уснуть, то чаще всего с нами происходит, что наш ум естественно принимает соседнее состояние к тому, в котором он был, когда сон установился в полной мере. Итак, очевидно, что продиктованные природой средства для вызывания сна не состоят в упразднении волевой способности, но скорее в задействовании способностей, которые зависят от воли. Если было бы, что прежде чем заснуть, волевая способность упраздняялась бы, то нам было бы невозможно никаким видом усилий ускорить приближение момента засыпания. Само предположение такого усилия было бы нелепо; ибо это означало бы, что воля участвовала бы в упразднении самих действий воли.

Откуда можно заключить:

Что воздействие сна на умственные операции в совершенстве напоминает его же воздействие на тело. Способность волеизъявления продолжает существовать, но она не имеет никакой власти над способностями ума. Вот почему, несмотря на то что эта способность продолжает существовать, оказывается невозможным управлять ассоциациями идей, которые, будучи предоставленными самим себе, часто приводят к самым причудливым результатам.

Это заставляет нас установить два следующих положения:

1) Когда мы погружены в сон, последовательность наших мыслей, поскольку она зависит от одних только законов ассоциации, может иметь место под действием тех же неизвестных причин, которые её определяют во время бодрствования.

2) Тем не менее, порядок наших мыслей в бодрствовании и во сне должен быть сильно различным, потому что во сне, это состояние зависит от одних только законов ассоциации, а в бодрствовании он зависит от этих законов вместе с действиями наших произвольных способностей.»

Развивая это последнее предположение, Дугалд Стюарт добавляет под конец:

«Так как воля не существует во время сна, или скорее влияние этой воли сводится к нулю, то больше не возможно осуществлять никакого действия на ассоциации идей. Откуда следует, что предметы, которые тогда занимают наши мысли, предлагаются сами собой стихийно нашему уму, тогда как произвольные умственные операции, такие как произвольное воспоминание, рассуждение и т.д. пребывают бездейственными вместе с влиянием воли.»

¶ не хотел прервать изложение этих взглядов никакими критическими наблюдениями.

¶ Теперь же я попытаюсь с ними поспорить, и этим завершить обзор писателей минувших столетий.

¶ Во-первых, что касается этого главного различия между упразднением самой волевой способности и упразднением воздействия этой способности на мышцы человеческого тела, я признаю как справедливость, так и важность этого, и могу сказать вместе с профессором из Эдинбурга: Да, одной из главных характеристик обычного, естественного сна является то, что волевая способность, которая продолжает существовать в уме, тем не менее, теряет свою власть над органами тела. Я даже добавил бы, что сохранение действия воли на органы тела, на мой взгляд, является самым серьёзным признаком, отличающим обычный, естественный сон от более-менее болезненного сна или сомнамбулизма и магнетизма [гипнотизма]; но приняв этот первый факт, из него отнюдь не следует, что я должен принять вторую часть этого двойного предложения, в котором говорится, *что воздействие сна на умственные операции в совершенстве напоминает его же воздействие на тело.*

«Волевая способность продолжает существовать, – говорит нам Дугалд Стюарт, – но она не имеет никакой власти над способностями ума.» Ясно, что если принять этот исходный пункт, то логически придём к признанию невозможности осуществлять какую-либо власть над ассоциациями наших идей, не больше чем над последовательностью картин, которые разворачиваются сами собой и всегда стихийно. Но это предположение в самом себе, разве оно обосновано? Подвергнуто ли оно анализу? Опирается ли оно на доказанные факты?

¶ Если мы понимаем прекращение активной силы ума

на материю, временное упразднение его таинственных законов, которые позволяют душе действовать на тело, то понимаем ли с такой же лёгкостью, что ум прекращает действовать на самого себя, что он, например, *желает* думать о чём-то, не совершая ipso facto воли, что он думает? Если он тогда думает и если ему представляются образы предметов, над которыми работает эта произвольная мысль, разве не останавливает он на самом деле своё внимание на них? Разве не осуществляет он ни одного суждения относительно того, что он видит? В принципе, такой взгляд мне кажется недопустимым. На практике же, я собрал многочисленные доказательства его ошибочности.⁴⁰ Впрочем, странно констатировать, как физиологи, затрудняющиеся уточнить роль различных способностей ума во время сновидения, не находят ничего лучшего, как избавиться от труда, и безосновательно утверждать о её полном упразднении. Не покушаясь пока на современные писания, которые мы исследуем в своё время и не говоря о других авторах, кроме тех которыми мы уже занимались, скажем, что Дарвин совсем не желает, чтобы умели *сравнивать* в сновидении текущие идеи с приобретёнными понятиями; Формей думает, что люди принимают *без рассуждения* все возникающие идеи; Бёрхав отрицает у сновидца *память*, и даже сознание своего собственного существования, что является слишком сильным утверждением. Боссю сказал: «Во сне совсем нет *внимания*; ибо бодрствование как раз и состоит во внимании ума, который делается хозяином своих мыслей.»⁴¹ Дугалд Стюарт, наконец, до отрицания у ума спящего человека *действия всех способностей, которыми он пользуется во время бодрствования*. Однако, истина в том, что все способности продолжают действовать во время сна, как я надеюсь то доказать, и что

---

⁴⁰ См. ниже, в третьей части. – прим. автора.

⁴¹ *Connaissance de Dieu et de soi-meme*, chap.3, p. 20– прим. автора.

этот аргумент Дугалда Стюарта, извлечённый из наблюдения за средствами, используемыми природой для приведения человека в сон, сам покоится лишь на двусмысленности, в том что автор смешивает бездействие произвольного внимания, направляемого на предметы внешнего мира, с бездействием произвольного внимания, направляемого на образы сновидения.

Что и нужно для привлечения сна, так это забвение окружающего реального мира, прекращение всякой связи с внешней жизнью, уход ума в самого себя, *animi in sese recessus*, вот как говорили учителя древности; одним словом, это сосредоточение всех наших мыслей на предметах, которые представляются только в нашем воображении или нашей памяти, но которые оживают и, кажется, принимают чувственную форму как только наши органы чувств оказываются закрытыми для внешнего мира; в точности так же как приобретают чёткие очертания и цвета образы проекционного аппарата, как только перекрыт всякий доступ внешнему свету.

Поэтому, для того чтобы вызвать сон категорически необходимо, чтобы душа отказалась оказывать на мышцы и подчинённые нервы какое бы то ни было произвольное воздействие, свойственное внешней жизни, в то же время она должна прекратить направлять своё внимание на внешние вещи; но при условии, что ум временно предается этому смутному мечтанию, которое мало-помалу перейдёт в сновидение, не только сон придёт без лишения его какой бы то ни было деятельной силы, но как только сновидение оформится, ум продолжит выполнять, как и в бодрственном состоянии, все те умственные действия, которые принято называть его способностями. Он исследует с вниманием, он сравнивает, он совершает разумные рассуждения над тем, что видит, слышит, вкушает, обоняет или осязает, и если часто он имеет запутанные идеи, если он иногда со-

вершает странные рассуждения, то это из-за несовершенства образов, из-за бессвязности понятий, которыми он оперирует, но не из-за его воли лучше видеть и лучше рассуждать.

Откуда я заключаю, в свою очередь, что насколько первая предпосылка Дугалда Стюарта, а именно *«во время обычного, естественного сна волевая способность продолжает существовать, но она потеряла всю свою власть над органами тела»*, является в определённой мере неоспоримой, настолько является неточным *совершенное подобие*, какое он предполагает между *воздействием сна на тело и воздействием, которое он производит на умственные операции*; насколько выводы, которые он из этого извлекает, противоречат истине, когда он продолжает говорить, что *во время сна, порядок наших мыслей зависит исключительно от одних только законов ассоциаций, а воля не может больше иметь над ними никакой власти*.

Если я и задержался так долго на этом различии, которое Дугалд Стюарт хотел установить в отношении к продлению или непродлению воли во время сна, – это потому, что, независимо от остроты его ума, оно затрагивает один из самых существенных и самых важных моментов предмета, который мы исследуем. Продление воли во время сна есть психологический факт, которому я обязан тысячами наблюдений, которые я смог сделать. Всё то, что направлено на лучшее определение его характера, его влияния и его частных эффектов в наших сновидениях будет, таким образом, исследовано мною самым тщательным образом.

ГЛАВА Э

Словарь медицинских наук. – Статья «Сон» Монтфалькона. – Я отклоняю чисто теоретические диссертации, чтобы обратиться главным образом к методу наблюдения. – Развитие аксиом: *Motus in somno intro vergunt; Somnus nil aliud est quam receptio spiritus vivi in sese.* – Сравнение между активными и пассивными силами тела и ума. – Действенные причины сна, как они перечислены Монтфальконом. – Переход от бодрствования ко сну всегда характеризуется минутами мечтания. – Об отключении внимания при приближении ко сну.

В 1820 году был опубликован Словарь Медицинских Наук – труд, который и по сей день пользуется определённым доверием; в нём отдельно рассматривается сомнамбулизм, галлюцинации, экстаз и т.п., что мне кажется вполне естественным, поскольку если бы даже эти различные явления и свели бы к одному началу, то рассматривали бы их как различные вариации сна. Но что меня поразило далее, признаюсь, так это найти две отдельные статьи: одна посвящена *réves* (грёзы, сновидения), а другая – *songes* (сновидения), обе, впрочем, написаны Моро (де ла Сартон) – врачом, более известным как физиолог, нежели лекарь. Если мы добавим туда статью «Сон» Монтфалькона, в которой он часто посягает на ту же область, то нам придётся исследовать в одной книге три ценных источника по одному предмету.

■ Уже говорил, что я не в состоянии установить какую-либо разницу между *réve* и *songe*, предпочитая избегать насколько возможно бесполезных разделений, и держась за авторитет академического Словаря, который определяет эти два совершенно синонимичные в моём уме по-

нения одно через другое.

Сказав об этом, продолжим идти естественным путём и начнём разбирать статью «Сон».

Одной из главных трудностей работы, за которую я взялся, является умение держать себя в рамках предмета, который так близко касается стольких других столькими промежуточными точками. Это желание ограничить насколько возможно поле моих наблюдений и моих изысканий подвигло меня, как то видно, перейти прямо к изучению сновидений, не излагая предварительно никакой теории относительно этого особого состояния нашего организма, во время которого возникают видения и которое называют сном. Однако часто связь между поднимаемыми вопросами относительно явлений сновидений и тех, что касаются собственно сна настолько большая, что мне казалось почти невозможным написать целую книгу о сновидениях не затрагивая также изучение сна самого по себе, пусть даже кратко и косвенно. Беглый анализ статьи Монфалькона, на фоне которой мои личные наблюдения естественно находят своё место, позволит мне кратко изложить то, я надеюсь, что невозможно не упомянуть по этому поводу.

Итак, я обойду все чисто теоретические рассуждения, предназначенные для того, чтобы выяснить, вызывается ли сон оттоком крови от мозга или нет, играет ли здесь роль циркуляция крови или нет и т.д. и т.п. Монфалькон с благоразумием отвергает эти аргументы школы Блюменбаха, Гамбергера, Галла, Бартеза, Марганьи, Лангришиуса и других, которые утверждают, что разные отделы, которые все вместе составляют мозг, прекращают действовать во время сна, *потому что они получают меньшее количество крови, чем во время бодрствования*. «Воображение, память, – говорит Монфалькон, – обладают боль-

шой энергией у сновидящего человека, и однако невозможно не предположить, что отделы мозга, которые являются носителями этих способностей получали больше крови, чем другие.»

Со своей стороны, я был бы счастлив не отягощать себя объяснениями такого рода: «Когда в мозг поступает нервный флюид, он там всегда протекает через ситечка, предназначенные осуществлять некоторые из наших чувств, и вот почему он там пробуждает определённые серии идей предпочтительнее других. Итак, когда мы *видим* – это есть возбуждение зрительного нерва, когда слышим – слухового нерва и т.д.» Какие наблюдения заставляют нас создавать подобные теории? Что такое этот нервный флюид, и что он объясняет? Что возбуждает то зрительный нерв, то слуховой? Видел ли кто-либо когда-нибудь, не считая исключительных случаев, сновидения, в которых бы слышали, но не видели, или же видели, но не слышали? Хотеть объяснить все явления сновидения на таких началах – это хотеть приступить к неисследимой тайне союза души и тела. Не лучше ли удовлетвориться наблюдениями той стороны этих явлений, которая поддаётся нашему рассудку, а именно: той связи между определёнными впечатлениями или определёнными физическими расстройствами и иллюзиями наших сновидений, о чём говорит наш практический опыт.

Неречисляя и анализируя сперва теории многочисленных физиологов о причинах сна, Монфалькон признаётся, что они совершенно ничему его не научили. Ему совершенно неизвестна, – говорит он, – причина того фундаментального закона, который подчиняет жизнь животных двум способам бытия – бодрствованию и сну. Поэтому не причины этого закона, а его практические следствия следует изучать.

Жизнь всех животных свидетельствует о двух способах бытия: бодрствования, во время которого все функции осуществляются свободно и регулярно и сна, чьей особенностью является более или менее полное и более или менее продолжительное бездействие тех функций, которые приводят животное в сношение с внешними объектами. Однако, нельзя сказать вместе с физиологами, что оно менее живо, когда оно спит, что оно сводится к менее сложному существованию, так как с одной стороны органы чувств и мысленные способности, произвольные мышцы совсем не спят; с другой – энергия действия многих жизненно важных органов явно возрастает, да и другие функции подвергаются заметным изменениям. Сон – фундаментальный закон, довлеющий над всеми животными – есть активное состояние.

*Motus in somno intro vergunt*⁴², – сказал когда-то Гиппократ, замечая, что во время сна внешние части тела более холодны, а внутренние более теплы, чем в бодрствовании. *Somnus nil aliud est quam receptio spiritus vivi in sese*⁴³, – написал Бекон в наши дни. В поддержку этого способа рассмотрения сна, Монфалькон приводит согласные мнения многих авторов.

«Хорошо засвидетельствовано всеми врачами, – повторяет он, – что работа жизненно важных внутренних органов значительно усиливается во время сна, поскольку все переломы, вывихи и т.п. гораздо быстрее исцеляются под его воздействием.

Тело истощается меньше, когда человек спит; оно живёт для себя самого, и является чуждым всему окружающему. Без сна человек не смог бы долго прожить, так

---

⁴² Деятельность во сне внутрь обращена. – прим. И.Х.

⁴³ Сон не что иное есть, как принятие духа живого в себя. – прим. И.Х.

как его мозг, его чувства, мускулы, в отличие от его внутренних и всех внутренних жизненно важных органов не имеют той необъяснимой привилегии никогда не уставать.

Пока органы внешней жизни подвержены своего рода параличу, органы жизни внутренней не только продолжают действовать, но ещё и используют больше энергии.

Общей причиной, которая может вызвать нужду во сне является длительное осуществление функций, которые позволяют нам взаимодействовать с окружающими нас объектами, откуда проистекает усталость органов, которые связаны с этими функциями. Но почему они устают? Отчего те внутренние функций, которые постоянно в работе, никогда не испытывают такой же усталости и даже не требуют перерывов в работе? Какой физиолог раскроет эту тайну? Все врачи, не должны ли они воскликнуть с религиозным Галлером: *Fateor me ignorare quare hi muscoli non quiescunt, atque causam refundo in creatoris omnipotentiam, qui totum corpus nostrum simul fecit.*»

Итак, отдых органов, которые служат внешней жизни; удвоение деятельности функций внутренней жизни – таково определение сна, которое статья из Словаря Медицинских Наук приводит и пересказывает на все лады. Но если она констатирует удвоение действия многих функций животной жизни, она признаёт также, что такое же явление проявляется с не меньшей энергией в определённых мыслительных функциях, памяти и воображения, например, и это замечание совершенно естественно привело меня к размышлению, которое неоднократно возникло у меня в уме:

Не существует ли между законами, управляющими нашими физическими функциями и теми, которым подчиняются наши мыслительные способности, аналогии, заслуживающей нашего внимания?

Точно так же, как во время сна есть удвоение деятельности жизненных сил тела человека (внутренних и пассивных), обусловленное остановкой внешних сил, так развивается и удвоение силы и интенсивности в том, что я произвольно назвал бы пассивными мыслительными силами, такими как память и предоставленное самому себе воображение, тогда как заметно ослабленные внимание и воля – эти внешние силы души – не могут более действовать без усилия.⁴⁴

Пассивные функции материальной жизни исполняются с тем большей силой и регулярностью во время сна, чем меньше мы осуществляем над ними действия, и в то же время, воображение и память, кажется, тем больше поглощают энергии мыслительной жизни, чем больше внимание и воля прекращают воздействовать на них. Тщетно требовать во время бодрствования от памяти и воображения тех чрезвычайных концепций, тех воспоминаний одновременно таких далёких и таких чётких, какие возникают сами собой, когда сновидец присутствует как зритель на стихийной игре пассивных способностей своего интеллекта.

Память и воображение, таким образом, оказываются, как и внутренние жизненно важные органы, неустанными. Лишь одни внимание и воля, как орудия деятельной жизни, нуждаются в отдыхе.

Если бы Монфалькон признал бесполезность попыток определить те первичные причины сна, которые являются частью великой тайны творения, то он, по крайней мере, определил бы действенные причины, которые он на-

---

⁴⁴ Я отвергаю мнение физиологов, которые утверждают, что внимание и воля полностью упразднены в наших сновидениях; но я говорю больше – что эти способности обычно сохраняют всю свою энергию во время сна. – прим. автора.

зывает вторичными причинами, и которые он разделяет на шесть классов, давая им определяющие имена.

Эти различия могут иметь свою практическую пользу, когда изучают сновидения в их происхождении и их развитии. Вот почему я их здесь упомяну. Итак, вот они:

«1) *Circumfusa* [лат. окружающая среда]. Климат, ночь, темнота, холод, который гонит жизненную силу внутрь, и приводит даже к смерти, если ему поддаться и т.п.

2) *Ingesta* [питание]. Спиртные напитки, наркотики и т.д.

3) *Excreta* [выделения]. Сперматорея, кровотечения, сильные очищения, и т.п.

4) *Applicata* [примочки]. Тёплые ванны, наркотические мази.

5) *Acta* [действия]. Мышечная усталость, усталость чувств, нуждающихся в отдыхе и симпатическое вовлечение других. Пример: вечернее чтение; монотонный шум; мягкая доносящаяся издали музыка и т.д.

6) *Percepta* [восприятия]. Сильные душевные страдания. Слезы.»

После этих вышеперечисленных шести причин сна, Монфалькон помещает аномальные причины, такие как кровоизлияние в мозг, летаргия, удушье газом, сдавливание мозга в некоторых хирургических случаях и в истерическом состоянии девушек; но состояние бесчувствия, к которому эти случаи приводят, могут ли они быть действительно отнесены ко сну? Что до меня, то я так не думаю, и пользуюсь возможностью заявить, что никакое из моих наблюдений это не подтверждает.

Что касается 5-го пункта, то, говоря так же как и

Монфалькон об определённых мелодиях, звуках, созерцаниях, монотонных мелодиях, шуме листьев, журчании ручья, однотонном монологе, виде пшеничного поля, которое колышет ветер и т.д., как о действенных причинах, способных вызвать сон, Бартез замечает, что эти звуки или зрелища отвлекают наше внимание от всех других объектов, тогда как через их постоянное повторение они становятся для нас родными, таким образом, *что мы постепенно прекращаем обращать на них внимание, что приводит ко сну.*

Хотя он и не идёт дальше и ограничивается этим утверждением, не указывая нам почему, Бартез, как мне кажется, совершенно прав, и вот как, я думаю, этот факт должно разъяснить:

Переход от бодрствования ко сну всегда характеризуется более или менее продолжительным состоянием *грезинья*, в течение которого представления и воспоминания разворачиваются *стихийно*, согласно их законам ассоциации. Таким образом, очевидно необходимо, чтобы внимание было кратковременно остановлено, дабы эти *грёзы* могли возникнуть.

Когда, лёжа в постели, нам не даёт покоя какая-нибудь забота или мы с нетерпением ожидаем какого-нибудь желанного события, то мы инстинктивно пытаемся повернуть наш ум на другие мысли, не потому что эти мысли сами по себе несовместимы со сном, но потому что, по крайней мере, временно, их навязчивость должна быть устранена, чтобы овозможить то быстрое и стихийное разворачивание представлений и образов, что является необходимым переходом от бодрствования ко сну.⁴⁵

---

⁴⁵ Если мне возразят, что человек, изнурённый усталостью засыпает, как только ложится в постель и тотчас же засыпает без перехода, то я

Только один сорт внимания может быть совместим с приближением сна – тот, который мы иногда уделяем определённым нарождающимся видениям, постоянство или превращения которых становятся отправной точкой настоящего сновидения. Но нужно заметить, что это уже внимание, перенесённое с внешней жизни на внутреннюю. Итак, констатируя это удаление активных операций мыслительного аппарата от всего того, что составляет внешнюю жизнь, и их обращение на воображаемую жизнь сновидения, мы, тем не менее, признаём, что способность внимания отнюдь не упраздняется; и что заявлять об упразднении этой способности, потому что мы прекращаем на момент её задействовать, – было бы почти как если сказать, что нужно закрыть глаза, чтобы увидеть образы от проекционного аппарата. Да, сперва нужно закрыть глаза от света извне, но только чтобы затем открыть их светлым картинам, которые появляются.

Что до характера и силы внимания, которое мы можем обращать на различные предметы наших сновидений, то я немного позже сделаю их объектом многочисленных наблюдений.

скажу, что, каким бы коротким ни был, этот переход тем не менее существует. – прим. автора.

ГЛАВА 4

Статья «Сновидение» и статья «Грёзы» Моро (де ла Сарта). – § 1. Общие рассуждения. – § 2. Состояния умственных способностей во время сна и сновидений, и параллельно, относительно этого состояния бреда и сновидений. Моро допускает сон без сновидений. – Как Жуффрой оспаривает это мнение. – Моро утверждает, что все активные операции ума должны быть остановлены, чтобы человек находился в настоящем сне; другими словами, сновидение наступает только тогда, когда сон потревожен. – § 3. Как и почему образуются сновидения. – Критические замечания по этому поводу. – § 4 и 5. Как сновидения становятся чувственными, и что следует понимать под ясностью и яркостью сновидений. – О вечерних и утренних сновидениях. – Моро считает, что у нас нет власти над образами наших сновидений, я это оспариваю. – Как и почему человек не судит правильно о течении времени в сновидении. – О феномене ассоциации идей. – О том, что, по-моему, самые ясные сновидения имеют место в самом глубоком сне. – § 6. О характере, ощущениях и идеях во время сновидений, и об иллюзорных восприятиях в частности. – В сновидении ощущения более живы, чем в состоянии бодрствования. – О работе ума, когда он создаёт сновидение. – О том, что необходимо избегать слишком тонких различий в отношении классификации сновидений. – Соната Тартини. – Занимательный факт, сообщённый Моро (де ла Сартом). – Болезненные и похотливые сновидения. – § 7. О развитии, ходе и сюжете различных видов сновидений. – Можно ли уловить момент начала сновидений? – § 8. Медицинское толкование и классификация сновидений. – Кошмары. – Инкубы. – О ясности ума сомнамбул и галлюцинантов. – Мнения Лелу, Мэна де Бирана, Раттьера, Аделона, Бриера-де-Буамона, Мюллера, Маганди, Биша, Гассенди, Пьера Леру.

перехожу к статье «Сновидение», что в Словаре Медицинских Наук. Автор этой статьи не глубоко проникает в сердце вопроса. Он в основном озабочен определением того, что грёзы и сновидения – это, согласно ему, явления

совершенно разного порядка. Под грёзами он понимает все виды болезненных и не болезненных сновидений. Это – родовой термин. Слово же *сновидение*, наоборот, должно употребляться исключительно для обозначения частного вида непатологических грёз, «почти всегда зависящих от умственного напряжения или душевной озабоченности, которые сон не остановил... В сновидениях, связь с бодрствованием более явна; грёзы же более важны и драматичны.» Я останавливаюсь. Читатель видит к каким тонкостям это ведёт.

Статья «Грёзы» более пространна; она содержит не менее пятидесяти пяти страниц. Моро (де ла Сарт) начинает с объяснения, что ничем не пренебрегая из написанного по этому предмету, он главным образом будет держаться своих личных наблюдений; затем он скромно заявляет, что для рассмотрения этого трудного вопроса, необходимо «к самым проверенным физиологическим и медицинским данным прибавить самые тонкие идеи и самые возвышенные спекуляции психологии».

Несмотря на это странное начало, развитие которого заполняет весь первый параграф, труд Моро (де ла Сарта) весьма замечательный. Он прекрасно резюмирует состояние этой науки в эпоху написания этой статьи. Если идеи, которые она содержит находятся в почти постоянном противоречии с моими, лучшим для меня будет следовать шаг за шагом этим теориям, дабы показать насколько они отличаются от моих выводов, сделанных на основании моих наблюдений. Это будет, к тому же, способом кратко пройти большинство главных вопросов, на которых мы остановимся позже.

Итак, я продолжаю свой анализ, сохраняя разделение, принятое автором этой статьи.

§ 2. *Состояние умственных способностей во время сна или во время грёз (rêves), и параллели (относительно этого состояния) между сном и сновидениями (songes).*

Автор сразу же допускает (вопреки моему мнению), что можно спать без сновидений. По его мнению, когда сон глубокий, полный, естественный, в особенности у людей, привыкших к физическому труду, сновидений нет совсем, в особенности в первой стадии сна. Таким образом, он рассматривает сновидения «как нарушения, повреждения сна».

¶ уже выразился предельно ясно на этот счёт, так что не буду повторять как я отвергаю это мнение; но я должен подчеркнуть, что Моро (де ла Сарт) противоречит сам себе немного ниже (стр. 252), а именно «что если сон оказывается слишком глубоким, то в некоторых случаях возможно видеть сны не зная об этом; также как и сомнамбулы не сохраняют по своём пробуждении никакой памяти о том, что они делали или о чём думали во время сна.»

¶ Вот как ответил Жюффрой на эту теорию сна без сновидений, так часто воспроизводимую без подтверждения её серьёзными аргументами: «для ума спать – это не видеть снов, и невозможно установить, есть ли во сне моменты, когда он не видит снов. Отсутствие воспоминаний о сновидениях не доказывает отсутствие самих сновидений. Часто доказывалось, что люди видели сны от которых, не оставалось ни малейшего следа в их памяти. То, что ум иногда бодрствует, когда спят чувства, установлено; тогда как то, что он иногда спит – нет; таким образом, можно заключить, что он всегда бодрствует. Потребовались бы противоречивые факты, чтобы разрушить силу этого вы-

вода; все факты, кажется, наоборот, его подтверждают.»⁴⁶

Дугалд-Стюарт сформулировал этот принцип так: то что составляет сон и сновидения – это прекращение действия воли на способности ума и на органы тела. Моро (де ла Сарт) пошёл ещё дальше: «сон сводится не только к остановке воли, с метафизической и психологической точки зрения, это скорее остановка всех активных операций разума, таких как внимание, сравнение, суждение, память.»

Далее, проводя параллели между бредом и сновидениями, автор там находит это различие, вытекающее из того, что он только что объявил, что в сновидении всё пассивно, произвольно, воля упразднена и чувства закрыты со всех сторон, тогда как в бреду, наоборот, все чувства открыты, некоторые даже более чувствительны, чем в здоровом состоянии.

И потому же, согласно исследуемой нами статье нужно глубоко отделить изучение сна от изучения сновидений.

«Если сон глубокий, естественный, то все виды деятельности ума всецело упразднены.

Но многочисленные приобретённые идеи, большинство напряжённых привычек, то множество мыслей, понятий, знаний, которые составляют с большим или меньшим размахом интеллект каждого человека, могут при малейшем случае, если сон потревожен самой малой причиной, воспроизводиться, возобновиться с широтой, с неукротимостью ассоциации, которая не существует во время бодрствования.»

Иначе говоря, сновидение не начнётся, пока не будет потревожен сон!

Итогом этого первого параграфа есть: 1) *состояние*

---

⁴⁶ Jouffreoy. Nouveaux melanges philosophiques, p. 319– прим. автора.

сновидения является независимым от состояния сна; можно спать без сновидений; 2) сновидение обычно проявляется, когда сон оказывается каким-либо образом потревожен; 3) сновидение отличается от бреда тем, что в сновидении ум пребывает пассивным, тогда как в бреду, он показывает себя активным. Всё это независимо от болезненного характера, которым характеризуется это последнее расстройство.

§ 3. *Как и почему образуются сновидения?*

Вопреки явному интересу к этому заглавию, этот второй параграф является, собственно говоря, всего лишь продолжением предыдущего.

«Для того чтобы сновидеть требуются два условия: первое – развитый рассудок, более-менее знакомый с внешней жизнью мозг; второе – само состояние сна.»

Согласно первому из этих двух условий, «должно принять, что животные также видят сны, но ни слабоумные, ни эмбрионы.»

Это мне кажется слишком наивным. Конечно, мозг должен ознакомиться с жизнью, поскольку все сновидения образуются из элементов, содержащихся в нашей памяти; но причём тут слабоумные, разве у них нет памяти, и какой смысл в вопросе, может ли видеть сны эмбрион?

Второе предложение приводит к приравниванию с явлениями сна явления галлюцинаций и экстаза, поскольку Моро (де ла Сарт) сам считает видения экстатичных и галлюцинирующих разновидностью сновидений.

«У вполне здорового человека во время сна, которому предшествует умеренная усталость, никогда нет сновидений, или почти никогда.»

Затем следуют тончайшие различия, и совершенно бесполезные, между сновидением [le rêve], мечтательностью [la rêverie] или грёзами [la rêvasserie]

«Когда человек начинает дремать днём, стоя или сидя, в лодке, на коне, в карете, то это не есть настоящий сон, но его начало, его первая степень. Это – сонливость, которая приводит только к грёзам.»

Если эта сонливость есть начало, первая степень сна, как говорит сам автор, то почему же он не видит, что эти грёзы также являются началом и первой степенью настоящего сновидения?

«Это, – продолжает он, – время химерных образов, кривляющихся и движущихся фигур, сказочных призраков, облачных картин, как тени, которые представляются под всеми формами, которые разбиваются, разделяются и исчезают с такой же причудливостью, как и быстротой.»

Эти вырисовывающиеся картины как раз представляют собой переходной период, во время которого ассоциации и наложения идей так быстро сменяют друг друга вместе с соответствующими им образами, изменяемыми и умножаемыми до бесконечности тысячами восприятий внешнего мира, которые ещё чувствуются, хоть и слабее. Тогда ум прекращает обращать на них внимание, поскольку именно внимание, привязанное к внешним вещам, и обеспечивает состояние бодрствования. Он уже не направляет его свободно на эти несовершенные видения. Это такой момент, когда ставни ещё не достаточно плотно закрыты, чтобы позволить картинам волшебного фонаря [проекторного аппарата] чётко и ясно вырисовываться, но когда свет дня уже не проникает достаточно, чтобы позволить различать окружающие предметы. Это – первая степень сновидения, настоящего сновидения. Позже, эти видения неким образом угасают и исчезают, чтобы усту-

пить место мертвецкому сну, как предполагает Моро, и эти видения оживляются и мало-помалу сгущаются, если можно так сказать, по мере того, как сон набирает свою силу, по мере того, как *spiritus in sese recessus* устанавливается далее, и ум, свободно перенесённый из области реальной жизни в область жизни воображаемой, обретёт свои способности, удалённые на момент, но не упразднённые.

Этот второй параграф статьи Моро (де ла Сарта) можно подытожить так:

«В естественном сне сновидений нет. Если сон потревоженный (внутренними или внешними причинами), то он переходит в сонливость и тогда видят сновидения.»

§ 4 и 5. *Как сновидения становятся осязаемыми, и что следует понимать под ясностью сновидений?*

Рассмотрение так поставленных вопросов даёт мне возможность, которой я воспользуюсь с готовностью, затронуть ещё несколько интересных и спорных моментов по нашему предмету.

Этот четвёртый параграф статьи «Грёзы» начинается с уже высказанного мнения автора, а именно: «что возможно видеть сны не подозревая об этом, примером тому – сомнамбулы.»

В обычном смысле слова, как понимает Моро, иметь сновидения – это их ощущать, и сохранять о них воспоминание. Именно от этого, согласно ему, и зависит ясность сновидений.

Отсюда он приходит к этому странному выводу, что одно и то же сновидение может быть названо ясным или не ясным, в зависимости от нашего его воспоминания, что подчиняет само существование явления сохранённому о

нём воспоминанию.

Такой способ рассмотрения этого вопроса вполне логично приводит нашего доктора физиологии к заявлению, что утренние сновидения более ясные, чем вечерние. Ясно, что человеку гораздо легче вспомнить сновидения, предшествующие пробуждению, чем первые картины этой длинной серии последовательно воспринимаемых картин с вечера до утра.

Будучи верным своим принципам, провозглашающих что все активные способности рассудка остановлены во время сна, Моро думает, что «последовательность, сочетание идей в сновидении всегда бессвязны и беспорядочны, и что нам невозможно среди этих беспорядочных и произвольных движений ума продлевать, удерживать приятные впечатления, или прогонять страшные призраки и ужасные образы.»

Это мнение, как можно видеть, диаметрально противоположно тому, которому я отдаю предпочтение.

«Что до пространственных и временных отношений, то они не сохраняются в сновидениях», – продолжает далее Моро. Он мог бы добавить, что нет ничего более естественного, чем это. В состоянии бодрствования мы составляем себе идею времени на количестве наших действий в заданное время. В сновидении же, мы видим и делаем всё то, что последовательно извлекает наша память из своих складов благодаря ассоциации идей, и мы судим о течении времени исходя из того, сколько бы заняло в реальности делание всего того, о чём мы всего лишь думаем.

Затем следуют некоторые рассуждения на тему ассоциаций идей, которые, как мне кажется, заслуживают быть здесь приведенными.

«Каждая из идей человека, чей рассудок достиг оп-

ределённой степени развития, не размещается в его уме отдельно; она входит туда со многими другими идеями, которые связываются с нею по аналогии, по сосуществованию, и по всем видам отношений. Когда одна из этих идей представляется вновь, то она неизбежно вызывает многие другие. Говорят, что рассудок, увлекаемый каждой новой идеей, которая его захватывает, бросается как в своего рода колею, которая заводит его произвольно во многие другие. Вот почему простой звук, или идея колокола может внезапно породить то идею похоронной процессии, то идею религиозной торжественности, или образ пышного бракосочетания, в зависимости от текущего состояния нашей души и способа, которым все эти вещи сцепляются в нашем уме; это то, что называют *связыванием или ассоциацией идей*, которые могут распространяться на различные телесные действия, которые наиболее связаны с этими идеями, и которые за ними следуют или им соответствуют в определённых жизненных привычках.

Эти ассоциации, отнюдь не ослабляясь во время неглубокого сна⁴⁷ и в большинстве сновидений, обладают куда большей свободой, размахом, движением, чем во время бодрствования. Более или менее яркое впечатление провоцирует их часто в сновидениях, которые определяются случайными причинами, такими как манера лежать, какое-либо болезненное внутренне ощущение и т.д.

На самом деле, эти впечатления внезапно вызывают, поистине автоматическим образом, определённые группы, определённые совокупности идей или образов, которые с ними связаны каким-то образом, но чьи последовательности постоянно прерываются другими связками идей или

---

⁴⁷ Можно спросить, зачем это условие *неглубокого сна*, но нужно вспомнить, что Моро (де ла Сарт) не допускает сновидений во время глубокого сна. – прим. автора.

образов, которые следуют друг за другом и пересекаются во всех направлениях с этим беспорядком, этим смешением, с которым никакая мысленная сила не может тогда совладать,⁴⁸ и что́ можно рассматривать, как природу и сущность сновидения.

Многочисленные внутренние болевые впечатления также производят сновидения, которые иногда связаны с этими страстями более-менее прямым способом. Самые ужасные кошмары случаются у людей, у которых имеют подчревные спазмы, или стеснённое дыхание, или болезнь сердца или сосудов. Ипохондрики, истерички, наконец, все те, у которых затруднено пищеварение, подвержены таким же сновидениям.

Удивляясь этим связям между сновидениями и их случайными причинами, некоторые вполне разумно считали, что многочисленные впечатления, идеи, которые представляются уму во время сновидений не полностью ошибочны или иллюзорны. Профессор Д.⁴⁹, с которым я однажды беседовал об этих важных предметах, казалось был убеждён, на основании своих наблюдений и своего личного опыта, что сновидения, во время которых человек сильно охвачен каким-то конкретным представлением, например, что он погружён в воду или охвачен пламенем и т.п., зависят от какого-то болезненного состояния организма.

Он распространяет это мнение, согласно самым передовым физиологическим взглядам, и на сновидения, в которых человек получает сильный удар в голову, или на сновидения, в которых человек видит себя сдавленным непреодолимым препятствием, или мучимым тем, что не может найти свою дорогу в своего рода лабиринте, или

---

⁴⁸ См. в третьей части доказательства противоположного мнения. – прим. автора.

⁴⁹ Вероятно, речь идёт о д-ре Double. – прим. автора.

среди пропастей, изгибов, поворотов, которые он не может преодолеть не задыхаясь.»

Этот взгляд, как мы уже говорили, восходит ещё к Гиппократу. Он также разделялся Аристотелем, от проницательности которого не ускользнула и обострённая чувствительность нашего организма во время сна. Это может привести, – говорил он, – к открытию того, как некоторые глубокие и внутренние эмоции, которые зависят от начала серьёзной болезни, не воспринимаются во время бодрствования, тогда как они причиняют определённые сновидения, которые можно рассматривать, как прелюдию или первые симптомы этих болезней. Приходится сожалеть, что д-р Д. не счёл необходимым опубликовать эти интересные замечания, которые, несомненно, оказались бы ценным материалом для сравнения; я вновь обращаю внимание на то, что подобные патологические признаки можно распознать, когда больной спит, сохраняя в сновидении сознание (благодаря выработанной привычке), тогда он сможет обратить всё своё внимание на эти внутренние восприятия.

Здесь, и в особенности в следующем параграфе, Моро (де ла Сарт) сам настаивает на том, что ассоциации, будь то между впечатлениями и идеями, будь то между идеями и определёнными органическими движениями, действуют в сновидениях сильнее, чем в бодрственном состоянии; временная изоляция от внешних впечатлений благоприятствует восприятию самых тонких внутренних ощущений.

Он оканчивает этот раздел своей работы наблюдением, справедливость которого я готов признать, объясняя себе факт, который он сообщает с точностью до наоборот тому способу, которым он его понимает.

«Если сновидение, – говорит он, – поочерёдно стано-

вится то глубоким то поверхностным, то определённые части сновидения стираются, тогда как ясные и осязаемые части представляются в момент просыпания под видом одного сновидения.»

Для Моро, который верит в отсутствие сновидений во время глубокого сна, самые яркие картины и самые осязаемые будут такими, которые занимали ум тогда, когда сон становился более поверхностным. Для меня же, который пользуется сравнением с волшебным фонарём [проекторным аппаратом], дабы указать, наоборот, что чем полнее изоляция от внешнего мира, тем живее будут иллюзии сновидения, я утверждаю, что самые яркие и самые осязаемые части сновидения будут теми, которые соответствуют фазам наиболее глубокого сна.

§ 6. О характере ощущений и представлений во время сновидений, и об иллюзорных восприятиях в частности.

Автор повторяет, что ни у кого не вызывает возражений, что «воздействие внешних объектов на органы чувств, как и впечатления от внутренних органов, не прекращаются во время сна.» Затем он замечает следующее, и это полностью согласуется с моими представлениями, поскольку, на мой взгляд, все иллюзии сновидений извлекаются из хранилищ памяти.

«Впечатления, испытываемые во время сна, не могут породить настоящего и прямого ощущения, тогда как они вызывают с величайшей лёгкостью предшествующие ощущения, приобретённые представления, мысленные привычки или усвоенные сновидцем движения, зависящие от его образа жизни.

Впечатления, которые, не возбуждая подлинных ощущений, порождают различные сновидения, являются

куда более живыми, более сильными, чем в состоянии бодрствования. Раздражения, побуждения, которые едва бы были ощутимы в бодрствовании, как то: укусы комара, малейший шорох и т.п., во время сна приобретают энергию, интенсивность, которая, не прерывая его, становится внезапно событием и отправной точкой сновидения.»

Это нас приводит естественным образом к рассуждениям, изложенным немного выше по поводу замечаний д-ра Д.

«Идеи, образы, которые представляются уму во время сновидений, – продолжает Моро, – имеют нечто от силы, живости впечатлений, которые они вызывают путём ассоциаций. Вот почему считается, что большинство сновидений никогда не безразличны, но, как правило, очаровывающие или устрашающие.»

И как пример в поддержку предыдущего, приводится следующий факт:

«Одна молодая дама, за которой я ухаживал во время её болезни, и которую я застал однажды сильно взволнованной, рассказала мне, пытаясь объяснить своё волнение, что ей приснилось, как в её комнату проник какой-то мужчина, она внезапно проснулась и вскочила со своей кровати с криком «держите вора!» Это сновидение, развитие которого я попытался раскрыть, имело своим источником ощущение, возникшее от приложения руки самой спящей к своей груди, что она приняла за чьё-то прикосновение.»

Автор напоминает, что Кардан составлял в сновидениях множество замечательных работ; он цитирует многочисленные аналогичные утверждения, приписываемые Вольтеру, Кондиллаку, Франклину и другим известным личностям, что, как мне кажется, явно противоречит его собственным теориям о упразднении способностей души

во время сна. Для меня, кто теоретически отводит большую роль возможностям ума спящего человека, однако имеет мало веры в замысел и составление в сновидении трудов, я убеждён, что самообман только что названных людей стал бы очевиден, если бы они смогли сохранить по пробуждении вполне чёткое воспоминание этих исключительных композиций, о которых у них осталось лишь смутное чувство их величия. Я ещё воспользуюсь возможностью процитировать по этому поводу некоторые практические наблюдения, и в месте, где они будут приведены, я вернусь к тем размышлениям, на которые они вдохновляют.

Сочинитель Словаря Медицинских Наук излагает далее, что в сновидениях «видят» чаще, чем «слышат», что часто «осязают», но очень редко «вкушают» или «обоняют». Он прибавляет, что чисто умственные воспоминания также встречаются чаще, чем относящиеся к чувствам. Являясь неоспоримыми, эти наблюдения сами по себе не имеют ничего особо примечательного, поскольку осязание и зрение играют в нашей жизни куда более важную роль, чем запах и вкус; но, в поддержку этого утверждения, Моро вводит особое различие, которое нельзя обойти молчанием, хотя бы потому, чтобы показать к каким безрассудным ухищрениям может привести злоупотребление классификациями. Сновидения, в которых слышат крики, звуки выстрелов, музыку и т.п. он квалифицирует, как *галлюцинации*. «Большинство представлений и впечатлений, совокупность которых образует сновидения, – говорит он, – каковыми бы иллюзорными они ни были по отношению к внешним объектам, нельзя считать всецело иллюзорными, если их рассматривать в их связи с расстройствами или болезнями органов, которые порождают эти восприятия.»

Другими словами, большинство сновидений обу-

словлены физическими ощущениями, которые пробуждают определённые последовательности идей.

Теперь же, чтобы сделать галлюцинации (как он их понимает) совершенно отличным явлением, он добавляет: «То, что мы понимаем под галлюцинациями, совершенно отличается от тех восприятий, от тех представлений, случайную причину которых всегда возможно до некоторой степени распознать. Галлюцинации же, как подразумевает сама этимология этого слова, являются подлинными неожиданностями, иллюзиями, настолько совершенными видениями, настолько болезненными и ошибочными восприятиями, что их не возможно приписать *ни какому более или менее глубокому изменению мозга*. Таким образом, что в определённых случаях можно иметь галлюцинации в гуще сновидений.»

Но, в таком случае, как же тогда отличать галлюцинации в сновидении?

Согласно автору, галлюцинация будет отличаться от сновидения тем, что «в случае галлюцинации человек совершенно уверен, что он видит, и прежде всего, что он слышит, что он осязает как в состоянии бодрствования». Что означает, что когда сновидение обладает большой реалистичностью, чёткостью, наконец, иллюзорностью, то наш автор называет его *галлюцинацией*.

Не настаивая больше на отрицании этих надуманных теорий, всё же добавим ещё несколько слов, дабы больше к этому не возвращаться. Если хотим принять как данность, что только сновидения, вызванные случайными физическими ощущениями являются единственно подлинными сновидениями, тогда как все остальные сновидения, которые не имеют прямой случайной причины, или, по крайней мере, когда от нас ускользает эта причина, мы должны называть галлюцинацией, то тогда нам придётся отказать во-

ображению в способности самому вызывать картины, используя простую ассоциацию идей. И когда какой-то ряд сцен и картин, связанный вместе этим бесспорным явлением «ассоциации идей», разворачивается перед умом в сновидении, отправной точкой которого было какое-то физическое ощущение, то тогда нужно назвать *сновидением* только эту отправную точку, а *галлюцинацией* всё остальное, впрочем, не без условия, чтобы иллюзии были яркими? Кто же тогда сможет искренне похвастаться способностью на практике устанавливать подобные отличия?

Заблудиться в лабиринте таких тонких определений, когда мы ещё так мало знаем о сущности этих вопросов, кажется мне, признаюсь, очень лёгким делом. Назовём же иллюзии сновидения, экстаза, делирия, и даже безумия, как нам нравится; но признаем, что речь идёт об исключительном в своём роде явлении – изоляции от окружающего мира, обращение ума на самого себя, и как следствие, вера в реальное существование фактов, которые существуют лишь в нашем уме. Изучим же сперва это явление в своём естественном виде, во время естественного сна, и тогда, быть может, мы лучше поймём все те исключительные разновидности, к которым может привести какое-нибудь болезненное состояние. Моё сопротивление требованию объяснять наши сновидения игрой мозговых фибр [нервов] определённо не дойдёт до того, чтобы заставить меня забыть эту внутреннюю связь души и материи, тайну которую заключает в себе наш мозг. Я лишь настаиваю, чтобы, в нашем бессилии проникнуть в законы этого скрытого союза, мы искали бы лучше *как*, чем *почему* то, что в нас происходит.

В качестве примера сновидений, наделённых крайней живостью, во время которых активные силы воображения задействуют всю свою энергию, и которые он хочет называть галлюцинациями, Моро приводит сновидение

знаменитого композитора Тартіни, автора знаменитой сонаты, известной под именем «Трель дьявола». Маэстро уснул, будучи сильно озабоченным работой над одной сонатой, эта озабоченность сопровождала его и в сне; когда ему приснилось, как он снова принялся за свою работу и отчаявшись в своих силах, вдруг, пред ним явился дьявол, схватил его скрипку и сыграл столь желанную сонату с невыразимым изяществом. Он проснулся с порывом радости, и сразу же записал по памяти последний услышанный отрывок.

■ без сопротивления принимаю, что Тартини мог сочинить таким образом великолепную сонату. Что же до литературных работ, сделанных во сне, то я думаю, что высокая оценка, которую им иногда придают по пробуждении, главным образом обусловлена несовершенными воспоминаниям, и я приведу немного позже, в части практических наблюдений, некоторые примеры в поддержку этого мнения.

■ Ещё один странный факт поведал нам автор статьи «Грёзы». Имея возможность прощупать пульс одного спящего, чьё лицо выражало эмоции, причинённые страшным кошмаром, он нашёл его пульс в норме. Наблюдение, которое показывает о степени изоляции и независимости, которую иногда может в сновидении обрести наш ум.

До сих пор Моро (де ла Сарт) касался, главным образом, исследования материальных или душевных причин, способных осуществлять на наши сновидения более или менее проверяемое воздействие. Затем он рассматривает вопрос о влиянии, которое наши сновидения могут, в свой черёд, оказывать на наш физический организм. Согласно ему, многократное повторение определённых сновидений, очень ярких и волнующих, может привести к душевным заболеваниям.

«Телесные ощущения, определённые слишком связанные и слишком сложные движения, реалистичность которых кажется очевидной в большинстве сновидений, являются не менее иллюзорными, чем образы, представления, идеи, чувства, следствием которых они кажутся.

Однако, некоторые болезненные или приятные ощущения являются настоящими переживаниями при развитии многих сновидений и, чтобы это доказать, достаточно вспомнить, что происходит в сладострастных сновидениях.

Что касается поступков, более сложных движений, которые иногда исполняются в сновидениях, то примеры их можно найти не только у сомнамбулов, но и у жестикующих людей, которые кричат во сне или поют, разговаривают, и пересказывают отрывки прозы или стихов, о которых у них куда более слабые и менее точные воспоминания в бодрствовании.»

Что касается сладострастных сновидений, как называет их наш автор, то я немного позже установлю некоторые точные отличия. Что до фактов сомнамбулизма, то они не входят в рамки этой работы, чтобы останавливаться на них особо.

§ 7. О развитии, протекании и сюжете различных видов сновидений.

Автор излагает здесь общие соображения, которые он относит к анализу человеческого мышления. Теперь он переходит к «исследованию того, как развиваются сновидения, какова их обычная ткань, привычная глубина, и как во многих случаях их можно соотнести с определёнными точками и с определёнными причинами».

Некоторые сновидения настолько короткие, на-

столько мимолётные, протекают с такой быстротой, что тщетно пытаться, как считает автор, следовать за их ходом, за последовательностью идей или за восприятиями, которые образуют неполную и беспорядочную ткань их. Эти сновидения, – говорит он, – возникают в неполном сне, который он называет сонливостью или грёзами.

И посмотрим, мимоходом, как всё больше и больше суживается поле исследования предмета, если нам будет позволено называть настоящим сновидением то, что имеет в виду автор. Если сон глубокий, то у нас нет, – заверяет он, – никаких сновидений. Если он слишком поверхностный, то производимые им элементы сновидений будут неуловимыми.

«Также нужно отнести к этому виду грёз состояние, в котором оказываемся после достаточно короткой первой стадии сна, и в которой мы подвержены случайным возвращением одной идеи или небольшого числа идей, которые, не образуя настоящего сновидения, постоянно нас осаждают.»

И немного ниже автор приписывает усталости или сотрясению мозга «многие достаточно связанные сновидения, которые часто происходят после непривычного занятия некоторыми тяжёлыми упражнениями, такими как охота и верховая езда, или, у детей, слишком оживлённая игра. Часто понимают, – продолжает он, – ту случайную причину этих различных сновидений или грёз; но тщетно пытаться отыскать первый элемент, отправную точку.»

Однако, этот первый элемент, эту отправную точку, я ловил более чем один раз, и я надеюсь также показать читателю, как словить её самому.

«Сновидения, ткань которых, последовательности идей и образов которых наименее чужды обычному со-

стоянию ума сновидца, его привычек и т.д., обычно указывают на его здоровье, поскольку они свидетельствуют об отсутствии ненормальных ощущений, которые могли бы нарушить естественных ход идей.»

Это вполне верно и совсем элементарно. Не менее очевидно также, что сновидения, которые предлагают нам волнующие сцены или картины, выходящие за пределы наших привычных занятий, свидетельствуют о необычном состоянии в организме сновидца.

Моро (де ла Сарт), который посвятил последний параграф своей статьи медицинскому толкованию многочисленным сновидениям, настаивает в конце на частой связи этих иллюзий сна «с определёнными внутренними впечатлениями, с временем и протеканием острых болезней, их кризов, и даже способов лечения, которые подобает им противопоставить, как бы внутренние голоса, стихийное наитие имеет больше свободы и энергии в человеке во время сна, чем во время бодрствования.

Простое повышение температуры, особенно в молодости, определённые патологические предрасположенности мозга, которые иногда предшествуют более серьёзным заболеваниям, вызывают эти сновидения, в которых человек оказывается таким далёким от самого себя, от своего характера и от своего сложения ума. Есть примеры совершенно необычных сновидений, которые представляются как изолированные события в существовании того, кто сновидит, и воспоминания которых, слишком слабые в момент пробуждения, позже всплывают с большей яркостью, когда те же причины напоминают те же сновидения, которые представляются тогда, как раньше пережитая ситуация, и все обстоятельства которой человек вспоминает.»

Это последнее наблюдение совершенно справедливо

и совершенно точно подмечено. Наличие особого вида памяти в состоянии сновидения, посредством которой во время сновидения человек извлекает невероятно точные воспоминания предшествующих сновидений, совершенно истёршихся из памяти во время бодрствующего состояния, – это один из феноменов, столкновение с которым меня поразило больше всего в моих практических наблюдениях: неважно, имеют ли они причиной своих повторений некоторые болезненные ощущения, крайне тонкие и воспринимаемые лишь во время сна, или они обусловлены одной только ассоциацией идей.

§ 8. *Медицинское толкование и классификация сновидений.*

Моро (де ла Сарт) уже приводил множество примеров той связи, которая существует иногда между сновидениями и состояниями здоровья. Теперь он говорит о необходимости, если кто хочет заняться сновидениями с точки зрения семиотики, не смешивать с влиянием внутренних и болезненных впечатлений «всё то, что может зависеть либо от раздражения или мысленного занятия, сохраняющегося во время сна, либо от способа лежать и различных внешних впечатлений.» Затем он классифицирует сновидения по их природе и по диагнозу, который можно поставить на их основании.

¶ Не буду следовать за ним в этой медицинской части его труда, это было бы посягательством на эксклюзивную область медицины, приступить к которой я не чувствую себя способным. Скажу только, что эти сведения натолкнули меня на полезные наблюдения, и я процитирую несколько отрывков, которые не выходят за рамки, которые я себе обозначил.

Говоря о тех мучительных удушьях, которым дали имя кошмаров, Моро выражается так:

«Этот вид сновидений имеет множество разновидностей, начиная с невозможности иметь или сообщить определённые идеи, выполнить какое-либо действие, исполнить какое-либо решение и заканчивая агонией, которую чувствуют в результате невозможности двигаться, чтобы выбраться из опаснейшего положения.

Не без основания полный и совершенный кошмар называют инкубом⁵⁰, и считают его самым мучительным и самым болезненным из всех сновидений, и нет ничего удивительного в том предположении, что он мог ставать при определённых обстоятельствах причинной внезапной смерти.

Этот вид снов в первую очередь характеризуется видением великой опасности или устрашающего, отвратительного объекта вкупе с невозможностью говорить, кричать, двигаться, что сопровождается чувством агонии и удушья, которые не встречаются в других патологических сновидениях, каковыми бы трагическими и болезненными их не считали.»

Ещё раз замечу, что эта чудовищная тревога, это отчаянное удушье, случайной физической причиной которой иногда является лёгкое недомогание, показывает, до какой степени может возрастать чувствительность во время сна. Кошмар предлагает нам выражение страдания, доведённое этим нервным и душевным возбуждением до своего максимума, точно так же как некоторые сновидения совершенно другой природы распаляют в нас инстинкт самых

---

⁵⁰ Инкуб – демон мужского рода, который душит человека во сне или вступает с ним в развратные сношения; аналогичный демон женского рода называли в средневековье суккубом. – прим. И.Х.

жгучих страстей и заставляют нас испытывать чувства радости, порывы высшего сладострастия, которые трудно даже прочувствовать так глубоко в реальности.

«Многочисленные патологические предрасположенности, более конкретные, чем те, что причиняют кошмар, – продолжает Моро, – оказывают заметное влияние на природу сновидений, до такой степени, что в этом случае, сновидения больных могут пролить больше света на их состояние здоровья, чем любые другие средства диагностирования. Если обратиться к некоторым наблюдениям, проведённым заслуживающими доверия людьми, то вдохновения, внутренний голос инстинкта представляет, при некоторых обстоятельствах во время сновидений, поистине пророческую точность и ясность, не только в том, что касается места или природы различных патологических поражений, но ещё и указывает некоторые очень действенные средства лечения.»

Это обострение внутренней чувствительности, о которой уже столько раз мы говорили, вполне естественно приводит к наитончайшему восприятию внутренних расстройств. Что же касается предсказания лекарств, это приводит, как то понимает сам автор, к тому достаточно любопытному следствию, что человек может иногда восстанавливать в себе во время сна тот инстинкт самосохранения, который является врождённым, как у него, так и у животных, но его образование [в смысле, обучение] привело к его утрате.

Моро (де ла Сарт) продолжает свою статью несколькими соображениями насчёт сомнамбулизма и даже магнетизма [гипнотизма], которые он считает патологическими видоизменениями сна и сновидений. Он приводит многочисленные факты в поддержку этого мнения, которое разделяю и я, и заканчивает рассуждениями, которые мне ка-

жуются отнюдь не устаревшими:

«Магнетический сомнамбулизм [вызванный гипнозом], если избавить его от всего того чудесного, что часто ему приписывают очевидцы этого исключительного явления, сведётся к экстатической или каталептической сонливости: только он не проявляется стихийно, но настаёт при определённых условиях и приводится в действие третьим лицом, посредством силы его нервной системы в частности или всего его организма.

В этой ситуации, которая, по-видимому, может быть спровоцирована лишь у малого числа людей, к тому же, особого склада, мозг находится, как и при сомнамбулизме и в куда большей степени, чем во время естественного сна, в полной изоляции от внешних объектов.

Последовательность, сочетание идей оказывается заметно изменённой и более активизированной сосредоточенным состоянием возбуждения и экзальтации головного мозга. Люди, помещённые в подобную ситуацию, вдруг приобретают своего рода ясновидение или интуицию относительно своих болезней, и могут гораздо быстрее, чем во время бодрствования прийти к некоторым познаниям, которые относятся к их настоящему положению, как телесному, так и душевному.»

Это последнее суждение кажется мне совершенно справедливым. Таков, по-моему, секрет большинства полчудесных фактов, которые связаны с естественным или искусственным [т.е. гипнотическим] сомнамбулизмом. Связь, которая устанавливается между спящим и бодрствующим позволяет объединить ведомое и обдуманное направление одного к крайней сосредоточенной ясности другого. Одновременно, это приводит к исследовательской логике и тонкости восприятий, которыми никогда не обладали одновременно ни спящий человек, ни бодрствующий.

Отсюда – чрезвычайная проницательность, как для открытия мест и природы некоторых внутренних недугов, ещё неощутимых в состоянии бодрствования, так и для предвидения, благодаря индуктивному мышлению и с помощью инстинктивных рассуждений величайшей точности определённых будущих событий, которые уже существуют так сказать в зародыше, и чьё свершение будет всего лишь развитием ряда следующих друг за другом фактов. Но с патологической точки зрения, чтобы это ясновидение было рациональным и заслуживающим доверия, спящий [сомнамбул] должен обращать свой взор на свой собственный организм, а не на организм другого; поэтому к ясновидению последнего случая я не питаю ни малейшего доверия. Впрочем, я не буду заниматься обсуждением этого рода фактов; это вывело бы меня за пределы области моих личных наблюдений, в которых я желаю оставаться.

Немного выше мы видели, что Моро пытается выделить галлюцинации в отдельное явление. Галлюцинации, которые он приписывает каталептичным, вызывают у него идею нового психологического разделения. Я же, который не будет исследовать эти аномальные состояния с точки зрения их патологических причин, буду употреблять слово *галлюцинация* только в смысле любой иллюзии, которая не происходит из естественного сна; я лишь замечу, что это явление ничем не отличается по своим результатам от обычного сновидения, если под ним понимать *представление взору ума объектов, которыми занимается мышление, когда имеется полная изоляция от внешнего мира*. Различие между галлюцинацией и сновидением могло бы существовать в физических условиях, которые обуславливают видение, но совсем не в характере этого видения, как такового. Чем бы ни был естественный сон, который, через онемение тела, заставляет нас потерять чувство окружающей реальности и позволяет уму сосредотачиваться на ка-

кой-то идее со всей своей воображительной силою, или же тот же эффект будет вызван каким-нибудь материальным возмущением в нашем организме, конечный результат будет таким же. Необходимо упразднение любого света извне, чтобы картины волшебного фонаря [проекторного аппарата] проявились чёткими и цветными на экране, на который проецируется их образ; но выполняется ли это условие возвращением ночи, или же плотным закрытием штор в ясный день – характер явления от этого отнюдь не меняется.

Эскироль не колеблясь пишет: «Мнимые ощущения галлюцинирующих являются образами их идей, воспроизводимых памятью, сопровождающихся воображением и персонифицирующихся привычкой. Тогда человек сновидит наяву.»

Таково мнение и Рубо-Люса и Фодерé.

Итак, мы переходим к современникам, пройтись по всем писаниям которых я совсем не претендую, поскольку в них редко встречаются новые идеи, главным образом с точки зрения рационального анализа феноменов сновидения. Мэн де Биран оппонирует Жуффрою. Г-н Лелу пытается держать равновесие между этими двумя авторами. Ратгьер излагает почти такие же идеи как и Дугалд-Стюарт, оспаривая мнение об остановке внимания, исповедуемое Моро (де ла Сартон), против которого он приводит такой аргумент:

«Сон не останавливает деятельность души, но лишь власть воли как на телесные органы, так и на порядок и ход наших мыслей; ум сохраняет лишь способность обращать своё внимание на последовательности идей или понятий, которые в нём протекают, поскольку иначе было бы невозможно объяснить, как душа во время сновидения zapomинает свои сновидения, так как хорошо известно, что

мы вспоминаем и можем вспомнить только то, что было целью нашего внимания.»⁵¹

В своей «Физиологии человека» д-р Аделон допускает возможность сна без сновидений, как и многие из его предшественников; но сила истины такова, что логика приводит его к противоречию самому себе по этому такому важному и спорному вопросу, когда он пишет: «В зависимости от глубины сна, человек сохраняет или нет память на свои сновидения.»

Противоречить этому будет также и Бриер де Буамон, который, в согласии с Жюффроем, приходит к таким строгим выводам: «Возражали против сновидения, справедливо называемого отдыхом ума, что его часто не бывает и что многие пробуждаются без сновидений. Это возражение не имеет оснований. Один решительный опыт не оставляет ни единого сомнения на этот счёт. Если бы вы были окружены спящими людьми, и если бы сон не смог приблизиться к вашим векам, то вы были бы свидетелем телодвижений, слов, действий, которые являются такими показателями сновидений, что будет достаточно напомнить их тем, кто якобы ничего не видели во сне, чтобы поставить их в колею воспоминания сновидения. Это забвение сновидения после сна не более необычно, чем то, что имеет место в бодрственном состоянии, когда человек к концу дня не вспомнит и сотой части тех мыслей, которые у него были.»⁵²

Доктор Аделон со своей стороны ниспровергает мнение тех, кто отрицают действие воли во время сна. Опираясь на опыт Кондиллака, он говорит: «Иногда во время сна осуществляется настоящая умственная работа, которой,

---

⁵¹ Cours complet de philosophie, par M. Rattier, t. II, p. 422. – прим. автора.

⁵² Briere de Boismont. *De l'identite du reve et de la folie.* – прим. автора.

кажется, управляет воля. Часто внезапно с лёгкостью разрешают трудности памяти, рассуждения, воображения, которые не могли победить во время бодрствования. Человек удивлён ясностью своих идей и лёгкостью, с какой он их тогда выражает. Нет сомнений, что это происходит от того, что деятельность ума полностью сосредоточена на одну цель, и не отвлечена никаким другим действием.»

Такое же отсутствие отвлечения, такая же сосредоточенность жизненных сил, в то время когда действия бодрствования остановлены, приводит к экзальтации всех эмоций чувственного порядка. «Функции внутренних органов, которые обычно приводят в движение страсть, также являются изменёнными; дыхание замедляется, становится прерывистым; сердце стучит сильнее. Человек, находящийся под давлением кошмара или инкуба, оказывается в таком же состоянии агонии, как если бы он был жертвой самого реального страдания.»

В этом пункте, я полностью согласен с процитированным мною автором, и я также приведу следующее, согласное с моими личными наблюдениями, заявление: «что человек иногда пытается выяснить, реальны ли те сцены, которые предстают пред его глазами, или же они всего лишь плоды его сновидения, и тогда он может в большей или меньшей мере продолжить их, переделать их как ему будет угодно, или же прервать их пробуждением, если произойдёт что-то не так.»⁵³

Но по вопросу ясности [осознанности] идей в сновидении, и делании умственных работ, которые там можно совершить, я склонен придерживаться мнения промежуточного между мнениями Мюллера и Кабаниса.

---

⁵³ Adelon. *Physiologie de l'homme: du sommeil*, Т. II, p. 361. – прим. автора.

Мюллер говорит: «Иногда случается, что человек в сновидении рассуждает с большей или меньшей правильностью. Он размышляет над вопросами, и он радуется, если находит решение. Однако, когда он проснётся, то часто обнаруживается, что решения, которые он считал найденными, оказываются чисто иллюзорными, и что то решение, которому он радовался лишено здравого смысла.»

Кабанис, наоборот, написал: «Иногда в сновидении у нас возникают идеи, которых у нас никогда не бывало. Например, нам снится, как мы беседуем с каким-то человеком, который говорит нам нечто, чего мы не знали., Ум и в самом деле может продолжать свои поиски в сновидениях; определённая цепочка рассуждений может привести его к идеям, которых у него не было; он может проводить по своей воле, так же как он то делает и в бодрствовании, расчёты, которые показывают ему будущее; наконец, определённые последовательности внутренних впечатлений, которые согласовываются с предшествующими идеями, могут привести в действие все силы воображения, и даже представить человеку какой-нибудь исход событий, подробности о котором он услышит (в сновидении) в каком-нибудь обычном разговоре.»⁵⁴

Думаю, здесь уместно сделать важные различия, в зависимости от характера умственной работы, о которой идёт речь. Работа, которая требует разумного применения массы сложных понятий, приобретённых изучением в реальной жизни, сравнений, рассуждений и последовательных умозаключений, так вот, эта работа, как правило, будет выполнена плохо. И, наоборот, та работа, которая требует больше вдохновения, чем хладнокровия, и для которой частичное опьянение не является помехой, та работа, при которой ум работает с простой, однородной материей,

---

⁵⁴ Cabanis. *Rapport du moral et du physique de l'homme*. – прим. автора.

когда цепочки идей раскручиваются сами, как при простых математических вычислениях, например, или же, когда главными являются воспоминания и сравнения по аналогии форм, как при сочинении музыки, писании картин и при архитектурных композициях, так вот, эта работа может иногда исполняться превосходно.

Этот вопрос будет раскрыт немного позже в третьей части этой книги, посвящённой практическим наблюдениям. Там я попытаюсь объяснить и подтвердить на некоторых примерах то, что здесь я только упомянул.

У меня есть основание верить, что мои взгляды насчёт возможности управлять своими собственными сновидениями не были, по крайней мере, априори, неблагоприятно встречены знаменитым прусским физиологом, поскольку он также сказал: «Когда сновидение слишком близко подбирается к бодрственному состоянию, тогда человек хорошо чувствует, что он видит сон и, несмотря на глубокое убеждение, что это так, он может, тем не менее, продолжать видеть сон.»⁵⁵

Другой отрывок из книги того же автора также может его авторитетом поддержать некоторые из способов, которые, как я считаю, касаются управления сновидениями. «Свет горящей лампы, как и её угасание, во время сна человека, – пишет он, – оказывает определённое влияние на сновидения. Прекращение какого-то звука, к которому человек привык во время сна, вызывает в душе определённые идеи, так же как и возникновение непривычного звука.»⁵⁶

Определённо, если сразу же принять эти два существенных момента – действие воли во время сна, и действие

---

⁵⁵ Müller. *Physiologie der Menschen*. – прим. автора.

⁵⁶ Müller. *Physiologie der Menschen*. – прим. автора.

внешних раздражителей на ход идей спящего человека – то мы будем не далеки от того, чтобы признать, что сновидения можно изменять и даже управлять ими по воле.

¶ уже упоминал Бриера де Буамона. Чтобы точно следовать хронологическому порядку, мне следовало бы сказать сначала о статье «Сон», опубликованной в 1841 г. в «Новой Энциклопедии» знаменитым апостолом социализма г-ом Пьером Леруа.

Этот автор, сперва, и главным образом, старается показать, что этот предмет является пока одним из наименее освещённых человеческими познаниями; он сразу же нападает на самых именитых психологов и физиологов современной науки, чтобы показать, что ни одни, ни другие не дали сну и сновидениям удовлетворительного объяснения.

Теории Маженди, Биша, Гассенди и школы Лейбница очень подробно им раскритикованы. Он даже не пощадил Жуффроя: «Странный результат физиологии и психологии, обучаемой сегодня, – пишет он; – если я спрашиваю физиолога, в чём состоит сон, то он сразу же кивает на душу, поскольку, согласно ему, тело не представляет других явлений, кроме умаления в состоянии бодрствования. Ведь только душа, или, как говорят физиологи, разумная жизнь может объяснить сон. Временное прекращение или остановка разумной жизни – вот последнее слово физиологов; но когда я обращаюсь к психологам, – всё наоборот. Они кивают на тело; они не хотят слышать, что их душа спит, что она входит в особое состояние, что во сне она отличается от себя в бодрствовании. Это тело, – говорят мне они, – подвержено особому состоянию, которое они называют сном; душа слишком благородна, чтобы спать. Результатом этих двух наук, на данный момент, является отрицание существования сна, поскольку ни тело, ни душа

не изменяются, и что физиологи и психологи поочерёдно отсылают друг к другу.»

Ваключение г-на Пьера Леруа и выражение его личного чувства таково: «наша сущность не является ни мышлением, ни материей; другими словами, наши идеи относительно мышления и материи как о независимо существующих – не что иное, как химеры и иллюзии; на самом деле нет ни чистого мышления, ни чистой материи.»

Видим, для того чтобы удержаться посередине между психологами и физиологами, философ-социалист, отрицающая изолированное существование мышления, сама впадает в материализм, который можно было бы называть чистым. Наша задача совсем не в том, чтобы вести дискуссии на этом поле, ограничимся здесь лишь тем, что в глазах г-на Пьера Леруа «сон не есть ни отключение души, ни отключение тела, но, наоборот, совместная работа души и тела, как и бодрствование, т.е. состояние, которое зовётся разумной жизнью, продолжается под другим видом, отличным от такового в бодрствовании, равно как и то что зовётся органической жизнью также продолжается под видом, отличным от вида, который эта жизнь имеет во время бодрствования.»

Наконец, «что глубокое изучение сновидений должно стать единственным способом для достижения познания сна.»

Всем вышеизложенным материалом я показываю, насколько разнятся и противоречат друг другу взгляды многих писателей, которые приступали, более или менее прямо, к вопросу о сновидениях. Академия Душевных Наук, кажется, приняла к сведению это отсутствие метода, этот недостаток точных данных, обнаружив в каком плохом состоянии находится познания этой столь интересной ветви физиологии человека, когда она в 1854 году объяви-

ла уже упомянутый выше конкурс.⁵⁷

Победившим в этом конкурсе трудом оказался труд г-на Альберта Лемуана, который, поэтому, заслуживает особого внимания, и к тщательному изучению которого мы и приступаем.

Впрочем, по ходу, я буду также продолжать излагать свои собственные наблюдения и свои идеи, когда будут предоставляться удобные случаи.

---

⁵⁷ См. стр. 26. – прим. автора.

ГЛАВА 5

О сне с физиологической и психологической точек зрения (Альберта Лемуана). – Существует ли сон без сновидений? – Следует ли видеть в сновидении особый вид мышления? – О переходе от бодрствования ко сну. – Новые рассуждения о значении слов сновидеть и мыслить. – Нуждается ли душа в отдыхе? – Теория возбуждения нервов, и система Мэна де Бирана. – Как Лемуан объясняет спутанность сновидений. – О большей или меньшей точности в образах, и почему наши сновидения очень редко предлагают нам равную степень ясности. – Среди каких-то обстоятельств одна дама видела во сне брата, которого потеряла много лет до этого. – Ухудшения некоторых *отпечатков в памяти* и чудесное сохранение других. – О переходах посредством замещения или наложения образов. – Об участии каждого из наших органов чувств в образовании наших сновидений. – Беспомощность материалистических теорий объяснить иллюзии сна. – Попеременная активность и пассивность нашего ума, и следствие из этого явления относительно структуры наших сновидений. – Как я классифицирую сновидения. – О влиянии телесных ощущений на ум во время сновидений, и реакция озабоченностей ума на органы тела. – Что иногда мешает сну быть восстанавливающим. – Природа усилия, совершаемого умом, чтобы разбудить тело. – Душевная чувствительность. – Чувства, которые испытывают в сновидении, всегда ли они похожи на испытываемые в бодрствовании? – О состоянии ума в сновидении, и почему рассуждения в этом состоянии часто такие ошибочные. – Сравнение сновидения с безумием. – О сознания, памяти, ассоциации идей и воображении согласно Лемуану. – Важные различия относительно роли, которую играет в наших сновидениях воображение. – О внимании и двигательной способности.

Существует ли сон без сновидений? Можно ли спать, не видя снов? На этот главный и первостепенный вопрос г-н Лемуан предлагает нам сперва самые мучительные коле-

бания.

«Первая фаза сна, которая следует за засыпанием, почти всегда лишена сновидений», — пишет он вначале (стр. 20).

Но немного ниже, в той же главе содержатся такие отрывки, как вот этот:

«Если воспоминание о сновидении рассеивается вместе со сном, то мы говорим, что не имели сновидений. Когда же какой-либо свидетель нашего сна застаёт врасплох на нашем лице или в наших движениях доказательство, что мы потревожены сновидением, и когда он нам рассказывает что он видел, то мы говорим, что потеряли о нём воспоминания; я же добавлю на этот счёт, что я будил людей, которые сновидели и что я вынуждал их признать, напоминая им их последние слова или их последние жесты во сне, что они таки видели сон.

Нет сомнений, что во время бодрствования мы никогда не прекращаем думать или чувствовать; однако мы не можем, к концу дня, вспомнить все мысли, которыми был занят наш ум, все чувства, которые переживала наша душа. Так если же мы не сохраняем воспоминания о наших бодрственных чувствах и мыслях, тем более мы можем забыть наши ночные сновидения. Когда во время какой-либо дружеской беседы замолкаем на несколько минут, то кто же тогда не будет застигнут врасплох таким неожиданным вопросом друга: *О чём вы думаете?* Кто же не ответит, как внезапно проснувшийся: *Я ни о чём не думал*, и тотчас же исправляя глупость первого ответа, добавит: Да, конечно же, у меня была мысль, быть может даже много, но таких незначительных, таких неопределённых, что ваш вопрос спугнул их и они не оставили никакого следа в моей памяти.» (стр. 24)

* * *

«Это доказывает, что если по выходе из длительного и глубокого сна, я отвечаю тому, кто пересказывает мне свои ночные сновидения, что я, со своей стороны, не имел ни одного, то это совсем не означает, что у меня их не было. Возможно даже, что во время сна тела, ум никогда не прекращает быть занятым. Отсутствие каких бы то ни было воспоминаний не является доказательством того, что мы не видели снов, ибо это может быть результатом забвения. Наоборот, наличие таковых воспоминаний есть свидетельством того, что мы, возможно, сновидим всегда, раз уж мы сновидим иногда.»

* * *

«При выходе из тяжёлого и глубокого сна, мы редко когда вспоминаем что видели сны, а обратное чаще всего имеет место, когда мы спим поверхностным сном. Но *может так быть, что глубина сна является достаточно благоприятным обстоятельством для сновидений и быть может даже более благоприятным, чем его поверхностность.*»

Автор призывает в поддержку этого вполне справедливого взгляда уже упомянутый факт, что сомнамбулы, т.е. те спящие, чей сон является наиболее глубоким, те, чьи сновидения являются наиболее ясными и наиболее последовательными, относятся также и к тем, кто хуже всех вспоминают свои сновидения, что позволяет физиологам говорить об амнезии на сновидения, как о главной черте сомнамбулизма.

Ещё он добавляет: «Таким образом, невозможно, чтобы самый глубокий сон, как и самый поверхностный, с самого начала засыпания вплоть до пробуждения, был чем

либо иным, кроме как длинной последовательностью сновидений.» (стр. 34)

¶, постулировав следующие аксиомы (которые я позже буду защищать):

«*Спящее мышление* является таким же невозможным, как и *мёртвый ум*.

Немыслящий ум – это как невесомое тело»;

¶н приходит к такому заключению: «Нет сна без мышления. Ум не знает сна.» (стр. 61)

Ещё Лейбниц сказал: «Отсутствие мышления в душе и абсолютный покой в теле кажутся мне равно противоречивыми природе. Если тело никогда не бывает в покое, то душа никогда не бывает без восприятия.»⁵⁸

¶днако, не следует думать, что г-н Лемуан так полно настаивает на своём первом мнении. Едва высказав эти идеи, как он, кажется, уже находит их слишком строгими. С этого момента он пытается их смягчить через ограничения, тонкость которых, признаться, я улавливаю с трудом. Послушайте же:

«¶дно дело утверждать, что ум ни на миг не прекращает сновидеть во время сна, другое дело просто говорить, что мышление никогда полностью не останавливается во время покоя органов. *Сновидение – это мышление особого вида*. Это самая поразительная форма и самая, быть может, обычная деятельность нашего ума во время сна, *но не единственная*.» Г-н Лемуан не соизволил рассказать нам, в какую-то такую другую форму может облачаться деятельность нашего ума во время сна. Он продолжает: «Редко сновидение бывает без никакой примеси мыслей и чувств *другого вида*; никогда оно не заполняет самим собой всю

---

⁵⁸ Лейбниц. Новые очерки, стр. 223– прим. автора.

длительность нашего сна, если конечно *сновидением* не называть все виды чувств и мыслей, любые проявления деятельности нашего ума, наконец, все те явления, последовательность которых и составляет состояние и историю души во время сна.»

Что до меня, то я и в самом деле считаю *любое мышление спящего человека сновидением*, и что именно в этой форме мышления и заключается, с психологической точки зрения, различие между сновидением и бодрствованием. Человек засыпает; пока он ещё бодрствует, его мысль не принимает ни ‘плоти’, ни окраски – этому мешает окружающая мир; по мере одолевания сном, его мысль принимает цвет и ‘плоть’; именно теперь настаёт сновидение, и сновидение является формой мышления во время сна. Что до этой третьей формы мышления, о которой, кажется, говорит г-н Лемуан, то я убеждён, что ему было бы очень трудно её определить. Вполне понятно, что засыпают не так как пробуждаются, т.е. внезапно и без перехода, таким образом что мы не в состоянии наверняка определить момент, когда мышление потеряло свой *бодрственный* характер и стало *сновидением*; но это переходное состояние составляет особое состояние ума не больше, чем сумерки составляют особый характер света, равно как и момент, когда образы волшебного фонаря [проекторного аппарата] не являются ещё достаточно чёткими (поскольку ещё не полностью зашторили окна) не представляет из себя отдельного оптического явления. Это переход от одного состояния к другому, а совсем не состояние *sui generis*.

Посмотрим же что происходит при пробуждении:

Мне снится, что я в Tuileries и что я смотрю, проходя, на какую-то статую, впечатление от которой особенно западает в мою память. Вид этой статуи и затеняющих её деревьев представляются мне поистине во всём их цвете и

форме. Я просыпаюсь. Только что сновидение ещё живо присутствует в моём уме, но мои глаза теперь воспринимают предметы реального окружающего меня мира. Их вид замещает образ статуи, которую я только что созерцал, подобно тому как картина декорации и меблировка зала заменяет образы проекционного аппарата, если внезапно открыть шторы; теперь я могу только думать об этой статуе, я её больше не сновиджу. Ещё один раз, вот разница между сновидением и мышлением.

Это сравнение относится, конечно же, только к иллюзиям зрения, поскольку зрение единственное из наших чувств, на которые оказывают впечатление образы проекционного аппарата; но вполне понятно, что моё замечание должно распространяться и на все чувственные иллюзии сновидения; будь то воображение прикосновения или слуха, обоняния или вкуса. Я без колебания заявляю, что если речь идёт о чисто душевных идеях или метафизических, которые не могут привести ни к какому чувственному образу или восприятию, поистине совсем не будет существовать различия в *форме деятельности ума* во время сна или во время бодрствования, одним словом, между мышлением бодрствующего человека и мышлением спящего.⁵⁹

¶ только что сказал, что засыпают не так как пробуждаются; что сон всегда наступает постепенно. Г-н Лемуан приводит по этому поводу материалистический взгляд доктора Бертрана, которому хочется, чтобы ум засыпающего человека утяжелелся и, наконец, полностью онемевал вместе с телом. Продолжая сохранять определённый ней-

---

⁵⁹ Только надо заметить, что точно так же как мы никогда не мыслим о чём-то в бодрственном состоянии без существования реальной среды, в которую мы в текущий момент помещены, точно так же мы никогда в сновидении не имеем мысли, какой бы абстрактной она ни была, без чувства в то же время, что наша индивидуальность окружена какими-то объектами, образуя необходимо фон картины. — прим. автора.

тралитет по этому главнейшему вопросу, а именно: может или не может душа спать, г-н Лемуан, однако, изъясняется так, что складывается мнение, что он более близок к доктринам Жюффроя, чем к доктринам доктора Бертрана. Такие же сомнения возникают и по поводу другого вопроса: душа, ум, нематериальная часть нас самих, подвержена ли она усталости, нуждается ли она в отдыхе или нет?

«Да, душа устаёт, так же как и тело; как и оно, она нуждается в отдыхе», – пишет он сначала (стр. 52); но после смягчающих рассмотрений, мы видим, как он приходит к следующим заключениям, далеко ушедшим от исходной точки:

«Мы ошибаемся насчёт нашего состояния и нашей природы, когда мы наделяем наш ум беспомощностью, которая часто является беспомощностью наших органов.

* * *

Когда пустой желудок нуждается в пище, то от голода страдает душа, но ведь голод – это нужда тела. После продолжительного напряжения внимания, когда становится необходимым отвлечься, то это не ум нуждается в отвлечении, а организм; это не из-за продолжительного мышления страдает учёный, проведший всю ночь за работой, но из-за головы.

* * *

Грубейшей ошибкой было бы полагать, что моё мышление помутняется, моя чувствительность притупляется, моя деятельность замедляется, что это мой ум устаёт, что это он имеет нужду во сне. Это напоминает мне слова ребёнка, который, видя запыхавшихся лошадей после длинной поездки, говорит, что должно быть кучер очень устал хлестать их так долго. Именно тело, непрестанно тратящее свои силы, устаёт и нуждается в отдыхе; сон

предназначен для него; сон – явление целиком органическое. Душа, которая ничего не растрчивает, не устаёт как тело. Усталость тела заставляет её страдать; она упокоивает тело, чтобы прекратить свои страдания; она иногда теряет своё мужество при трудном действии, но не силу, она возвращает его во время забвения, которое наводит на неё сон организма.

* * *

Она иногда пользуется сном тела, но этот сон не её. Сон – это сон тела; но он действует на душу благодаря такому чудесно устроенному механизму, что хочется поверить, что отвлечение души и забвение реальности являются прямой целью сна органов.

Если действия души более слабы, если её ощущения более грубы, мысли более неопределённые, то именно заторможенности органов следует приписать причину этого, *ум же не знает сна.*» (стр. 58).⁶⁰

---

⁶⁰ Жюффрой рассмотрел этот вопрос в следующем отрывке: «В состоянии чистого сновидения, мы отпускаем наш ум на произвол; он отталкивается от идеи, которой занят в момент, когда мы отпускаем вожжи, и эта идея вызывает у него воспоминания другой, эта же – третьей, эта третья – четвёртую и так далее, таким образом он отправляется в путешествие и проходит через серию мыслей, которые не имеют между собой других связей, кроме прихотливых ассоциаций... Это, для нашего ума, и есть способ отдыха; другого отдыха нет. Его утомляет не деятельность; в деятельности вся его суть; отсутствие деятельности не может быть для него отдыхом, но смертью. Утомляет его направленность его деятельности, сосредоточение способностей на одном предмете. Это сосредоточение, которое называется вниманием, – вот что его утомляет, потому что оно является усилием, чуждым его естественной повадке. Он работает весь день как и тело; но когда наступает ночь, он чувствует себя уставшим как и его спутник, и призывается к отдыху усыплением органов; он отдаётся своей природе. Иногда также он даёт себе волю днём; и он очень хорошо знаком с

По мере продвижения в исследовании этих сложных вопросов, мы видим, как втягиваемся в исследование предметов, которые сначала считали такими, на которых можно не останавливаться. Итак, наше желание следовать шаг за шагом за г-ном Лемуаном приводит нас в пограничные области страны сновидений. Речь идёт о мозге, как о представительстве души и её орудии.

«Душу определяли, – говорит автор мемуара, увенчанного Институтом, – то как разум, служащий органам, то как обслуживаемый органами; ни одно, ни другое из этих определений не является истинным; правильнее было бы их объединить. Душа скорее является разумом служащим и в то же время обслуживаемым органами.

Одно из самых прекрасных и самых недавних приложений науки может нам предоставить образ состояния души и тела в бодрствовании и во сне, в здравии и болезни. Не принимая этой разумной гипотезы, но ещё слишком неавторитетной, которая говорит о циркуляции в нервах электрического флюида, который состоит из белой и серой субстанций мозга двух противоположных начал, из которых непрерывно истекает этот флюид; в бодрствовании и в здравии, мозг и нервная система являются, как бы очагом электричества, из которого исходят во всех направлениях проводящие нити, изнутри наружу, из центра к конечностям, где также оканчиваются другие нити, которые сходятся снаружи внутрь, от конечностей к центру, одним словом, как двухсторонняя система электрического телеграфа. Двухсторонний механизм функционирует от Парижа до всех пограничных городов и оттуда к столице.

Именно так обстоит дело с мозгом и нервными во-

этими двумя состояниями, одно из которых называют *сновидением*, а другое – *грёзами*.» – прим. автора.

локнами. Двигательные нервы являются исходящими нитями, чувственные нервы – сходящимися; мозг – батарея и циферблат; душа, свободная и разумная – телеграфный служащий, который посылает приказы и принимает депеши. Всё работает хорошо, когда этот механизм в хорошем состоянии, когда провода проводят электричество, вырабатываемое батареей. Но предположим, что эти нити, исходящие из центра, прекращают быть проводниками, из-за разрыва или контакта с землёй, Париж не прекращает получать новости из своих провинций, провинции же больше не получают из столицы никаких депеш. Предположим, наоборот, что исходящие провода в целости, а сходящиеся нарушены, тогда Париж командует, провинции получают приказы; теперь очередь столицы оставаться изолированной от всей Франции. Если в какой-то части нашего тела только чувственные нервы теряют на некоторое время свою проводящую способность из-за перевязки или паралича, то имеет место первый случай: душа отдаёт команды органам, но не получает впечатлений; и наоборот, она будет страдать, не имея возможности двигаться, если чувственные нервы будут в целости, а моторные будут перевязаны или онемелыми.»

¶ далёк от согласия с г-ном Лемуаном, когда он распространяет эту аналогию для объяснения возникновения сновидений; но она даёт нам ключ к его теории, которую я привожу *полностью*.

«¶ Когда органы чувств, открытые и бодрствующие, поддерживают свободное сообщение между внешним миром и нами, внешние объекты вызывают в чувственных нервах (зрения, слуха, осязания и всех остальных органов чувств) движения какой-то природы, неважно какой, которые, в свою очередь, вызывают в нашей душе ощущения и представления, на основании которых мы делаем суждения. Большую часть времени, эти суждения правильны, эти

представления верны, эти ощущения передают нам информацию о своей истинной причине; именно так мы получаем представления о видимых объектах, что перед нашими глазами, о издающих звук телах, доходящий до наших ушей, раздражающих оконечности зрительных и слуховых нервов, порождая в нашей душе ощущение, которое не обманывает наш рассудок, и объект этого ощущения ум помещает во внешний, окружающий нас мир.

Но когда органы чувств, онемевшие или расслабленные со своей периферии, пребывают безучастными к воздействию внешних объектов и не больше не возбуждают синхронные колебания во внутренних корешках мозга, то тогда и одна только внутренняя скрытая органичная причина может (в какой-то точке своего пути, не затронутой сном) вызвать в нервах возбуждение, которое может откликнуться в душе эхом. Тогда возникает ощущение, представление, суждение; но, как правило, это ощущение – обманчиво, это представление – ошибочно, это суждение – ложно. В силу законов по которым в уме ассоциируются друг с другом представления, в органах – движения, в человеке – органичные движения с мыслями, а мысли с изменениями в органах, нервное возбуждение, порождённое изнутри, связано в нашем уме с тем же ощущением, с тем же представлением, которое оно вызывало, когда оно родилось на конце нерва; более того, будучи обмануты этим ощущением, мы соотносим его с внешним объектом, который его не порождал, но который более одного раза вызывал его таким, каким мы его испытываем.»

Откуда он заключает, что:

«Сновидение, во всей своей простоте, во всей своей

чистоте, – это галлюцинация⁶¹, порождённая сном, т.е. – это внутреннее движение, рождённое в глубинах мозга или, быть может, на какой-то точке пути чувствительных нервов, которые пробуждают в нашей душе ощущение или образ, который не вызывается внешним объектом, который он представляет или напоминает, и который, однако, наш обманутый ум соотносит с этим фантазийным объектом, как с его настоящей причиной.» (стр. 97)

«Исходной точкой всех наших сновидений, таким образом, является ни что иное, как те слепые движения внутренних органов, неощущаемые во время бодрствования, но которые становятся ощутимыми посреди тишины внешнего мира; каждое мгновение новые органичные возбуждения предоставляют материал для новых иллюзий.» (стр. 106)

Эта физиологическая теория приводит автора к выводу, что явления безумия, бреда и т.п. имеют много общего со сновидениями, поскольку все они сводятся, как считает Лемуан, к ложным впечатлениям, механически передаваемых в мозг больными фибрами.

На два простых, но от которых достаточно трудно отделаться, возражения наталкивается, как мне кажется, этот способ объяснения всех явлений сновидения и безу-

---

⁶¹ Г-н Лемуан пытается установить различие между словами *иллюзия* и *галлюцинация*. «*Иллюзия*, – говорит он, – имеет место, когда наш ум испытывает ощущение, вызванное внешним объектом; *галлюцинация* же – это когда ум соотносит с внешним объектом (который не существует) ощущение, вызванное каким-нибудь внутренним органичным возбуждением.»

В рамках этой системы, мне кажется, совершенно невозможно иметь в сновидении что-либо, кроме *галлюцинаций*.

Со своей стороны, я употребляю эти выражения, не делая между ними различия; точно так же как я не делаю никакого различия между словами *сновидение* [songe] и *грёзы* [rêve]. – прим. автора.

мия через болезненное возбуждение чувственных нервов в какой-то точке их пути.

Во-первых, сновидение, как и галлюцинация бодрствующего человека, часто представляет образы, чуждость которых трудно объяснить аналогичными ощущениями, заимствованными у состояния бодрствования.

Далее, галлюцинация спящего или безумного почти никогда не ограничивается ошибками зрения, слуха или осязания по-отдельности. Она почти всегда комплексная, по крайней мере, в сновидении; т.е. мы в одночасье и видим, и прикасаемся, и слышим тот призрак, который породила галлюцинация. Поэтому, чтобы оправдать вышеизложенную теорию, нужно выбрать одно из двух: или существует отдельно зрительная, или слуховая, или осязательная галлюцинация, что, возможно, имеет место в безумии, но в сновидении – никогда; или в момент, когда *эта внутренняя причина, это неестественное движение какого-то нерва*, оптического, например, заставляет меня ошибочно верить в появление какого-то призрака, то в тот же самый миг должно быть *неестественное движение слухового нерва*, чтобы я мог слышать как он ко мне говорит; и если этот призрак дотрагивается до меня, то снова, благодаря какому-то чудесному стечению обстоятельств, должно иметь место неестественное движение в осязательных нервах. – Ясно, подобная теория не выдерживает никакой критики. Г-н Лемуан хорошо это понимает, и вот как он из этого выпутывается:

«Предположим, что горячка нагоняет кровь в сосуды мозга, что испарения вина поднимаются до моего мозга, что воспаление какого-нибудь из его отделов вызывает в мозге какое-то расстройство, или же, в состоянии самого полного здоровья, возбуждается в глубинах одно из тех тысяч движений, которые неслышно порождаются, будучи

невоспринимаемыми; мой разум, обычно прочный, начинает ошибаться; я вижу призрак, которого передо мною нет; я слышу слова, которые не произносятся устами; я – игрушка галлюцинации. Моя рука может рассечь пространство и убедить меня, что этот образ не является объектом; но болезнь отняла у меня способность двигать рукой, ужас привёл меня в оцепенение, или же расстроенный орган удваивает свои ощущения, накапливает образы, оглушает меня со скоростью мысли или представляет их с такой ясностью, с такой настойчивостью, что воображаемая картина стирает образ реальности. Я не могу сомневаться в существовании объекта, образ которого такой живой и такой постоянный, я соглашаюсь, что он есть; более того, *эта ошибка распространяется, я его слышу, я его касаюсь*; горячка, опьянение, безумие отняло у меня разум.»

Я его слышу, я его касаюсь (ошибка распространилась) – вот удобный способ разрубить гордиев узел. Тотчас же ужас или болезнь не позволяет мне *двигать рукой*, чтобы распознать ошибку; теперь же *я касаюсь* этого призрака, *я слышу* как он говорит ко мне. Но почему? И каким образом, будьте любезны? Разума больше нет, – вы говорите. Ясно, что разума всегда недостаёт в подобного рода явлениях; но констатация этого факта отнюдь не объясняет, как это происходит. Эти тысячи движений, – говорят мне, – которые порождаются в глубинах головного мозга, – не считая того, что они являются, быть может, продуктом мозга автора, – совершенно ничего мне не объясняют. Если бы такие движения существовали, если бы они могли также легко порождаться у человека со здоровым мозгом каждую ночь, всякий раз, когда он спит, и только благодаря его неподвижности и бездействию, то разве этот же феномен не наблюдался бы хоть иногда в состоянии бодрствования? Разве каждый из нас не должен был бы подвергаться каким-либо галлюцинациям каждый день? Я

не возражаю, что будучи в состоянии бодрствования и не находясь постоянно в горячке или в ужасе, мы можем очищать, благодаря показаниям других чувств, от ошибок показания одного из них; но в конечном счёте, сама-то галлюцинация должна была бы иметь место. Итак, найдётся ли такой читатель, который помнит, чтобы с ним когда-то происходило нечто подобное в состоянии полного здоровья?

■ Ещё одно последнее замечание относительно этой системы. Г-н Лемуан предполагает, что первая галлюцинация, например – зрительная, будучи вызвана каким-то малейшим возбуждением оптических нервов, имеет достаточно заразительной силы, чтобы тотчас же повлечь за собой слуховые и осязательные галлюцинации. Тем самым он допускает, что воображение само по себе обладает такой же силой действия, как и все мозговые агенты. Тогда, если вмешательство (чисто теоретически) этих агентов не является необходимым, то на кой чёрт подменять наблюдения своей фантазией?

■ На такие же размышления наводит другой отрывок из той же главы. Настояв на той идее, что материал для сновидений предоставляют органы, автор демонстрирует нам своё остроумие, принимаясь за трудную и тяжёлую задачу по связыванию вместе всех этих разрозненных впечатлений, чтобы они могли образовать какую-нибудь ткань сновидения, подобно любителю, который пытается устроить между ними рифмы.

«■ Именно в этом, – пишет он, – и нужно видеть работу ума спящего, который сшивает друг с другом все эти обрывки, все эти заплатки наименее неправдоподобно, насколько это возможно, наиболее согласно законам природы.

■ Какие только усилия не совершает он, чтобы устано-

вить переходы, чтобы объяснить присутствие того или иного, чтобы установить нелепые связи между персонажами, отделёнными веками и морями? Несмотря на эту работу мышления, сновидения остаются бессвязными; но это вина исходных данных, а не работника.» (стр. 134)

Но если вы, как я, не отнимите у ума спящего человека ту чудесную деятельность, если вы признаете за ним достаточно инициативы, чтобы самому измышлять переходные события⁶², чтобы вызывать различные образы, которые обязаны этим переходам, то почему бы ему самому не вызывать все те картины, просто следуя за ходом своих собственных мыслей? Даже не смотря на практический опыт, а только как на теорию, разве этот взгляд не более правдоподобен, чем та теория о непрерывных мозговых возбуждениях и о той вечной работе по латанию, на которую обречён ум?

То, что в изучении сновидений нет и поныне значительного продвижения, быть может, обусловлено тем, что большинство авторов, занимающихся этим предметом стараются выяснять причины, вместо того, чтобы обратиться к изучению следствий, следуя тем самым методу, совершенно противоположному тому, которым они так успешно пользуются в изучении позитивных наук, таких как физика и химия. Ещё Мэн де Биран взял на вооружение этот порочный метод предвзятых теорий. Все сновидения, согласно ему, распадаются на четыре категории, среди которых нет ни одной, которая не была бы обусловлена влиянием органов, благодаря концентрации чувствительности в од-

---

⁶² Под переходными подразумеваются те события сновидения, которые измышляет ум, чтобы логически вставить в текущую картину сновидения тот образ, который был спровоцирован каким-нибудь внешним (или органичным) раздражителем. Более подробно об этом см. в третьей части книги. – прим. И.Х.

ном из них. Сосредоточившись на внутренних органах – печени, желудке, половой системе – она создаёт *эмоциональные* сновидения, кошмары; сосредоточившись на мозговых окончаниях⁶³ чувств – зрительных, слуховых – *видения*; на глубинах мозга – *интеллектуальные* сновидения, настолько же редкие, как и ценные; наконец, сосредоточившись в отделе мозга или во внутреннем органе, ему соответствующем, она создаёт все так называемые чудеса сомнамбулизма. Вот уж что действительно гениально, но совершенно недоказуемо.

Не так систематично, однако, г-н Лемуан пишет «что большинство наших сновидений, сюжет или последовательность которых мы не можем объяснить, становятся нам ясными, если мы узнаем, какие звуки, какие внешние явления могли возбудить наши спящие органы; что всё определённо стало бы не менее понятным, чем бодрственное мышление, если бы мы смогли узнать последовательность тех бесконечно малых движений, которые происходят в глубинах головного мозга.» Затем он приводит известные примеры: приложение к стопам спящего грелки заставило его увидеть во сне, как он прогуливается по Везувию; слишком давящий ночной колпак на голове спящего, который заставил увидеть во сне, как дикари сняли с него скальп и т.д. и т.п. Наконец, желание всё объяснять физическими причинами заставило нашего в остальном благоумного писателя твёрдо выразить следующее мнение, не приводя больше никаких доказательств: «Странности и бессвязность сновидений следует объяснять деятельностью органов мышления. Когда в каком-нибудь связном сновидении вдруг появляется какая-нибудь идея, ощущение, образ, которые не гармонируют с остальной картиной

---

⁶³ Под мозговыми окончаниями органов чувств подразумевают конец соответствующих нервов, ведущих от органа в мозг. – прим. И.Х.

сновидения, то *это не ум вызывает их стихийно*; в этой дисгармонии следует искать очередное вмешательство мозга, который не заботится ни о красоте вызываемых им образов, ни об истинности его суждений, ни о гармонии вообще. Ум не действует так безрассудно даже во время сна и безумия; идеи, образы, которые он вызывает или рисует *от себя* имеют всегда некоторые прямые или косвенные связи с предыдущими. Итак, в наших сновидениях, эти чужеродные элементы, которые выглядят совершенно бессмысленными, *которые и в самом деле не имеют никакого смысла, если его искать в собственной работе ума, в ассоциациях наших идей, в стихийности памяти, ни даже причуды фантазии не могут достаточно объяснить; эти идеи, эти образы вызываются, в силу какого-то раздражения органов и ум не может их отвергнуть.*»

Думаю, что за долгое время моих наблюдений, я собрал более точные данные, которые заставляют меня не приписывать физиологическим причинам такое большое влияние на происхождение и на ход всех наших сновидений. Конечно, иногда случается, что внешние впечатления или внутренние движения изменяют ход сновидения, вводя в него различные несвязные элементы, или внезапно прерывая ход сновидения; но это скорее исключение, чем правило, и каждый раз, когда это происходит, это будет, по моему, из-за какой-то прямой причины, действительной и реальной, такой как укол [укус], неожиданный звук, внутренняя боль, а не из-за тех якобы стихийных возбуждений нервов, чему у меня нет ни каких оснований доверять.

На основе анализа, который я проведу над многими сновидениями, я попытаюсь доказать, что только ассоциации идей управляют, в целом, ходом сновидения. Их вполне достаточно для порождения тех странных аномалий, тех странностей и бессвязностей, которые кажутся необъяснимыми г-ну Лемуану без вмешательства всех тех теоретиче-

ских мелочей, механизм которых ему было угодно поместить в глубины нашего мозга.

С первых же страниц этого исследования, я сравнивал бесчисленные впечатления, накопленные в тайниках нашей памяти с безмерными рядами фотопластинок, которыми забиты огромные шкафы знаменитых фотографов. Для создания каждой такой пластинки необходимы определённые условия и операции; нужно наличие перед объективом камеры реального предмета, правильно освещённого и находящегося на нужном расстоянии, что позволяет получить так называемый *негатив*. Дальнейшие процедуры получения снимков совершенно отличаются от тех, которые использовались для получения негативов. Итак, возможно существует аналогия между этим явлением и тем, что мы наблюдаем в связи с впечатлениями, сохраняемыми нашей памятью. Точно так же как и процедуры, с помощью которых переносят изображения с фотопластинок на бумагу, совершенно отличны от процедур, которые служат для создания негативов, точно так же и мыслительная процедура, посредством которой ум извлекает какое-то впечатление из памяти совсем отлична от той, посредством которой был сделан его *снимок в памяти*. Отсюда, я прихожу к заключению, что теория возбуждения нервов г-на Лемуана ещё заводит нас на ложный путь, пытаюсь установить между психологическим механизмом воспоминания и непосредственного восприятия какую-то общность, какой не существует.

Если продолжить сравнивать фотопластины с воспоминаниями, я сделаю ещё такое замечание. Есть такие чёткие фотопластины, благодаря стечению обстоятельств, что они всегда дают прекрасные снимки, контрастные, чёткие, точные до мелочей. Из других, сделанных при менее удачных обстоятельствах, всегда получаются лишь искажённые и размытые изображения, несмотря на все уси-

лия.

У нас также имеются хорошо запечатлённые в нашей памяти впечатления, благодаря телесным и душевным условиям, при которых они возникли, так что если они всплывают в сновидении, то воспроизводимые ими сцены и картины имеют вид подлинной реальности; тогда как некоторые другие, пребывая несовершенными и бесцветными, никогда ничего другого не предлагают, кроме бледных силуэтов в фантазмагии сна.

Ещё одно заметное отличие существует между сновидением и реальностью, а именно, в бодрственном состоянии, реальные предметы, которые нас окружают и все вместе действуют на органы наших чувств, разнообразные образы и впечатления, которые возникают в нас из этих сложных ощущений, всегда обладают чёткостью и равносильностью восприятия по отношению к их относительному значению; тогда как в состоянии сновидения, наоборот, очень редко когда совокупность иллюзий представляется с равной степенью ясности.

Самая простая причина этого чаще всего заключается в неравенстве совершенства воспоминаний, которые по своему капризу объединили ассоциации идей, чтобы образовать из них картину. Ткань сновидения тогда напоминает полотно, сшитое из кусков старых, поношенных тряпок вместе с другими новыми, яркими кусками.

Что же касается этого неравенства в совершенстве воспоминаний, то причин этому очень много. Одни – общего порядка – связанные исключительно с тем, уже упомянутым фактом, что мы сохраняем, прежде всего, более яркие впечатления, в зависимости от количества уделённого внимания первому восприятию, или когда впечатления получены в более-менее исключительных обстоятельствах. Другие причины, которые я буду называть *относительно-*

го порядка, из-за их частного действия на явления сновидений заслуживают быть рассмотренными немного подробнее.

¶ Приводил тот пример с фигурой старого нищего, которая являлась мне в сновидении многократно и всегда неопределённой, и как бы окружённой тенью, так как его образ вошёл в мою память вечером, на закате дня, так что воспоминание этого образа не могло обрести в сновидении больше чёткости, чем первичное впечатление. Я также рассказывал об одной девушке, которая мне снилась при подобных обстоятельствах, которую я никогда не видел, кроме как издали.⁶⁴

¶ Факты такого же рода часто случаются в сновидении, либо когда речь идёт о зрительных воспоминаниях, которым иногда недостаёт чёткости, так как они первоначально были получены в плохих условиях освещения, как выше упомянутые, или же с слишком больших расстояний, или же ещё они были слишком мимолётными; либо когда смутность и несовершенство сновидения относиться к впечатлениям других органов чувств.

¶ Одна дама рассказала мне сновидение, в котором она сидела за своим пианино, рядом с ней был один из её братьев, убитый несколькими годами ранее на войне в Италии, который был одет в свою офицерскую форму, впрочем, это её не удивляло. Она играла один военный марш, но как бы сильно она ни давила на педаль, пианино выдавало лишь глухие, металлические звуки. Обернувшись к своему брату, желая выразить ему своё удивление, она его больше не видела, но увидела длинную шеренгу безмолвно марширующих солдат в глубине зала, которые выглядели как полурассеявшиеся тени. Тогда вдруг в её

---

⁶⁴ См. стр. 37 и далее. – прим. автора.

памяти всплыло воспоминание о гибели её брата. Она испытала очень сильную эмоцию и судорожно проснулась.

Дама, которой приснилось это сновидение, никогда не рассказывала его без переживания некоего ужаса, свойственного природе пережитых впечатлений и определённых идей, которые породило в её уме дурное предчувствие. Что до меня, который не видит здесь ничего иного как последовательность воспоминаний, в совершенстве согласных с обычными законами ассоциаций идей, то я это цитирую только как пример неравной ясности, которая царствует и которая должна царствовать в различных элементах одного и того же сновидения. Эта дама сидела за пианино – вот отправная точка; её брат сидел сбоку; воспоминание об этом брате возникло вполне естественно; его образ казался ей ясным и чётким, так как этот образ был сильно запечатлён в её памяти. От офицера в форме к желанию играть военный марш, который она часто слышала издалека; от солдат, которых она должна была видеть также издалека, марширующих на каком-нибудь параде, – связь легко просматривается. Но этот марш, который она вспомнила, она не могла его запомнить ни более чётко, ни более сильно, чем она его слышала. Эти солдаты, чьи силуэты появились, не могли показаться более отчётливо, чем это было увидено в реальности. Воображение, которое имеет силу связать в одну картину все эти воспоминания, совсем не может придать им одинаковый характер.

Вот откуда эта разнородность в ясности образов наших сновидений, так же как и в сценах, которые они представляют. Вот откуда эта потрясающая разница, о которой я постоянно упоминаю, между картинами сновидения и картинами реальности.

Взначально совершенно чёткие *отпечатки в памяти*, будут ли они ухудшены со временем? Не будут ли они

иногда искажаться под влиянием различных причин настолько, что будут предоставлять нам неточные портреты или причудливые композиции, имеющих мало общего со своим первичным видом? – этот двойной вопрос часто заставлял меня задуматься и предоставлял мне пищу для некоторых наблюдений, которые я изложу ниже.⁶⁵

Но первому вопросу, ясно; иногда старые воспоминания, в своё время очень яркие, кажутся затёртыми, когда ассоциации идей их вызывают вдруг в сновидении после долгого периода забвения; но с другой стороны, можно привести из литературы или найти в собственном опыте множество примеров чудесной ясности, с которой память нам неожиданно предоставляет во время нашего сна то лицо какого-то умершего человека из эпохи нашего детства, то некоторые сцены и некоторые подробности, о которых в состоянии бодрствования у нас не было ни малейших воспоминаний. Те, кто относят эти сверхъестественные способности сомнамбулам, приводят в качестве доказательства пример одного намагнетизированного [загипнотизированного], которому удалось прочесть, не только не видя, но и с расстояния ста лье, различные отрывки из одной редко встречаемой в публичных библиотеках книги, которую он имел перед глазами всего несколько мгновений за много лет до этого. То, что это явление чрезвычайное, – я согласен; сверхъестественное? – нет. Со своей стороны я признаю только силу памяти, и я спрашиваю, не является ли точное и чёткое воспроизведение в сновидении образа одного человека, который уже десять лет как в могиле, (в чём нет ничего удивительного) психологическим явлением такого же порядка, и такого же поразительного.

Отсутствие чёткости в образах, которые не могут быть чёткими по той простой причине, что они никогда

---

⁶⁵ См. третью часть книги. – прим. автора.

чётко не воспринимались, очень часто становятся источником бессвязности, вызывая явления перехода, которые объясняются следующим примером: В силу каких-то воспоминаний у меня в уме [во время сновидения] возник образ одного посыльного, который когда-то [в реальности] принёс мне письмо; тотчас же я вижу этого человека, поскольку сновидению свойственно немедленно вызвать зрительные образы, как только возникла сопряжённая с ними мысль. Итак, я его вижу, но не могу различить ясно черты его лица, так как я только мельком взглянул на его лицо в тот единственный раз, когда он был перед моими глазами. Однако, в этом смутном образе память схватывает целостность, которая вызывает другие лучше известные черты – черты одного знаменитого профессора, лекции которого я иногда посещал. И вот посыльный уже далеко от моих мыслей. Теперь я присутствую на лекции профессора.

Такой переход иногда может происходить и другим способом. Лицо профессора могло бы просто вписаться в силуэт посыльного, и тогда я увидел бы этого учёного, стоящего на углу улицы с медалью на груди; или же я мог бы вообразить, что он поднимается на кафедру.

В первом случае имеет место то, что я называю *переходом по простому замещению*; во втором случае – *переходом по наложению образов*. Эти два вида всегда привносят много бессвязности в сновидение, особенно последний. И всё же, это чисто психологическое явление ассоциации идей, без механического вмешательства какой бы то ни было физиологической причины.

Итак, как мы увидели выше, г-н Лемуан пытается наделить ум определённой свободой действия по сочетанию и сшиванию всех тех разрозненных кусков, которые, как он предполагает, порождаются исключительно теми маленькими фибрами, наделёнными постоянной инициа-

тивой и такой чудесной проворностью.

Разнообразие, которое естественно существует в материале наших сновидений, как и в природе впечатлений или чувственных иллюзий, которым они обязаны, вызвало у г-на Лемуана, как и у многих других авторов, идею классификации сновидений по признаку доминирующего ощущения. Он дошёл до утверждения, что зрительные галлюцинации являются наиболее многочисленными; затем идут слуховые и осязательные галлюцинации и, наконец, самыми редкими являются вкусовые и обонятельные галлюцинации.

У меня нет ни единого возражения против этого предложения как такового; но чего я не могу принять, так это того, что они хотят извлечь из этого материальные следствия, а именно, что чувства, предоставляющие наименьше элементов нашим сновидениям, таковы, органы которых пребывают в самом глубоком онемении. Если бы это было так, то слух и обоняние были бы более частыми, чем даже видения, так как слух, определено, среди всех наших чувств является таковым, который остаётся самым восприимчивым во время сна. Правда в том, что материал для сновидений предоставляет память (либо вызывается стихийной последовательностью идей, либо возбуждение определённого порядка идей в результате некоторого случайного телесного ощущения⁶⁶), память естественно предоставляет этот материал пропорционально количеству каждого из них, которым она располагает. Зрение, из всех наших чувств, является тем, которое играет самую большую роль в наших ежедневных реальных впечатлениях; если имеются моменты, когда мы видим, ничего не слыша, ни осязая, то едва ли найдутся такие, когда мы осязаем, ни

---

⁶⁶ Как, например, звук колокола напоминает нам церемонию рождения или погребения. – прим. автора.

на что при этом не смотря. Память является складом зрительных воспоминаний больше, чем всех остальных чувств вместе взятых. Поэтому совершенно ясно, что видения составляют основу наших сновидений, и что воспоминания других чувств входят в них только в части, пропорциональной их важности в нашей повседневной жизни. Благодаря сопряжённости, которая установлена в нашей памяти между различными одновременно воспринятыми ощущениями, воспоминание какого-то слухового впечатления или осязательного никогда не всплывает без того, чтобы вызвать с собой зрительное воспоминание, которое его сопровождало в момент его восприятия.

Что до факта, выдвинутого Монфальконом, Лемуаном и Брилла-Самареном, что вкусовые и обонятельные воспоминания встречаются в сновидениях крайне редко, то я не располагаю специальными наблюдениями, достаточно решительными, чтобы это подтвердить или опровергнуть; но в своих общих наблюдениях и в только что изложенных мною соображениях я нахожу совершенно логичный способ объяснения этого. Достаточно указать на трудность, с которой эти два вида впечатлений – вкуса и запаха – запечатлеваются в памяти. Легко представить себе лицо друга с закрытыми глазами; легко припомнить мелодию; но я сомневаюсь, что одной только силой воображения бодрствующий человек может представить себе запах каких-то духов или вкус какой-то еды.

Другое наблюдение, вытекающее из предыдущего и его подтверждающего, таково: воображение, которое может изобретать формы и мелодии, не умеет таким же образом изобретать ни [новый] вкус, ни запах.⁶⁷ Творения во-

---

⁶⁷ Это не отрицает, что повар или парфюмер могут изобретать соусы и ароматы. Это совсем другое. Те, кто это создают, не представляют себе мысленно и заранее ни вкус ни аромат, эти смеси всего лишь результат

ображения, по своей сути, являются ничем иным, как новыми сочетаниями материала, извлечённого из складов памяти, причина его беспомощности в этом случае может происходить из самой беспомощности памяти предоставить, по его прошению, исходный материал.

¶ сказал по его прошению, чтобы приложить это замечание только к произвольному воспоминанию; так как хотя они и редко встречаются, бесспорно, что мы иногда в сновидении имеем стихийные воспоминания о вкусе и запахе самого тонкого характера.

¶ Продолжим же наши наблюдения относительно двух рассматриваемых чувств, и исследуем ту активность, которую они сохраняют, и специальное воздействие, которое они могут оказывать на ход наших идей во время сна. Сначала мы будем настаивать на том, что большим заблуждением является верить вместе с Монфальконом, «что органы вкуса и запаха впадают в полное бездействие, как только сон становится глубоким.» То, что органы вкуса не передают ощущений спящему, то это объясняется самим расположением этих органов, которые находятся под защитой от всех случайных воздействий; но раздражите небо спящего человека и вы легко установите, что оно заторможено не более, чем его уши. Что же касается органов обоняния, то я рассматриваю их как самых способных к восприятию во время сна самых тонких ароматов; но я указываю и на способ воздействия на сновидения, который был многократно подтверждён практическим опытом, а именно, что неожиданный звук, доходящий до ушей сновидящего и не пробуждающий его, но достаточно громкий, может ввести в его сновидение какую-то новую идею; что

рассуждения. Одно дело вообразить причину ощущения, другое дело мысленно представить себе результат, т.е. само ощущение. – прим. автора.

прикосновение к какой-либо части тела также либо приводит к простому изменению в картине сновидения, разворачивающейся перед глазами его ума, либо совершается резкий поворот и возникает феномен ретроспекции, этот новый элемент сновидения почти всегда будет *в прямой связи с характером воспринятого ощущения*, и это ощущение, которое будет часто воздействовать на спящего сильнее, чем в бодрственном состоянии, будет им *ощущаться прямо*. Вот почему какой-нибудь стук в доме может стать выстрелом из пистолета, укус насекомого – укусом змеи и т.п., звук или боль, т.е. реальные ощущения управляют, так сказать, сновидением. С ощущениями, приходящими от органов обоняния во время сна чаще всего совсем наоборот: либо они попадают в душу значительно ослабленными, либо память, которая с трудом их удерживает, мы это видели, также испытывает трудности с немедленным представлением сопряжённых с ними образов; девять раз из десяти я констатировал их действие, они всегда воздействовали на сновидение, но не воспринимались прямо, а вызвали только, посредством ассоциации идей, сопряжённую с собой идею, которая оказывалась наиболее близкой. Так, например, я вдыхал запах серы; это напомнило мне [в сновидении] один обеденный зал, в котором лампы зажигались огромными спичками, и моим соседом за столом была одна особа, которую я уже очень давно не видел. Итак, я увидел [в сновидении] эту особу; я беседовал с ней; но что касается запаха серы, то в сновидении его не было. Когда дымился мой камин, и копоть распространялась по моей комнате, мне снилось, что я присутствую при пожаре или, быть может, удалившись от первой идеи, мне присниться, что я посещаю пожарную часть. Что до самого запаха дыма, я не воспринимал его в сновидении прямо.

Не придавая слишком большого значения этим мелочам, мне кажется, однако, что они представляют опреде-

лённый интерес, чтобы на них обратили внимание физиологи. Это ощущение определённо воспринимается органом обоняния, поскольку оно вызывает ассоциацию идей, которая изменяет сновидение; и, однако, оно не воспринимается как в бодрственном состоянии, поскольку прямое содержание ощущения, кажется, не доходит до ума.

¶ Почти такой же феномен иногда также затрагивает чувство слуха. Доносящиеся издали или слабые звуки мелодии могут, не входя в сновидение прямо, вызвать в нём образы тех мест и лиц, которые ассоциированы с этой мелодией в памяти спящего; но аналогия не будет полной, поскольку тогда мелодия и соответствующее ей лицо так отождествляются в одной мысли, что поистине есть прямая связь между воспринятым ощущением и вызванным образом; как если бы запах серы заставил бы меня увидеть во сне, как я сам зажигаю спички, или как если бы цветочный аромат заставил бы меня увидеть в сновидении букет цветов. Следует добавить также, что такие результаты исключительны для слуха, тогда как они образуют правило для запаха.

¶ Таким образом, ошибкой является судить на основе характера наших сновидений о большей или меньшей готовности наших органов чувств, которую они сохраняют во время сна. Тем самым смешивают *реальное восприятие с воспоминанием ощущений, ранее воспринятых*, что необходимо хорошенько отличать, если хотят изучать феномены сновидения в их случайных причинах. Когда во время сна моя рука коснулась мрамора, это привело к тому, что мне приснилось, как я трогаю снег. Этому сновидению я обязан прямому немедленному восприятию, которое передало мне осязательное чувство, но снег, который я увидел, и другие чисто воображаемые элементы этого видения, вызваны ассоциацией идей, я обязан им исключительно своей памяти; это не что иное, как воспоминания полученных

ранее впечатлений.

¶ Когда как органы осязания, слуха, вкуса, обоняния продолжают во время сна воспринимать ощущения, которые могут оказать более или менее прямое воздействие на сновидение, то вот функционирование зрения и можно считать полностью остановленным; глаза спящего оказываются самыми закрытыми для внешних впечатлений среди всех органов чувств. Сновидения, связанные с четырьмя наиболее доступными органами чувств могут, таким образом, быть результатом или одной работы воображения и памяти, или же текущих ощущений, способность воспринимать которые органы сохраняют во время сна, тогда как собственно *видения* всегда являются чистыми воспоминаниями. И если какая-то случайная причина их вызывает, то это всегда через ассоциацию идей и при посредстве других чувств.⁶⁸

¶ Очевидно те, кто принимают теорию г-на Лемуана, мне тотчас же скажут: «Нервы, которые обслуживают орган зрения гораздо более чем другие склонны возбуждаться во время сна. Почему? – этого мы не знаем; но со временем мы это установим, и именно поэтому видения преобладают в наших сновидениях, и именно поэтому видения преобладают в наших сновидениях, и вот почему чувство зрения сохраняет наибольшую активность у спящего человека.» Позвольте же мне ещё предложить некоторые рассуждения по поводу этой голой теории, согласно которой каждая идея, так сказать, воплощена в одном нерве; память же, вместо того чтобы быть способностью души, является не более чем результатом свойств мозговых нер-

---

⁶⁸ Можно сделать одно редкое исключение для случая, когда глаза получают впечатление сквозь веки от солнечных лучей или другого яркого света; но обычно ничего подобного не происходит. – прим. автора.

вов, каким-то видом гальванизма, ретроспективными цепочками каких-то ничтожных возбуждений нервов имевшими место ранее; таким образом, что феномен ассоциации идей сам оказывается сведённым к некоторым ничтожным мозговым подёргиваниям.

¶ Посмотрим, как объясняется механизм сновидения в рамках этой системы. Для начала я предполагаю, что мы должны допустить существование в мозге такого количества нервов, чтобы он мог вмещать все наши идеи. Это всем понятно, пусть один из этих бесчисленных нервов вдруг задрожал; этот нерв представляет кузнеца, стоящего перед своей наковальней с занесённым над головой молотком в одной руке и клещами – в другой, которые сжимают кусок раскалённого железа. Но в этом нерве может храниться только один образ, неподвижный и неспособный к каким бы то ни было изменениям, если за первым автоматическим возбуждением не последовали другие движения, которые представляют кузнеца, опускающего руку с молотком чтобы ударить по раскалённому железу, затем – дрожь клещей, подъём молотка и т.д. и т.п. Итак, если первая дрожь мозговых нервов была случайной, то как может быть, чтобы все последующие движения, видимые в сновидении, также произошли случайно? Не кажется ли это недопустимым?

¶ Быть может, мне ответят, что эти возбуждения нервов вызывают друг друга в силу одной привычки, и что достаточно только чтобы какая-то последовательность произошла однажды, чтобы она могла воспроизводиться сколь угодно много раз. Я могу принять и эту гипотезу, но тогда, так как первичная последовательность имела место в реальной жизни и, как следствие, состоит из реальных восприятий, то и в сновидении будут повторяться в точности такие же картины и сцены, какие были восприняты в бодрствовании. Если этот кузнец, например, отдыхал, ко-

гда впечатление от него было получено моей памятью, то я никогда не смогу увидеть его в сновидении в движении. Заметим, что наши сновидения крайне редко являются простым воспроизведением прошедших событий нашей жизни. Наоборот, почти всегда, и в особенности в самых ярких сновидениях мы видим нечто совершенно отличное от имевшей место реальности.

Те, кто принимают это свидетельство, но всё же желают сохранить за сосуда́ми мозга их роль, могут заявить, что если и не всегда серия органических движений управляет ходом идей, то, тем не менее, движению идей соответствуют возбуждения в мозговых нервах. Таким образом, то органическое движение возбуждает мысль, то побуждение ума, дающее ход мысли, тотчас же вызывает нечтожное движение нерва, – своего прислужника. Ясно, что ум, имеющий силу приводить в движение мою руку по приказу моей воли, тем более сможет произвести определённое движение в мозге; но как только мы допустили побуждение ума, то какая необходимость ограничивать его действие? На кой чёрт эти бесплодные рассуждения о фактах, проверить которые невозможно? Движения самого ума – вот что нас интересует, а не физиологические процессы, которые могут им сопутствовать.⁶⁹

Впрочем, как бы ни функционировал мозг, подчиняется ли он полностью командам, которые отдают ему ассоциации идей во время наших сновидений, или он передаёт душе время от времени некоторые предупреждения от органов, – неважно, – роль ума как зачинщика будет всегда,

---

⁶⁹ Доказательство того, что начинание картин сновидения часто принадлежит уму будет приведено на основании многочисленных наблюдений, представленных в третьей части этой книги. Оно сводится к тому факту, что очень часто достаточно возжелать или убо́яться (в сновидении), чтобы появился нужный образ или произошло определённое событие. – прим. автора.

по-моему, куда более великой, по крайней мере, у человека здорового. Следует только отметить, что ум будет поочередно проходить через состояния активности и пассивности, наблюдения чего стали для меня исходной точкой экспериментов, которые привели меня к тому, что я стал произвольно управлять ходом своих сновидений. То он позволяет идеям следовать по прихоти связей, которые их объединяют, и которые мы называем ассоциациями: это приводит к тем в высшей степени бессвязным сновидениям, когда самые чудовищные *абстракции* и *наложения* смешиваются с проблесками правдоподобия и разума. То, очарованный или заинтригованный какой-либо одной из идей, которые следуют друг за другом и воздействуют на него, он её задерживает, цепляется за нее и принимает тогда направление сновидения, не замечая этого.

Следующий пример прояснит это различие.

Предположим, мне снится, что я еду по железной дороге; места, через которые я проезжаю, лица, которые меня окружают, тысячи пустяковых событий, которые всё это сопровождают совершенно не пленяют моего внимания. Однако, такая поездка в вагоне вызвала воспоминание одного города, который я когда-то посещал. Я переносусь туда и вот я уже на мосту, полным суетящегося народом, изза некоторых других стихийно возникших воспоминаний. Но на что же может глазеть эта толпа, собравшаяся на парапетах? Не бросился ли кто-то в реку? Не пытаются ли лодочники спасти его? Здесь, мой ум, без тени сомнения, принимает направление сновидения, которое его занимает; он уже сам начинает провоцировать последовательность картин, которые разворачиваются перед ним; оставляя ещё некоторую свободу ассоциациям идей, но не позволяя им больше резко перепрыгивать от одного предмета к другому, и терять из виду главную идею, к которой он привязался. Как только у меня возникает мысль о тонущем челове-

ке, моё воображение сразу же рисует мне картину, в соответствии с этой мыслью. Всё что я себе представил, как должное произойти; все те события, навстречу которым шёл мой ум, неважно, привлекал он их или отвергал, не замедлили осуществиться во всех деталях. Итак, я вижу человека, барахтающегося в воде, приближающуюся к нему спасательную лодку, матроса с крюком в руках, который пытается подцепить его им за одежду и т.д. Это главенство ума над сновидением совершенно не мешает, впрочем, свободным ассоциациям идей предоставлять детали; так, если я когда-либо видел подобную картину, то тонущий человек может быть похож на того, которого изобразил художник. Одежда спасателей, вид прибрежных домов, масса второстепенных мелочей, проявляются самые странные на вид связи, отнюдь меня не удивляя. Утопающий, образ которого взят с одной картины, напоминает какого-то моего знакомого; и нет ничего удивительного в том, что этот знакомый тотчас же захватывает моё внимание. Всё это совершенно не препятствует моему воображению идти дальше, и самому вызывать все перипетии разворачивающейся драмы. Теперь, если в моём уме возникнет страх того, что лодка может перевернуться, то вполне вероятно, что это и произойдёт с быстротой мысли. И наоборот, если у меня возникнут идеи со спасением, то я тут же могу оказаться рядом со спасённым, поздравляя его от всего сердца и дружески пожимая ему руку. Пожимал ли я ему уже руку на балу, осыпая его комплиментами по какому-то счастливому событию в его семье? Тогда, быть может, этот бал восстанет перед глазами моего ума. Я увижу себя танцующим вальс; ассоциация идей вступает на другой путь, и мой ум, с этого момента прекращает уделять этому управляющее внимание; вновь могут последовать самые разнородные и запутанные события, не управляемые никакой главной идеей, не давая мне никакой воз-

возможности выяснить, по пробуждении, как они связаны друг с другом, при условии, что я смогу их вспомнить.

Вернёмся к одной из фаз этого сновидения. Если в момент, когда человек был в воде, ход моих идей заставил бы меня сновидеть, как я сам его спасаю, то это я оказался бы с крюком в руках, это я ранил бы его, пытаюсь спасти его; быть может даже я убил бы его, если бы у меня возник страх этого, поскольку мы знаем, что бояться чего-то в сновидении – это самый надёжный метод это вызвать. Тогда я мог бы изобразить горе его семьи, я заливался бы слезами; и вместо того, чтобы быть на балу, мне приснились бы похороны погибшего в церкви. Наконец, если благодаря какому-нибудь новому повороту идей, память приведёт меня внезапно к воспоминанию совершенно другого человека, с кем я встречался на какой-нибудь процессии, но также и при каких-то весёлых событиях, то это новое воспоминание разорвёт нить текущих событий, направляемых умом; тогда катафалк исчезнет, его место займут новые декорации и ум войдёт в свою пассивную роль, указанную выше.

Вот как проявляются поочерёдные феномены активности и пассивности. Вот как образы вызывают один другого и сменяют один другого в сновидениях, вот как самые неоднородные на вид сцены и картины всегда тесно связаны законом ассоциаций идей, когда не вмешивается ни одна материальная причина.

Если же говорить о роли мозговых нервов, то я сказал, что они подобны струнам скрипки под пальцами музыканта. Они могут вибрировать, они могут издавать звук, но они всего лишь инертный инструмент, а мелодию создаёт вдохновение музыканта.

И теперь, возвращаясь к началу сновидения, которое мы только что разобрали; если спросить, как сначала воз-

никла идея поездки по железной дороге – первое звено из ряда описанных впечатлений – я отвечу, что оно могло бы быть вызвано простым родством предшествующих идей, стихийно связанных, и отправная точка которых предшествовала сну, или же благодаря вмешательству какой-то физической причины, внутренней или внешней, как то: движение крови, или скрип засова, или какой другой звук, способный вызвать, по аналогии ранее воспринятых ощущений, идею езды на поезде.

Если бы мне пришлось принять какую-либо классификацию сновидений по признаку их первопричины, то я разделил бы их просто на три категории:

- 1) Сновидения, обусловленные только ассоциацией идей.
- 2) Сновидения, вызванные внутренними ощущениями.
- 3) Сновидения, вызванные внешними причинами.

Но по поводу влияния физических ощущений на создание сновидений, я обращаю внимание физиологов на странный факт, что иногда малейшее внешнее или внутреннее впечатление тотчас же явно вводит в сновидение новый элемент, в связи с которым оно находится, а иногда, наоборот, достаточно сильный звук проходит незамеченным; какая-либо интенсивная физическая боль остаётся заторможенной, забытой во время сна, так что иногда сняться приятные вещи во время существования вполне реальной боли. Следует ли из этого заключить, что даже во время глубокого сна, имеются колебания физической чувствительности или же есть такие моменты, когда ум настолько пленён объектом своих сновидений, что он теряет тогда и малейшее внимание к предупреждениям органов, чего он не мог бы сделать в бодрственном состоянии, на-

ходясь под властью какой-либо сильной озабоченности?⁷⁰

Тогда как лёгкий внутренний недуг, ещё неосязаемый во время бодрствования, иногда значительно влияет на природу сновидений, как то заметил ещё Гиппократ, крайне острые боли, например, зубная боль, которая обычно оставляет полную свободу ассоциациям идей, если сон сможет одолеть эту боль. Продолжается ли эта боль? Приводит ли она к сновидениям, в которых она играет какую-либо роль? Редко когда такое случается с первой же ночи, когда возникает боль, что, кажется, указывает на то, что сама эта боль действует тогда на сновидение в меньшей степени, чем воспоминание об этой боли, ощущавшейся несколько дней подряд, и это воспоминание оказывается связанным со многими другими и может часто образовывать ассоциации идей.

Г-н Лемуан сделал очень мудрое замечание, «что ощущение внешних объектов является редким во время сна и обычно спутано, и если бы оно было более частым и более ярким, то оно растормозило бы органы. Оно не является достаточно живым, — добавляет он, — для того, чтобы настоящие ощущения, рождающиеся в нашей душе, могли бы войти в поле нашего сновидения, не напомнив нам о

---

⁷⁰ Этому было дано объяснение Павловым в учении о «фазовых или гипноидных состояниях», возникающих в ответ на торможение рефлексов. Сюда относится фаза уравнивательная, при которой различные по силе и качеству (значению) раздражители вызывают одинаковые по величине реакции, парадоксальная фаза, при которой сильный раздражитель вызывает слабую реакцию, а слабый раздражитель — сильную реакцию, и ультрапарадоксальная фаза, при которой положительный раздражитель начинает вызывать отрицательную, а отрицательный — положительную реакцию. Наконец, самой глубокой в смысле болезненного изменения является фаза торможения, при которой невозможно вызвать никакие реакции. Фазовые состояния — стадии все углубляющегося торможения — представляют переход от нормального состояния к полному прекращению деятельности. — прим. И.Х.

реальности.» Но он рассуждает, не учитывая феноменов *ретроспекции*⁷¹, которые ни он, ни его предшественники не заметили.

¶ После этого вопроса о влиянии органов на ум во время сновидения, естественно возникает ему противоположный, который сводится к исследованию частичного или неполного действия, но вполне реального, которое ум может, в свой черёд, оказывать на органы в некоторых состояниях душевного возбуждения, которые не исключают глубокого сна. Это действие (которое не следует смешивать с действием чувства инстинктивной настороженности, результатом которого являются автоматические движения), когда оно проявляется, по-моему, мешает сну осуществлять функцию отдыха гораздо в большей степени, чем суматошные сновидения, в которых принимает участие один только ум. Хотя у меня нет наблюдений на этот счёт, и хотя я отношу факты этого порядка скорее к патологической физиологии, чем к изучению сновидений как таковых, тем не менее, я обращаю внимание всех тех, кто нацелен на самостоятельное изучение природы этих мучительных усилий, которые иногда свершает душа в некоторых мучительных сновидениях для того, чтобы пошевелить телом или издать крик. Главным образом, я буду говорить о настоящем волевом действии, которым душа восстаёт против поработивших её иллюзорных образов, и которые она прекращает благодаря пониманию их нереальности, и душа резко стряхивает сон и заставляет тело проснуться. Это необыкновенное усилие больше не направленно против какого бы то ни было одного из наших членов; но против всех; оно действует в одночасье на весь организм, оно кажется сжимает грудь и внутренности; имеется совершенное чувство своей энергии в момент, когда оно возвращает

---

⁷¹ См. третью часть книги. – прим. автора.

нас к реальной жизни. Сопrotивление органов, их нежелание подчиниться заставляет почувствовать, лучше чем при любых других обстоятельствах, душевно-телесную двойственность.

¶ возвращаюсь к труду г-на Лемуана, разбор которого привёл к стольким отклонениям. В главе, озаглавленной «О способностях души во время сна», автор, заявив о своём принятии самого общепринятого разделения таковых на: *чувствительные, разумные и деятельные*, также принимает подразделения, которым я и сам с большой охотой буду следовать, каждый вопрос как раз заслуживает такого отдельного рассмотрения. Подводным камнем здесь возможно будет возвращение к некоторым уже рассмотренным предметам, которые вновь появятся; но во всём следуя порядку параграфов г-на Лемуана, я не считаю необходимым упоминать их совершенно отдельно.

¶ Сначала я перейду к тому, что сказано о физической чувствительности, как внутренней, так и внешней. Сон в особенности нападёт на первую, тогда как, под её влиянием, вторая достигает иногда, наоборот, своей наивысшей степени интенсивности. Это признанный факт, возвращаться к которому не целесообразно.

¶ Посмотрим же на некоторые предположения.

Душевная чувствительность.

«Чем сильнее образ сновидения разукрашен и прорисован, – говорит г-н Лемуан, – тем яснее и точнее идеи, тем более яркие и пылки чувства, и тем более состояние нашей души отклоняется от *настоящего* и *восстанавливающего* сна.»

¶ признаю отчасти вторую часть этого предложения,

а именно, что если душа во время сновидения оказывается жертвой страстей, то она, в общем, оказывает на организм неприятное действие, которое мешает сну быть восстанавливающим; но что касается первого утверждения, а именно якобы несовместимости чётких образов и связных идей с настоящим и восстанавливающим сном, то я это уже категорически отверг, будучи убеждённым, что чёткость образов, когда они связаны с приятными и спокойными картинами, наоборот, является одним из признаков лучшего и более глубокого сна.

Следующее мнение кажется мне не менее ошибочным: «Страсти всегда ведут себя и в самых отвратительных сновидениях, и в самых красивых так же как и во время бодрствования и по тем же законам. Чувства сна очень напоминают чувства бодрствования, как и чувство добра не ослабляется в наших сновидениях (стр. 180).»

Страсти не всегда ведут себя в сновидении так же, как и в бодрствовании, так как они часто внушают сновидцу причудливые и неопишуемые желания, которые он не понимает даже по пробуждении.

Чувства сна иногда слабо напоминают чувства бодрствования, но чувство добра может оказаться извращённым в сновидении до такой степени, что совершение каких-либо чудовищных или безумных (с точки зрения реальности) поступков может показаться в сновидении совершенным пустяком.

Вот почему одна молодая и очаровательная дама, привыкшая к самым аристократическим нравам, призналась мне однажды, что она увидела в сновидении одного своего знакомого толстого господина поданным на стол в качестве жаркого; хозяин стола расчленил его совершенно спокойно и, совершенно не удивляясь этому, она сама протянула свою тарелку, чтобы ей положили кусок этого мяса.

Влечение *перехода* посредством *замещения* образов,⁷² которому обязаны сновидения этого рода, впрочем, не является единственным, которое приводит к подобным результатам. Вскоре мы увидим, что обострение душевной или физической чувствительности, сосредоточенной во время сна на какой-то частной идее или на какой-то части нашего организма, достаточно часто, благодаря нарушению душевного равновесия, внушает нам такие желания и заставляет совершать нас в сновидении такие поступки, которые, будь они совершены в реальности, свидетельствовали бы о мании или безумии.

«Как воображение может увеличить яркость наших чувств, – продолжает г-н Лемуан, – как оно делает из слабого звука раскат грома, так и сновидение украшает или уродует всё, что оно создаёт. Только в состоянии спокойного и хладнокровного бодрствования, когда вещи представляются ему такими, какими они есть, художник может с любовью плыть по океану красоты; только тогда, когда вдохновение, энтузиазм и даже бред овладевает им, когда чувствительность поднимается до самого высокого уровня, любовь и чувство прекрасного порождает в его воображении модель или идеал, к которому он стремиться. Именно это сверхобострение всех чувственных способностей, и в особенности эстетических чувств, приводит нас временами в восторг; его нужно ждать, не опережая. Но если и есть такое время и такие условия, которые будут для этого более благоприятными, и которые его вызовут, так это – время сна. Отсюда эти редкие и возвышенные видения, которые сновидения с яркостью представляют художнику, музыканту, поэту. Отсюда та *соната дьявола*, которую Тартини тщетно пытался написать во время бодрствования, и которую он услышал в сновидении, и куски кото-

---

⁷² См. стр. 151 и также третью часть книги. – прим. автора.

рой он восстановил по памяти после пробуждения. Но и отсюда также те отвратительные фигуры, все те ужасные чудовища, все те уродливые формы, все извращённые прихоти, которые объединяют в одном теле всё то, что природа, в свои моменты заблуждения, вытаскивает из хаоса (стр. 182).»

¶ с большим удовольствием процитировал этот красноречивый отрывок. Автор, как и я, признаёт несопоставимую интенсивность эмоций, которые можно испытать в сновидении, оправдывая тем самым очарование и интерес, который можно дать идее овладения своими сновидениями и их управлением.

О рассужде.

¶-н Лемуан высказывает мнение относительно рассудительности, которое разделяю и я, а именно, что если часто мы и делаем ошибочные суждения в сновидении, то это совсем не доказывает, что мы тогда находимся под влиянием временного изменения наших рассудительных способностей. Если наши суждения ошибочны, то это оттого, что элементы наших сравнений и наших рассуждений очень часто разнородны и бессвязны. Точно так же, как математик может ошибиться в своих вычислениях, когда он их основывал бы с самого начала на ошибочных исходных данных.

¶то совершенно естественно заставляет нас упомянуть мимоходом о другом мнении, которое заставляет задуматься. Речь идёт о том, что безумие, горячка, опьянение приводят душу, с этой точки зрения, в такие же условия, которые создаются сном.

«Если здесь и есть какое-то различие в глазах медиков, то в глазах психологов его нет, потому что различие

существует только в состоянии органов; для самой же души, здесь нет никакого подлинного различия.

Таким образом, сумасшествие, безумие неправильно называть душевными болезнями. Душа не больна, но только органы. Слепой не видит света только из-за повреждения или болезни зрительного органа. Сила же видения у него незатронута, как и у того, кто видит. Таким образом, логика безумного, пьяного и спящего искажена лишь из-за иллюзий или галлюцинаций, игрушкой которых он оказывается.»

Доктор Бейль опубликовал замечательное наблюдение, касающееся одной женщины, страдающей галлюцинациями, которой казалось, что она окружена демонами. Тем, кто пытались её убедить в её заблуждении, она отвечала: «Как узнают о существовании тех или иных объектов? – Потому что их видят и к ним можно прикоснуться. Итак, я вижу, слышу и могу прикасаться к демонам, которые вокруг меня, а то, что внутри меня, я ощущаю совершенно иным способом. Почему же вы хотите, чтобы я отвергла свидетельство моих чувств, в то время как все люди именно их считают единственным источником своих познаний.»

С другой стороны, г-н Бриер-де-Буамон в своём «Трактате о галлюцинациях» приводит множество примеров безумных и галлюцинирующих, которые, хотя и ясно слышат голоса и видят ужасных призраков, тем не менее, признают и соглашаются, что эти звуки или привидения не имеют никакого отношения к реальности.

Таким образом, безумец является сновидцем, который сновидит наяву. Исследование работы ума у таких сумасшедших могло бы, наверное, пролить немного света на состояние души во время сна.

Однако, между сновидением простого сновидца и безумного имеется заметная разница, состоящая в том, что усилием воли сновидец, осознавший своё состояние, всегда может стряхнуть своё сновидение, тогда как безумец, даже при сознании, не в состоянии избавиться от овладевших им иллюзий.

О сознании.

Г-н Лемуан полагает, что сознание, как способность наблюдать с вниманием за своими ощущениями и мыслями, во время сна отключается; что во время сна мы не можем дать себе отчёт о состоянии, в котором находимся, и что у нас имеется только *ретроспективное сознание* относительно приснившихся нам сновидений.

Если бы это утверждение не было таким категоричным; если бы оно относилось только к большинству сновидцев, у которых никогда не возникала мысль проводить исследования во время этой стадии их существования, то я без труда принял бы его, как я часто констатировал в моих исследованиях по этому предмету с большим числом людей, что осознание сновидения во время сновидения было у большинства из них явлением исключительным; но с другой стороны, проводя опыты сам и в сотрудничестве со многими своими друзьями, я убедился с какой лёгкостью обретается способность обладать таким сознанием, при условии что задействуют свой ум; поэтому я могу только со всем жаром отрицать то, что утверждает г-н Лемуан. Наоборот, я возвожу в принцип, что среди людей, которые понудят себя лишь записывать на протяжении трёх месяцев, каждое утро свои ночные сновидения (напрягая немного память, чтобы их вспомнить, так как сначала может показаться, что у них не было никаких сновидений), то исключением уже будут те, кто не станут часто достигать во

время сновидения и осознание своего сна, и, более того, внимательного наблюдения за образами сновидения, чтобы легче их вспомнить по пробуждении.

Впрочем, г-н Лемуан вскоре почувствовал, что возможно он зашёл слишком далеко. Поэтому, как бы исправляясь, он добавляет: «Когда мы знаем (видя сон), что наши сновидения являются сновидениями, то это благодаря *определённым знакам*, не полностью стёртым сном, мы его узнаём; но мы не узнаём его сознанием.»

Итак, чем же могут быть эти особые знаки? – он нам этого не говорит, и я сам, признаться, не имею ни малейшего об этом понятия.

Что я знаю и что я должен здесь повторить, так это то, что чувство знания в сновидении того, что сновидишь, как раз и является отправной точкой, чтобы прийти к управлению сновидениями, как я собираюсь то доказать.⁷³

О памяти и ассоциации идей.

«**В**о сне, – говорит г-н Лемуан, – нет больше ни произвольных ассоциаций, ни воспоминаний; всё – стихийно, всё – безучастно.»

«**А**ссоциации идей, которые являются самой основой памяти, теряют как и она во время сна всё то постоянное и разумное, что им даёт внимание и воля в бодрствовании (стр. 215).»

И привёл эти два отрывка лишь для того, чтобы ещё раз засвидетельствовать самое жёсткое разногласие между моими идеями и идеями г-на Лемуана по этому вопросу.

---

⁷³ См. третью часть книги. – прим. автора.

О воображении.

«**И**мя *воображение* дают совершенно различным способностям. Художник, который в одно мановение ока схватывает все черты человека, все мелочи пейзажа, и который продолжает видеть их и тогда, когда их уже нет перед его глазами; музыкант, который отличает все голоса оркестра, все мелодии оперы, и который продолжает слышать их в тишине, – наделены большим воображением; но такое воображение почти полностью пассивно.

Мы приписываем дар более ценного воображения тому, кто, вместо того чтобы точно но просто воспринимать звуки и цвета и всё то, что действительно воздействовало на его чувства, видит, как бы на внутреннем экране, мысленный объект, со всеми его чертами и цветами, которые его глаза никогда не видели, который воспринимает его ум, создав его весь, или слышит, как мысленный голос, настраивающий последовательность гармоничных звуков, которые никогда не слышало его ухо. Такое воображение поистине активное, поскольку оно совершает самое великое из всех дел – оно творит.

Наким бы именем ни называли первое – чувственным, пассивным, животным воображением или образной памятью – оно относится больше к чувствительности, чем к рассудку; оно зависит почти так же от чувствительности органов, как и от чувствительности души. Его качества – это качества зеркала или эхо, которое отражает или повторяет с большей или меньшей достоверностью и чёткостью изображения и звуки. Второе воображение, которое делает человека *поэтом* в греческом смысле этого слова, следует обратным ходом, чем предыдущее. Вместо того чтобы быть зеркалом или эхом внешних органов, оно распространяется на чувства и органы, которые выражают понятия ума звуками, цветами и движениями всех видов. Эти

представления являются причудливыми и прекрасными; это жалкие сочетания или великие и подлинные творения; по крайней мере, здесь всегда ум действует на чувства и материю.

Если для психологии бодрствования так важно установить это различие, тем ещё более важно сделать это для психологии сна и исследования сновидений, чтобы размежевать влияния органов и влияния ума.

Так, следует различать два вида галлюцинаций во сне, как и при безумии: один, который можно было бы назвать органическим, *который имеет своей причиной состояние заторможенности или болезни мозга и внутренние движения, которые там рождаются*; второй, который можно назвать рассудочным, и который является результатом произвольного или намеренного действия, которое ум оказывает на мысль. В одном – материальный знак какого-то отсутствующего объекта пробуждает обозначаемую идею или подобную; в другом – объект мысли принимает облик и реализуется вовне, *возбуждая в мозге движение, которое является ему знакомым* или то, которое его напоминает. Когда в моём сновидении мне вдруг представляется какой-то призрак, без какой бы то ни было причины, вытянутый благодаря ассоциации идей, которые могут вызвать его появление, то это – органическая галлюцинация; *дрожь какого-нибудь нерва вызвала этот образ*. Но когда, испугавшись его уродства, я хочу убежать, то это уже мой страх приводит в движение этот призрак и заставляет его гнаться за мной – это умственная галлюцинация.»

Только что я привёл отрывок из книги г-на Лемуана, который начинается превосходными, по-моему, соображениями насчёт установления различия между двумя видами воображения; но разумеется, я делаю оговорки в отношении тех фраз, которые я выделил искосью. Эти фразы от-

носятся к системе автора, касающейся дрожания мозговых нервов, что рассматривается им как действенная причина сновидений, что я уже отверг. Признаюсь также, что я предпочитаю называть просто *памятью*, или, если хотите, *образной памятью* ту способность, которая заключается исключительно в воспоминании объектов такими, какими они были запечатлены, сохраняя слово *воображение* для этой другой отличительной способности мысленно сочетать, новым образом, материал, предоставляемый памятью, создавая глазам и ушам ума (если так можно выразиться) образы, которые он никогда в действительности не видел и не слышал, одним словом, творения, насколько человек способен творить.

€ другой стороны, здесь ещё будет возможность констатировать эти чисто теоретические подводные камни, маленький недостаток которых в том, что они не ведут ни к чему определённого. Кто может мне сказать: органическая или умственная та или иная галлюцинация? Как я могу узнать, что образ (призрак или другой объект) возник *без какой бы то ни было причины, лишь благодаря ассоциации идей, которые могут вызвать его появление?* И если образ этого призрака таков, что никогда никакая подобная фигура не представлялась моим чувствам, то как может предсуществовать в моём мозге *определённое движение, которое является его конкретным знаком?* Как дрожь какого-то нерва может вызывать идею, которая ещё не существовала?

¶ не устану повторять, что такой подход к этим неразрешимым тайнам душевно-телесного союза, этим сокровенным отношениям между душой и материей, кажется мне самым бесплодным из всех методов; он не может породить ничего, кроме пустых предположений; в перспективе же он не имеет ничего, кроме сомнения.

Впрочем, если мы вернёмся к мнению г-на Лемуана, лишив его его спекулятивной части, заменив, например, его надуманную теорию нервов, как агентов или инструментов мышления, на простое признание того бесспорного факта, что начинания сновидений обусловлены стихийной ассоциацией идей (то ли активной, то ли пассивной⁷⁴) или различным физическим причинам, внешним или внутренним, которые воздействуют на спящего, то мы придём по этому вопросу к совершенному согласию взглядов; мы сойдёмся на том, что все наши сновидения необходимо происходят из этих двух начал.

Но правде сказать, наверное, нет ни одного сновидения, чья ткань принадлежала бы только одному или другому из этих начал. Сновидение, которое проистекает из одной только ассоциации идей, без какого бы то ни было вмешательства какого бы то ни было рода, может быть результатом только совершенного равновесия человеческого тела, и в то же время такого абсолютного спокойствия в окружающем мире, что если легко представить себе это состояние мысленно, то без сомнения невозможно его встретить в реальности.

Так, наши сновидения непрестанно и попеременно состояются из тех последовательностей идей, порождаемых стихийной работой ума, и из тех тысяч случайных идей, вызванных влиянием материального мира. Именно в том способе, каким эти два начала сочетаются и поочерёдно действуют один на другого, и заключается, в основном, секрет наиболее разнородных и бессвязных сновидений.

Что до роли, какую играет в наших сновидениях воображение как таковое, то если мы подвергнем это тщательному анализу, мы узнаем, что оно не состоит только в

---

⁷⁴ См. стр. 160– прим. автора.

образовании новых сочетаний из приобретённых элементов, порождающих иногда эти очаровательные видения, которые кажется резюмируют все наши устремления к идеальному, или те чудовищные построения, отвратительные объединения всего того, что внушает нам наибольшее отвращение. Кроме этих концепций, которые всегда имеют нечто исключительное, можно также констатировать частую склонность опережать стихийную работу ассоциации идей, задавая ей самой то направление, о чём я упомянул выше, когда говорил об активности и пассивности ума во время сна. Когда воображение пассивно, всегда имеется бессвязность и разнородность в сюжетах, которыми занят ум, поскольку тогда цепочка идей разворачивается посредством ассоциаций совершенно чуждых логическому порядку реальной последовательности. Форма солдата вызывает у меня мысль о моём знакомом офицере; этот офицер – о его сестре; его сестра – о другой даме, которая на неё похожа; эта дама – о театре, где я её встречал, затем – о пьесе, которую там играли; сцена переносится на Восток; и вот я уже перед мечетью и т.д. и т.п. Когда же воображение держит вожжи, то сновидение тогда предлагает последовательные события (которые, впрочем, могут быть и бессмысленными).

Итак, прежде чем перейти к другому предмету, подведём итоги на основании тех различных замечаний, которые мы смогли до сих пор высказать, касательно роли, которая отводится воображению в плетении наших сновидений. Эта роль естественно будет большей или меньшей в зависимости от характера ума и его текущего состояния; но можно сказать, в принципе, что она не всегда будет абсолютной, поскольку значительная часть наших сновидений происходит только от стихийной ассоциации идей, т.е. исключительно из памяти.

Сила воображения никогда не сможет, конечно же,

создать абсолютно новые образы, поскольку оно не умеет производить то, что не образовано из материала, заимствованного им у памяти, но получая под воздействием сна лёгкий доступ ко всем ящикам памяти, пользуясь сочетаниями, делая такие абстракции и сопоставления, которые никогда не возникли бы у человека бодрствующего, воображение, освобождённое из под ига разума благодаря временному упразднению реального мира, может порождать настолько новые (в своём целом) композиции, что в состоянии бодрствования мы можем только схватывать обрывки воспоминаний, их которых они образованы.

Объяснение.

Здесь, и против своей привычки, г-н Лемуан решает принять чёткое, категоричное мнение. Со своей стороны, я также вынужден категорически отвергнуть это мнение, так как оно совершенно противоречит результатам моего опыта. Итак, вот что он пишет:

«Во сне, который *упраздняет волю*,⁷⁵ внимание невозможно. Какую бы податливость, какую бы точность не показывала память во сне, я не могу произвольно следить за воспоминанием, которое от меня ускользает, я не могу выбрать среди видений моих снов какой-то образ, на котором я бы мог остановить свой взгляд, среди идей, следующих друг за другом в моём уме – ту, которую я хотел бы проанализировать.»

Такие утверждения, такие заблуждения доказывают,

---

⁷⁵ На первый взгляд может показаться, что г-н Лемуан говорит о наличии разных видов сна: одном – упраздняющем волю, и другом, которые её не упраздняет; но из того что он пишет по этому поводу дальше, ясно следует, что это предложение следует понимать в абсолютном смысле. – прим. автора.

что автор рассматривал этот вопрос только в теории, и совсем не пытался следовать методу наблюдений.

Внимание может продолжать действовать во время сна и это благодаря действию не упразднённой воли.

Можно научиться выбирать из гущи видений и идей, разворачивающихся в сновидении, те, на которых хотим остановиться, сосредоточиться, проанализировать или прояснить. Для достижения этого иногда требуется определённое усилие ума, которое не достигается без определённого почти мучительного напряжения, но, тем не менее, это возможно.

О двигательной способности.

Этот последний параграф исследования, посвящённого г-ном Лемуаном естественному сну и сопровождающих его сновидениям, имеет дело главным образом с большим или меньшим влиянием, которое сохраняет душа во время сна на различные органы движения. Это немного отклоняется от рассматриваемого нами предмета; это относится скорее к физиологии сна, а не к психологии сновидения.

Для меня, я без колебания возведу в принцип, что если душа сохраняет какое-то влияние на органы, пока она сновидит, то это имеет место тогда, когда сон не является полным. В полной остановке всех воздействий души на органы, одним словом, в отключении двигательной способности, я вижу главный признак сна и великолепный закон творения, наложенный на человеческую природу, чтобы обеспечить тело необходимым ему отдыхом. Душа, которая не нуждается в отдыхе, как сказал сам г-н Лемуан, никогда бы не позволяла отдыхать телу без этого закона. Вспомним те минуты бессонницы, когда мы делаем всё от нас зависящее, чтобы привести тело в состояние отдыха,

никогда не имея силы сделать это? Когда непрерывная деятельность ума, наоборот, занята иллюзорными картинками, зреть которые ей предоставляет воображение; что душа представляет себе, как она двигает телом [телом сновидения], не действуя на него на самом деле, тогда тело отдыхает. И под телом следует понимать не только приспособление для передвижения, но также и все внутренние органы.

Будучи вынужден следовать программе, составленной Академией, г-н Лемуан приступает, наконец, к губительным вопросам о магнетизме [гипнотизме], разбираться в которых я совершенно не готов рискнуть. Так что я прекращаю на этом критический разбор его замечательного труда, советуя его прочитать тем, кто хочет углубиться в этот предмет. Они там найдут, по многим частным вопросам, касающихся сновидений, гениальные взгляды, которые я не счёл нужным приводить здесь, потому что они показались мне слишком теоретическими, но которые я не могу полностью отвергнуть, хоть и чисто теоретически, поскольку теории не запрещено иногда совпадать с истиной.

ГЛАВА 6

Краткий разбор недавнего труда Альфреда Мори «Сон и Сновидения». – Гипногогические галлюцинации. – Об уме, как функции мозга и о мозговой локализации умственных способностей, согласно учению этого писателя. – Интересные наблюдения, сделанные Мори над собой. – Растворяющиеся образы. – О сновидениях, в которых вспоминают предыдущее, ранее забытое сновидение. – Как можно в сновидении совершать преступные действия без угрызений совести, и в каком смысле нужно понимать, что наша свободная воля нас тогда покидает. – Взгляды д-ра Макарио и д-ра Цериза, которые более близки с моими, чем со взглядами Альфреда Мори. – Размышления Шарма и Бриллата Саварина по поводу крайней чувственности некоторых сновидений. – О том, что изучение естественного сна и сновидений является лучшей подготовкой к изучению сомнамбулизма и магнетизма [гипнотизма]. – Некоторые размышления д-ра Цериза, подытоживающие обзор писателей, рассматривающих вопрос о сне и сновидениях с древности и до наших дней.

Совершенно надуманные и откровенно материалистические теории, к которым прибегает автор, как и г-н Лемуан, чтобы объяснить все явления сновидений через скрытые колебания волокон головного мозга, и через эти тысячи внутренних движений мозга, о которых всегда рассуждают с такой свободой, что никогда дискуссия не может выйти из области спекуляций;

Очень тонкие наблюдения, очень справедливые, в которых я был счастлив найти подтверждение многим психологическим фактам, открывателем которых я до сих пор считал себя одного – таковы два отчетливых элемента, которые сразу же бросились мне в глаза, читая книгу г-на

Альфреда Мори́ о сне и сновидениях.⁷⁶

Мори начинает с того, что посвящает одну главу тем первым образам, тем первым ощущениям, которые возникают, когда нами начинает овладевать сон. Он называет их гипногогическими галлюцинациями, и пытается представить их отдельным явлением, которому подвергаются только отдельные люди. Меня удивило предложение о подобном различении писателем, который стремится больше обобщать, нежели обособлять. Что касается меня, кто ежедневно испытывает это явление, то я в нём вижу ничто иное, как начало представления глазам ума предметов, которыми занимается мышление, т.е. начало самого сновидения. Я уже упоминал об этих первых видениях фигур или ярко раскрашенных пейзажей, как об определённом указании на приближающийся сон; но разве сам г-н Мори не соглашается неявно с тем, что они всего лишь предтечи сна, когда он пишет: «Чёрный кофе, шампанское, принятые даже в малом количестве, вызывают у меня бессонницу, сильно предрасполагают к гипногогическим видениям. Но в этом случае они появляются лишь спустя долгое время, когда сон, тщетно призываемый на протяжении многих часов, наконец, овладевает мною.»

Это равносильно тому, чтобы сказать, что замедляя наступление сна, эти возбуждающие напитки естественно замедляют первые его признаки; и что возбуждая в остальной нервной системе, они предрасполагают нас к восприятию с большей силой мыслеобразы, или различные ощущения, из которых образуются наши сновидения.

То, что существуют особо впечатлительные люди, у которых возникают мыслеобразы с первого же вторжения

---

⁷⁶ Есть русское издание: *Альфред Мори. Сон и сновидения: психологические исследования и наблюдения. М., 1867.* – прим. И.Х.

сна с большей живостью, чем у других, это понятно, и г-н Мори принадлежит к их числу, как и я сам; но мы отнюдь не должны из этого заключить, что под именем *гипногогические*, эти первые проявления первой фазы сна составляют у нас особое явление.

Я не могу впредь принимать, что эти образы являются «последствиями мыслей, независимыми от последних занятий ума». Мои практические наблюдения доказывали мне тысячу раз противоположное.⁷⁷

Разобравшись таковым образом с галлюцинациями, которые возникают при засыпании, г-н Мори приступает к более глубокому изучению сна, и без колебаний заявляет, чтобы сон был полноценный – он должен быть без каких бы то ни было сновидений. По его мнению, между полным или частичным торможением мозга во время сна – физиологическое явление, в чём он не сомневается – существует совершенная сопряжённость с более или менее полной остановкой способностей ума.⁷⁸ Как и Галл и Шпурцайм, он

---

⁷⁷ Не перепутайте это якобы стихийное последствие и то, что возникает, когда происходит какое-нибудь реальное ощущение и вызывает какую-то идею, вызывая тем самым свой одиночный образ. Именно это случилось с Мори, когда он ощутил прострел в ноге и тотчас же увидел ногу в своём сновидении. Вот что происходит в порождаемых сновидениях, тогда когда какое-нибудь перевозбуждение или гиперволемиа [перенасыщение кровью] органов обеспечивает сладострастными сновидениями, повторяя непрестанно физические ощущения, которые вызывают образы, соответствующие воспоминаниям, которые они вызывают. – прим. автора.

⁷⁸ «Некоторые слишком настаивают на отличии души от тела во время сна. Два эти механизма действуют сообща и поддерживают свои взаимные связи.» (стр. 22)

«Чем больше возобладает душевное торможение, тем более туманное, нестойкое сновидение; чем больше определённые органы бодрствуют во время сна, тем более заметные следы в нашем уме оставляет сновидение.

верит, впрочем, в локализацию этих способностей в определённых частях мозга, и думает, что смотря по тому, какая часть органа, над которым сон осуществляет свою власть с наибольшей силой, то такая или эдакая страсть может быть более или менее ослабленной в наших сновидениях.

Его ход идей не вызывает у меня инстинктивного отторжения. Отказываться требовать объяснения движениям нашего ума у непроверяемых анатомических гипотез – это не означает упускать из виду очевидные взаимоотношения, которые существуют а человеку между состоянием его мозга и ума. Критика, которую я в общем выскажу насчёт теоретических взглядам г-на Мори, если это совсем не заставит меня повторять всё то, что я уже сказал по поводу взглядов г-на Лемуана, не заставит меня отвергнуть, не проверив, исследование ряда фактов, в которых я угадываю, наоборот, собранные интереснейшие практические наблюдения.

Учение френологии сильно поражает воображение всех психологов. Часто я задумывал провести серию экспериментов во время сна, с целью проверить возможное

Добавим, что определённые отделы мозга могут пребывать бодрственными, и даже быть подверженными высокой степени перевозбуждения, тогда как другие остаются заторможенными; ослабление, которое затрагивает какую-то способность и по необходимости мозговой орган, в котором она пребывает, может, впрочем, изменяться на протяжении сна.» (стр. 36 – 37).

«Сновидение, одним словом, обусловлено тем, что определённые части мозга и органов восприятия бодрствуют, из-за перевозбуждения, которое противостоит полному торможению.» (стр. 53)

«Нет сомнений, что смотря по тому какая часть мозга или нервной системы атакуется, смотря по тому какой род связи органов умственной жизни (при психическом заболевании), такая или эдакая страсть не может быть более или менее перевозбуждённой или ослабленной.» (стр.145). – прим. автора.

соответствие между каким-либо раздражением некоторой точки черепа и природой впечатлений и душевных действий, картины которых предложили бы тогда наши сновидения. Если я не сделал никакого решительного открытия в этом направлении, я, тем не менее, не отговариваю других от этого пути экспериментирования.

Теперь я перехожу к наиболее интересной, с моей точки зрения, части книги г-на Мори – той, в которой содержатся подробные описания значительного числа наблюдений, проведённых автором над самим собой, и которые свидетельствуют главным образом о силе нашей памяти во время сна.

«Мои первые годы жизни прошил в Мо, – говорит Мори, – и я часто ездил в соседнюю деревню, Трильпор, расположенную на р. Марне, где мой отец возводил мост. Несколько месяцев назад я в сновидении перенёсся в те дни моего детства и играл в деревне Трильпор; я увидел человека, одетого в какую-то униформу, к которому я обратился со словом, спрашивая его имя. Он сказал мне, что его зовут С..., что он сторож моста, затем он исчез, уступив место другим персонажам. Я проснулся с именем С... в моём уме. Было ли это чистое воображение, или же в Трильпоре был сторож по имени С...? Я не знал, не было ни единого воспоминания подобного имени. Некоторое время спустя, я расспросил одну старую служанку, служившую тогда моему отцу, и которая часто проводила меня в Трильпор. Я спросил её, не помнит ли она человека по имени С..., она тотчас же ответила мне, что это был сторож моста на р. Марне, когда мой отец возводил мост. Определённо, я, как и она знал его, но моё воспоминание о нём затёрлось. Сновидение его вызвало.»

«В другой день, – пишет в другом месте г-н Мори, – в моей памяти всплыло слово Mussidan; я хорошо знал, что

это название одного города во Франции, но где он был расположен – я не знал, или лучше сказать, я забыл. Несколько дней спустя, я увидел в сновидении одного человека, который сказал мне, что он прибыл из Mussidan; я спросил его, где расположен этот город. Это, – ответил он мне, – окружной центр в департаменте Дордонь. Я проснулся; я поспешил посмотреть географический словарь и, к своему великому удивлению, констатировал, что собеседник из моего сновидения знает географию лучше, чем я, иначе говоря, я вспомнил в сновидении факт, забытый в бодрствовании, и вложил в уста другого то, что было моим собственным воспоминанием.»

«Наконец, – сообщает ещё г-н Мори, – вот уже прошло восемнадцать лет с тех пор, как я провёл один вечер у художника Поля Делароша, и там я слушал великолепные импровизации на пианино одного искусного композитора г-на Амбруаза Тома. Вернувшись к себе, я лёг и долго не мог заснуть; наконец, сон одолел меня, и вот я услышал, как бы из далека, многочисленные весёлые пассажи, которые исполняли великолепные пальцы г-на Амбруаза Тома. Заметьте, что я не музыкант и что музыкальная память у меня развита плохо. Я определённо не мог бы вспомнить в состоянии бодрствования такие длинные отрывки.»

В этих сновидениях, в которых мы беседуем с различными людьми, мы вкладываем в других мысли или слова, которые являются, конечно же, нашими собственными; но следует заметить, что одной из причин, которая заставляет нас воображать, что эти разговоры поддерживаются чужим человеком, именно в *отсутствии у нас воспоминаний об этих событиях*, если можно так выразиться.

Тот психологический факт, который, думаю, я уже смог описать в первой части этой книги, основывая его на моих личных наблюдениях, а именно, что воображение

знает как придать, в сновидении, видимость живой реальности тем образам, *отпечатки в памяти* которых обязаны однако только нескольким гравюрам или картинам, оказывается подтверждённым многочисленными аналогичными свидетельствами г-на Мори, среди которых я приведу следующее:

«Одной ночью мне приснился город Нью-Йорк и что я прогуливаюсь его улицами в компании с одним другом. Когда я проснулся, то воспоминание этого сновидения очень чётко пребывало в моём уме; также у меня, как перед глазами, был общий вид города и одной из его площадей. Днём я отправился на бульвары, где, как я знал, в витрине одного магазина гравюр была выставлена картина этого большого американского города, картина, которая поразила меня несколькими неделями ранее, но в этой панораме, неизбежно сильно уменьшенной было невозможно узнать большую площадь, на которой я гулял со своим другом во сне. Я долго копался в своей памяти и наконец, вспомнив, что подразумеваемая площадь должна была быть большой площадью Мехико, великолепный рисунок которой я когда-то видел в Берлине. Немного погодя я получил тому подтверждение, случайно наткнувшись на её изображение в одной книге, где она была представлена.»

Нозже, г-н Мори приводит, с не меньшей точностью, сновидения, в которых ему случилось наблюдать и следовать за фантастической работой своего собственного воображения.

«Перед самым засыпанием, – пишет он, – я, с закрытыми, как обычно, глазами, увидел множество гримасничающих голов и фигур, некоторые из них произвели на меня впечатление достаточное для того, чтобы я смог воспроизвести их достоверно. Итак, сперва я увидел черты одного человека, который посещал меня двумя днями ра-

нее, и чьё оригинальное и немного смешное выражение лица произвело на меня впечатление. Затем я очень отчётливо увидел, и это очень любопытно, свою собственную фигуру, которая исчезла, уступив место новой тем способом, который называют наплывами или, на английском, *dissolving views*.»

Свидетельства подобного рода крайне ценны. В тот день, когда в нашем распоряжении будет большое их число, можно будет найти, в их сравнительном изучении, ключ почти ко всем психологическим тайнам сна. Книга г-на Мори, содержащая таковых множество, имеет, тем самым, в моих глазах огромную ценность, и если материалистические объяснения, которые он очень часто даёт своим собственным замечаниям, совсем меня не удовлетворяют, то его метод наблюдений, совершенно новый в подобном деле, кажется мне достойным подражания.

Доктор Макарио настроен куда более спиритуалистично, чем автор, чей труд мы только что проанализировали. Находясь в согласии в этом отношении с доктором Церизом, который написал предисловие к его книге⁷⁹, он не признаёт того, что явления сновидения можно объяснить механистически одной лишь физиологией мозга. Они оба также отвергают теорию сна без сновидений.

«Никакой орган, никакая система не спит у живого существа, – пишет д-р Цериз. Будьте уверены, что мораль притчи о талантах воплощена в организме. Никакой труженик не допустит ни одного непродуктивного момента в жизни, которую он получил. Доктор напоминает взгляд Кабаниса, который видел в явлении сна ничто иное как частную форму мозговой *деятельности*, и он добавляет: «Не спрашивайте меня об этом впредь; скрытые и глубокие ме-

---

⁷⁹ О сне, сновидениях и сомнамбулизме, 1857. – прим. автора.

ханизмы жизненных функций в общем и нервных функций в частности недоступны наблюдению; в физиологии, познание следствий не подразумевает обязательно точное познание причины и её образа действия. В механизме сна в особенности, физиологи являются не большими волшебниками, чем обыватели... Лучше увидеть одну прекрасную картину спящего, чем все объяснения сна, чем все те диссертации, чтобы прийти, увы, к словам Мольера, объясняющего действие опиума: quia est in eo vis dormitiva.⁸⁰

...

Сон без сновидений – это абстракция, принятая на время физиологами, и которой они не должны злоупотреблять. Я хочу вам сказать, что я никогда не был захвачен сном, даже на секунду, чтобы не оказаться в мире химер.»

«Как только сон отягощает наши веки, – говорит в свою очередь д-р Макарио, – как только органы чувств более или менее полно закрываются от впечатлений внешнего мира, так сразу нас настигают сновидения – эти фантастичные плоды воображения – и раздваивают наше бытие. Иногда ясные и оформленные, иногда туманные и запутанные, они *непрестанно* будоражат душу различными страстями, а когда нам кажется, что у нас не было сновидений, так это от того, что мы потеряли о них воспоминание.»

Вот что очень хорошо согласуется с моими идеями, так что я не без удовольствия это процитировал. С не меньшей радостью я приведу следующие высказывания этого же автора:

«Неоспоримым физиологическим фактом является

---

⁸⁰ Opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva – Опиум действует снотворно, так как в нём имеется снотворная сила. – лат. пословица. – прим. И.Х.

то, что чувствительность во время сна развивается иногда каким-то необычайным образом. Сновидениям характерно преувеличивать ощущения, как внутренние, так и внешние, так что искусный врач может извлечь из этого далеко идущие выводы.

К этому я ещё добавлю, что этот род диагностики возымеет ещё большее значение, если привычка наблюдать за собой в сновидении позволит спящему самому анализировать ощущения. В самом деле, как известно, болезни начинаются в общем с какой-то скрытой болезнетворности, которая имеет место в глубинах организма; это то, что называют инкубационным периодом. Во время этого периода больные демонстрируют на вид совершенное здоровье, и они определённо далеки от того, чтобы поверить, что над ними нависла угроза. И вот, во время сна, эта болезнетворность может в определённых случаях стать чувствуемой и воспринимаемой, и вызвать сновидения, которые будут иметь более или менее прямые или симпатические связи с органом, в котором действует это болезнетворное начало. Так, например, если у человека поражена печень или сердце, то больному присниться, что его пронзили шпагой или кинжалом, или каким-нибудь другим инструментом, в месте этого органа; и если такие сновидения повторяются часто, то их можно рассматривать, как знак, предупреждающий о серьёзном заболевании, последствия которого врач, возможно, и сможет предотвратить, применив соответствующие профилактические меры. Следующий пример доказывает истинность этого утверждения:

Дрно из Виллановы приснилось, что его укусила за ногу собака, а спустя несколько дней в том самом месте появилась раковая опухоль.

Учёному Конраду Геснеру одной ночью приснилось, что его за левый бок укусила змея и серьёзная и глубокая

язва не замедлила появиться на этом самом месте. Это был карбункул, который привёл к смерти спустя пять дней.

Г-н Тест – бывший министр Луи-Филиппа – за три дня до своей кончины увидел во сне, что его хватил инсульт, и спустя три дня после этого сновидения, он и в самом деле скончался от этого удара.

Мне самому, – добавляет, наконец, д-р Макарио, – одной ночью приснилось, что у меня сильная боль в горле. По пробуждении, я чувствовал себя вполне хорошо, но спустя несколько часов, у меня начался сильный тонзиллит.

Часто и многократно в сновидениях о себе заявляла горячка. Даже об эпидемических болезнях предвещали сновидения.»

Этот тезис, который я подкреплю собственными наблюдениями, поддерживается Макарио с достаточной решимостью: «Внешняя чувствительность во время сна иногда ослабляется до такой степени, что кажется полностью упразднённой, а внутренняя чувствительность наоборот, получает огромное приращение в силе, физиологические потребности и внутренние действия вегетативной жизни являются неисчерпаемым источником сновидений, полных ценных сведений.

Душевная чувствительность, т.е. та нежная предрасположенность души человека к трогательности и волнению также получает крайнюю живость. Отсюда то замечательное развитие, которое приобретает чувство жалости, сострадания и т.д. в сновидениях, аж до того, что мы просыпаемся со слезами на глазах. Радость, грусть, скорби и наслаждения также живее и глубже, чем в реальной жизни.

ни.»⁸¹

Шарма и Брилла-Саварин – два автора с таким различным вдохновением – также согласны в этом вопросе.

«Разве нам не показано, – пишет Шарма, – что наши вредные и полезные страсти поднимаются, когда мы спим, до такой степени экзальтации, достичь которой во время бодрствования наш разум не позволяет? Скажем же твёрдо, что в тех же условиях и по тем же причинам, наша способность страдать или радоваться распускается с такой силой, что бодрствуя мы о ней и не подозреваем.»

Брилла-Саварин, со своей стороны, выразился об этой причудливой чувствительности: «Не проходит и месяца, чтобы я не пережил в сновидении чрезвычайное чувство радости. Оно сводится к тончайшему трепетанию всех частей, составляющих моё существо. Это ощущение «мурашек» полное очарования, которое распространяется по коже с ног до головы, пробирая меня до мозга костей. Мне кажется оно имеет фиолетовое пламя, которое горит вокруг моего лба.

Lambare flamma comas et circum tempora pasci.

Я полагаю, что это состояние, которое я чувствую вполне физически, длится как минимум тридцать секунд, и я просыпаюсь наполненный удивления, которое не бывает без некоторой примеси страха.

Из этого ощущения, которое ещё весьма живо в моей памяти и из некоторых наблюдений, которые были проведены за экстаичными, я сделал заключение, что пределы наслаждения ещё ни познаны, ни установлены, и что неизвестно до какой степени наше тело может быть благоден-

---

⁸¹ Макарио. О сне, сновидениях и сомнамбулизме. Гл. 2. – прим. автора.

ствованно. Я надеюсь, что через несколько веков, физиология разберётся с этими чрезвычайными ощущениями, можно будет вызывать их намеренно, как можно вызывать сон опиумом, и что наши правнуки получат этим воздаяние за жестокие страдания, которые претерпеваем мы сами.»⁸²

¶ Влечение чрезвычайной экзальтации чувствительности в сновидении принадлежит к тем, которые никем не оспариваются. Что же до обетования, сформулированного Брилла-Саварином, я думаю, что не обязательно ждать много столетий, чтобы увидеть, по крайней мере частично, его реализацию. Способы вызывания и управления иллюзиями наших сновидений, которые я укажу в последней части этой книги, позволят, я надеюсь, читателю самому прийти к немедленным и однозначным результатам.

¶ Не пожелал следовать г-ну Лемуану в его аналитической теории сомнамбулизма и магнетизма [гипнотизма], чтобы не заблудиться вместе с ним на новом поприще, которое я не достаточно исследовал. Та манера, с которой д-р Макарио рассматривает этот двойной вопрос не оставляет мне даже оговорок, поскольку в его взглядах, как и во взглядах д-ра Моро (де ла Сарта) и в моих, стихийный или искусственный сомнамбулизм – это не что иное, как более или менее аномальное изменение естественного сна и сновидений.

«¶ При сомнамбулизме совершенно отсутствует развитие или возникновение новых способностей; здесь имеется всего лишь перевозбуждение тех естественных способностей, чья сфера действия оказывается тогда удивительно расширенной. Душа сомнамбулы совсем не разрывает, если это не метафора, цепи, которые привязывают её

---

⁸² Brillat-Savarin. *Physiologie du gout*. – прим. автора.

к земле; её чувства не перемещаются, как утверждают некоторые магнетизёры; просто обостряется чувствительность и все её способности усиливаются. Чтобы объяснить, насколько возможно развить способности сомнамбул, достаточно расширить, усилить поле деятельности одной естественной способности, общей всем людям, а именно – восприимчивости. Это показывает, что изучение явлений сомнамбулизма оказывается в области физиологии.» (стр. 181)

«Но сначала надо познакомиться с известными фактами; сомнамбулы могут предвидеть последствия с большей точностью, чем люди с развитым логическим умом; так как тогда ум сомнамбулы сосредоточен в себе, как лучи света в фокусе, и становится очень ясным. Его воспринимающая способность приобретает превосходную деятельность, и его память – степень сказочной точности; самые неустойчивые и самые далёкие воспоминания восстанавливаются тогда с точностью и чёткостью, граничащей с чудом. Из этих таких точных и таких свежих воспоминаний, он может вывести умозаключения такой точности, что это кажется прозорливостью; из одного факта, одного слова, из одной тени воспоминания, малейшего намёка, он сделает умозаключения о будущем, и будущее их подтвердит.» (стр. 214)

То, что думает д-р Макарио об этих получудесных явлениях сомнамбулизма в точности совпадает с тем, что думаю я сам о некоторых сновидениях, в которых мы, как нам кажется, угадываем настоящее и даже предвидим будущее. То большое число фактов, о которых с восхищением рассказывали, как о доказательствах в поддержку существования поистине сверхъестественной магнетической просветлённости сознания, как мне кажется, объясняются совершенно естественно обычными законами психологии сновидений. Так, определённые органические заболевания

крайне необычного вида не удивляют тех, кто знает немного анатомию человеческого тела. Ключ к более чем одному магнетическому явлению, заслуживших репутацию чудесного чтобы не быть необъяснимыми, может таким образом вполне обнаружиться при глубоком анализе наших еженощных сновидений; и исследования природы таковых, какие рекомендует эта книга, будет настоящим секретом для их открытия.

¶ Последний заём, который я собираюсь взять в д-ра Цериза, закончит этот обзор писателей, которые занимались сном и сновидениями в различные эпохи. Там вы прочтёте о магнетических явлениях вообще, о некоторых рассуждениях, которые я полностью разделяю.

«Ходить, зажигать свечи, делать работу по дому, спускаться в погреб, подниматься на чердак [в состоянии сомнамбулизма] – всё это, несомненно, достойно уважения; но у меня нет ни малейшего намерения останавливаться на этом.

¶ Есть обычные сновидения, которым придают мало внимания, но которые, на мой взгляд, заслуживают его больше. Помните ли вы то чудесное, великолепное, что мы видим в некоторых наших обычных сновидениях, будь то церковь во всей славе пышной религиозной или национальной церемонии (как это было у меня в одном сновидении на честь освобождения Ирландии О'Коннелом); будь то великолепно исполненная картина или какое-другое произведение искусства, что вы покупаете – это наш ум создал их, увидев когда-то их, или как они создавались. Я обращаю ваше внимание на эту стихийность ума, для которого не существует ни времени, ни усилия, и который импровизирует шедевр, как грозовая туча импровизирует молнию.

¶ Эта одновременность различных действий сочетает-

ся, нужно сказать, с абсолютной пассивностью души в сновидениях; ибо нужно думать, что мозг делает лучше и быстрее свою работу, когда ум не вмешивается. Во всяком случае, она оставляет далеко позади себя обычный сомнамбулизм, который состоит в делании одной за другой глупостей менее возвышенного порядка и сотни раз повторяемых.

Между сновидением, в котором воображение раскрывается во всём своём великолепии и сновидением, в котором ясновидческие и пророческие видения не скупаются на откровения, – есть всё же расстояние, которое отделяет иллюзии от истины. Это расстояние, занимаемое промежуточными очень значимыми явлениями, огромно. Самые необыкновенные, самые возвышенные зрелища предлагаемые сновидцу не стоят ни единого взгляда счастливого ясновидца, который достигает реальности сквозь бездны времён и пространств, во тьме мрачной ночи и глубокого невежества. Но надо знать, прочный ли этот взгляд, не является ли ложью реальность, которой он достигает, одним словом, не является ли истина иллюзией. Вот в чём трудность.

Что до этого ясновидения, многочисленные примеры которого рассказываются во все дни, оно, признаюсь вам, интересует меня мало, потому что никакое несчастье, которого мы опасаемся больше всего и которое нас удручает, не предвидится ими и не предугадывается, ими не облегчается никакое несчастье, не решается никакая проблема. Им не хватает достоверности. Позвольте же мне поэтому не касаться неразрешимых проблем, связанных с бесполезными пророчествами и бесплодными предсказаниями. Я не буду извиняться перед так называемыми магнетическими, ясновидческими или просветлёнными сомнамбулами, за то что они никогда ни предвидели, ни открыли ничего важного, ни для отдельных людей, ни для народов, и в особенно-

сти поблекшими перед соперничеством вращающихся столов [спиритизмом]. Они не поскупились на великие чудеса, которые спорят в мелочах, которые не проверяют. Итак, самые знаменитые среди них проходят по земле, как насекомые в воздухе, как рыбы в воде – не оставляя и эха их шума, не оставляя и следа своего прохождения.»⁸³

---

⁸³ Введение к работе д-ра Макарио «О сне, сновидениях и сомнамбулизме» д-ра Цериза, стр. 24 и далее. – прим. автора.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ПРАКТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ
СНОВИДЕНИЙ И СПОСОБОВ УПРАВЛЕНИЯ ИМИ**

ВВЕДЕНИЕ

Первая часть этой книги ввела читателя в круг тех обстоятельств, в которых была предпринята моя работа, и в то же время, в общих чертах познакомила с моими взглядами на изучаемый предмет.

Во второй части, посвящённой, главным образом, историческому обзору мнений, высказанных по поводу сна и сновидений, начиная с древности и заканчивая нашим временем, я, при удобном случае, продолжал излагать свои собственные взгляды.

Прежде чем приступить к этой третьей части, которую я посвятил, главным образом, многочисленным практическим наблюдениям, как в поддержку уже высказанных утверждений, так и для обоснования новых фактов и новых взглядов, я хотел бы предвосхитить критику, которая не замедлит появиться, и справедливость которой я готов признать, но в ответ на которую, у меня, всё-таки, найдётся что сказать. Нет сомнений, что меня будут осуждать за то, что я непоследователен, так как преждевременно обсуждал не один вопрос, к которому я был вынужден возвращаться, разбрасываясь то тут, то там эмпирическими утверждениями, не подкрепляя их никакими вескими доказательствами, что оставляло высказанное мнение в подвешенном состоянии и совсем не удовлетворяло ум.

И сам адресовал себе эти упреки, и мне хотелось бы следовать более надёжным путём. Но, с одной стороны, предварительное исследование всего того, что уже написано о сновидениях, как мне кажется, и я уже об этом говорил, является введением, необходимым для того, чтобы придти посредством добросовестных наблюдений к более

глубокому пониманию их проявлений, и, с другой стороны, если бы я не стал оспаривать или комментировать некоторые теории в тот момент, когда я их излагал, то я, тем самым, приготовил бы себе трудную задачу, и тогда мне пришлось бы возвращаться ко всему анализу из-за угрозы быть не понятым. Поэтому, я подумал, что будет лучше следовать таким путём, каким я и следовал, и что неудобство, связанное с возвращением к тем же темам будет меньшим, чем возвращение к полному цитированию тех же текстов.

Трудность систематизации и дальше будет затруднять моё следование тому порядку, в котором я решил расположить рассматриваемые в этой третьей части вопросы. Впрочем, аксиома *всё во всём* чудесно применяется к неслетному количеству наблюдений, которые всё-таки приходится размещать в каком-то порядке. Так, например, такое-то сновидение предлагает нам любопытный пример настоящего подвига памяти, и в то же время, оно может служить доказательством того, что внимание не бездействует во время сна. А такое-то сновидение показывает нам и как одни идеи вызывают другие, и как видоизменяются некоторые образы, и как мы можем вызывать, удерживать, направлять или прогонять некоторые иллюзии, находясь в сновидении. Хотя зачастую решаемые проблемы сами имеют слишком сложную природу; так что классифицировать их можно будет лишь только после того, как они будут решены. Итак, за неимением лучшего метода [плана написания книги], я решил следовать такому:

Вспоминая, сначала, некоторые опорные точки, относительно которых, как мы видели, существуют самые значительные разногласия, я начну с объединения наблюдений, имеющие своей главной целью показать:

- 1) Что снов без сновидений не бывает;

2) Что ни внимание, ни воля не обязаны пребывать во время сна в бездействии.

Итак, установив это предварительное деление, я буду выяснять то, чему может нас научить опыт, относительно хода и ткани сновидений, как и относительно способов их вызывать и ими управлять; впрочем, не добавляя к этой классификации тех, пусть и важных замечаний, которые неподобаю́т книге, в которой автор намеревается не столько возвести здание науки, сколько собрать точные данные для этого будущего здания.

ГЛАВА I

НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СНОВИДЕНИЙ ПЕРВОЙ СТАДИИ СНА И ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПОКАЗАТЬ, ЧТО СНА БЕЗ СНОВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ.

Самые первые выдержки из моих дневников сновидений. — Опыты, проведённые над моим другом во время его сна. — Первые сновидения, когда мне удалось уловить момент перехода от бодрствования ко сну. — О глубине сна и живости сновидений в различные часы ночи. — Как глубина сна и живость сновидений зависят попеременно от состояний тела и ума. — Самые убедительные опыты в поддержку того мнения, что образы, составляющие сновидение, тем живее, чем глубже сон. — О том насколько длинные сновидения мы в состоянии вспомнить по пробуждении. — Основные выводы из рассмотренных в этой главе вопросов.

Мы видели, что те, кто признают существование фазы сна, при которой мышление, так сказать, упраздняется, все согласны в том, чтобы именно с этим первым периодом, когда органы в наибольшей степени изолированы от внешнего мира, связать видимый признак того, что называют глубоким сном.

Рассмотрим же с ещё большим чем раньше вниманием то, что происходит в нас тогда, когда нами овладевает сон. Исследуем характер тех сновидений, которые первыми возникают перед нашим умом. Быть может, мы, тем самым, придём к решению, если не через неоспоримые доказательства, так, по крайней мере, через убедительные предположения, относительно нашего главного вопроса — есть ли сон вообще без сновидений, может ли человек мгновенно лишиться всего, даже чувства собственного

существования? Очевидно, если мы обнаружим, что этот первый сон также заселён видениями и идеями, как и утренние сновидения, мы сможем сильно поколебать этот излюбленный аргумент материалистов.

Итак, я открываю первую тетрадь своих дневников сновидений и читаю там следующее:⁸⁴

«15 сентября. – Мои сновидения этой ночью разделены на две части, ибо я уже спал один час или два, когда меня разбудили, так как в соседней комнате в камине был большой огонь, и испугались, как бы он не перекинулся на деревянную отделку дома. В момент, когда меня разбудили, я был в разгаре сновидения, и мне снилось, как я гуляю в лесу Г... с моим дядей, и что мы любуемся огромными причудливыми птицами, сидящими на дереве, лишённом листвы. Вот рисунок. (Следует изображение одной из этих птиц, если мне не изменяет моя память.) К трём часам утра, огонь полностью угас, я улёгся и заснул, и тогда мне приснилось... (Следует пересказ сновидений второго сна.)»

Несколькими месяцами позже, в этой же тетради, которая восходит к эпохе моего юношества, я нахожу упоминание о другом неожиданном сновидении, имевшем место в первую фазу сна:

«Я был внезапно разбужен, через несколько минут после засыпания, грохотом передка камина, который столкнул ветер. Итак, я не знаю, то ли это живость сновидения, в котором я пребывал моментом ранее, оставила сильное впечатление в памяти, то ли это внезапный испуг, сопровождавший моё пробуждение сыграл в этом какую-

---

⁸⁴ Всё, что будет взято в кавычки, взято из моих дневников дословно. Я ничего не меняю в этих выдержках из своих школьных тетрадей, дабы сохранить их относительную ценность. Следует об этом хорошо помнить. – прим. автора.

то роль, но, наконец, придя в себя, я в совершенстве вспомнил всё то, что мне только что приснилось, и что я погрузился в сновидение и прошёл его от начала и до конца без какого-либо забвения. Мне снилось, что я нахожусь в парке Б..., беседуя с приходским священником д'О..., который с завидным постоянством показывал мне часы, которые отбивали точное время по звонкой наковальне маленьким позолоченным молоточком. Всё это было очень ясно, и также чётко, как если бы я бодрствовал. Тем временем, прекрасно вспоминая всё, что этому предшествовало, я могу это описать так: Сначала у меня перед глазами были нечёткие и исчезающие образы, сопровождаемые такими же спутанными идеями. Можно сказать, что я видел расплывчатые изображения людей и предметов, о которых я думал. Фигуры мне казались то слишком чёткими, то слишком тёмными и туманными, в зависимости от того, засыпал ли я крепче, или ко мне на мгновение возвращалось чувство [=осознание] моего сонного состояния. Были моменты, когда я мимолётом видел ветки деревьев, с зазубренными и освещёнными солнцем листочками, что на них. В один из таких моментов, я подумал о муравейнике, который мы намеревались разорить, и который находится в конце длинной аллеи парка; сначала мне показалось, что я его увидел смутно, затем более чётко, далее, я смог различать муравьёв и т.д. и т.п.

С этого момента и до конца сновидения я больше ни разу не возвращался к чувству [=осознанию] своего реального существования. Я полностью верил всему, что видел. Таким образом, я был в настоящем сне. Рядом со мною, в моём сновидении, был мой шурина, который имел при себе большой мешок, в который предполагалось положить муравейник. Я услышал какой-то голос, звавший меня с середины аллеи. Я обернулся и увидел одного из наших соседей, г-на С... в компании отца д'О..., который показывал

ему свои часы. Я забыл о своём шурине и муравейнике, которые тотчас же, так сказать, исчезли из моего сновидения, и я смотрел на часы отца д'О..., о которых я уже сказал выше, пока, практически мгновенно, меня не разбудил шум, раздавшийся возле меня. Почему мне снились эти странные часы? – я совершенно не мог понять, но в чём я точно уверен, так это в том, что пробудившись, я без пробелов в памяти вспомнил всё, что происходило с моим умом в течение моего засыпания и моего короткого сна.»

Аналогичные наблюдения, в результате неожиданного пробуждения, встречаются ещё семь раз в моих тетрадях с более поздними датами. Наконец, я намеренно будил себя сто шестьдесят раз во время первой фазы сна в различные периоды моей жизни, в частности, в течении тридцати четырёх ночей подряд, и всегда, как и д-р Цериз⁸⁵, я мог утверждать, что мой ум был занят некоторыми мыслями, облечёнными в образы.

Вот и всё, что касается моих личных наблюдений. Посмотрим же теперь на эксперименты, которые я проводил с другими.

Один мой близкий друг, с которым мне как-то случилось совершать длительное путешествие, и который проявлял живой интерес к моим исследованиям, с убеждением утверждал, что у него никогда не было сновидений в начале сна. Много раз я будил его спустя немного времени после его засыпания и всегда он искренне заверял меня, что не может вспомнить ни единого сновидения. Однажды вечером, когда он уже проспал примерно полчаса, я прибли-

---

⁸⁵ «Я могу сказать, что я никогда не был захвачен сном, ни на секунду, без того, чтобы не быть ввергнутым в мир химер.» – Введение к работе Макарио «О сне, сновидениях и сомнамбулизме» д-ра Цериза, стр. XVII. – прим. автора.

зился к его кровати, произнёс вполголоса несколько армейских команд: На плечо! Готовсь! и т.п., и тихонько его разбудил.

– Ну, что, – спросил я его, – на этот раз тебе тоже ничего не снилось?

– Ничего, совершенно ничего, насколько я помню.

– Поищи в своей голове получше.

– Я ищу хорошо и ничего там не нахожу, кроме периода полного небытия.

– Ты точно уверен, – спросил я его тогда, – что ты не видел ни солдата ...

На этом слове он оборвал меня, как поражённый внезапным воспоминанием. «Точно! Точно! – сказал он мне, – да, теперь я вспомнил; мне снилось, что я присутствовал на построении. Но как ты узнал об этом?»

¶ Я испросил у него разрешения сохранить мой секрет до следующего опыта. На этот раз я прошептал возле него термины из конного спорта, и, разбудив его, между нами состоялся почти такой же разговор, как и в первом случае. Сначала у него в уме не возникало ни малейшего понятия о возможном сновидении, затем, после моей подсказки, он вспомнил некоторые картины, связанные с прошептанной мною словами, и, встав на путь воспоминания, он вспомнил подробности предшествующего сновидения, ход которого был нарушен моим вмешательством.

¶ Спустя немного времени после этого второго опыта, я провёл ещё третий, с не меньшим успехом. Но вместо того, чтобы использовать слова, в качестве средства воздействия на сновидение моего попутчика, я воспользовался бубенцами, шум которых вызвал идею поездки в почто-

вой карете по избитой дороге⁸⁶.

Эти и множество других подобных фактов не оставили у меня сомнений, что первый сон других людей ни в чём не отличается от моего. Продолжим же излагать то, что позволили мне установить мои исследования моего собственного сна относительно того перехода между мыслями ещё не спящего и только что уснувшего человека.

Согласно одному широко распространённому мнению, достаточно при засыпании вращать в голове какую-нибудь мысль, чтобы она оказала прямое влияние на последующие сновидения. Но чаще всего, установление подобного факта явилось бы всего лишь доказательством того, что человек сохранил память о сновидении первого сна, ибо одной из черт сновидения является чрезвычайная изменчивость идей, и стихийная последовательность идей, которыми занят ум в момент засыпания, очень быстро заведёт человека далеко от исходной точки.

Извлекая из своего журнала несколько фрагментов, записанных в разные периоды, сразу же после наблюдения:

«Только что, молниеносно, я вырвался из первого сна, и вспомнив о своих исследованиях, я счёл нужным записать то, что только что пережил. Сначала была какая-то заторможенность, и я думал самым спутанным образом о людях, которые обедали сегодня с нами, и о красивой фигуре мадам де С... Её лицо не представлялось мне чётким вначале; затем я его увидел лучше, далее, не понимая как такое произошло, но это была уже не она, а её кузина, ма-

---

⁸⁶ По ходу заметим, как физиологический факт другого порядка, что после этого трижды повторенного опыта, мой попутчик, который никогда раньше не помнил своих сновидений, впоследствии стал внезапно вспоминать многие. — прим. автора.

дам Л..., которая сидела за вышиванием. То, над чем она работала, представляло собой великолепный венок из цветов и фруктов, которые я видел в совершенстве, также как и все детали комнаты и платья мадам С..., как вдруг в моём уме возникла идея, что я вижу сон, и что я только что заснул; усилием воли я стряхнул с себя сон и, взяв свой карандаш, тут же всё это записал, как свидетельство того, каким образом начинается сновидение. Мне ясно представляется, что между идеями, которые вращались в моей голове при засыпании и теми последними такими отчётливыми и такими совершенными образами, что не было сомнений в том, что это настоящее сновидение, не было пробела. Превращение мадам де С... в её кухню было единственным, что я не могу удовлетворительно объяснить.»⁸⁷

Несколько месяцев спустя:

«Сегодня, я очень доволен тем, что мне достоверно удалось охватить моё сновидение целиком, с последней мысли, пока я ещё бодрствовал до идеи, которой я был занят в момент начала сновидения, и это без единой потери всего того, что я последовательно видел, слышал или совершал. Вот что происходило: Ещё бодрствуя, но вплотную приблизившись к засыпанию, я спутано думал о визите, который нам предстоит нанести завтра в замок д'Орс... и большая аллея с каштановыми деревьями, по которой нам надо будет проходить, всплыла в моей памяти. Сначала я увидел её как в тумане. Но затем я ясно стал различать деревья с их ярко-зелёной и зубчатой листвой. Только это уже не была аллея каштанов д'Орс..., но, как я думаю, аллея Туилери или Люксембурга. По ней гуляло много лю-

---

⁸⁷ Я привёл эту выдержку такой, какой она была изложена в момент её написания. Сегодня я не нахожу ничего удивительного в том, что естественные ассоциации идей заставили меня перейти от образа мадам де С... к образу её кухни. – прим. автора.

дей. Я встретил там г-на Р... с Алексеем Б... и я завёл с ними беседу. Тем временем, садовники пытались выкорчевать большое сухое дерево. Они кричали нам, чтобы мы отошли, потому что дерево может упасть в нашу сторону. Тут же, не успев сделать и шага, я увидел, как дерево придавило моих товарищей, и возникшая от этого эмоция разбудила меня.

На этот раз я был совершенно уверен, что понял, как человек засыпает и как начинается сновидение.»

Продолжу приводить примеры из моих тетрадей:

«Я закрыл глаза, чтобы уснуть, думая при этом о некоторых вещах, виденных мною этим вечером в одном из магазинов по улице Риволи; в моей памяти всплыли арки той улицы, и я мельком видел, как вдали вырисовываются и повторяются освещённые арки. Вскоре это уже был змей, покрытый блестящими чешуйками, который извивался перед глазами моего ума. Множество нечётких образов служили ему в качестве обстановки. Картины исчезали и видоизменялись очень быстро. Этот длинный огненный змей принял вид длинной запыленной дороги, выжженной летним солнцем. Тут же я оказался на этой дороге, и ожили воспоминания об Испании. Я беседовал с каким-то погонщиком мулов с пончо на плечах; я слышал, как звенели колокольчики на его мулах; он рассказывал мне какую-то историю. Пейзаж соответствовал главному сюжету; с этого момента переход от бодрствования ко сну полностью завершился. Я был во власти иллюзий осознанного сновидения⁸⁸. Я предложил погонщику мулов нож, который ему видимо понравился, взамен очень красивого старинного

---

⁸⁸ Здесь и далее автор использует термин *rêve lucide*, который в современном французском языке используется для обозначения осознанного сновидения, подобно английскому *lucid dream*. – прим. И.Х.

медальона, что он мне показывал. В этот момент я внезапно был выдернут из своего сна внешней причиной. Я спал примерно десять минут, согласно показаниям человека, который разбудил меня.»

Следующее сновидение: «Я был слишком уставшим, проведя предшествующую ночь в дороге. Предвидя, что я быстро усну, я попросил одного моего друга сесть возле моей кровати и разбудить меня через пять—шесть минут, после того, как я крепко засну. Всё произошло, как я и желал. Он разбудил меня в момент, когда мне снилось, что я пытаюсь помешать одной собаке сожрать раненую птицу; сновидение было вполне сформировавшимся, и я сохранил о нём чёткое впечатление по пробуждении. Сразу же я погружился в воспоминания, и восстановил весь ход событий: Среди первых появившихся силуэтов, я разглядел нечто, похожее на пучок поднимающихся стрел, которые затем раскрылись и образовали одну из тех длинных корзин, в которых в банях разогревают бельё. Появились белые полотенца за ветвями ивы [корзины плетут из ивовых прутьев]. Вскоре веточки ивы стали утончаться, изгибаться, вращаться, наконец, превращаться в зелёный куст, посреди которого взмыло раскидистое дерево. С другой стороны куста появилась белая собака (явная метаморфоза полотенца), которая пыталась пробраться сквозь куст, тогда как у моих ног на траве порхала раненая птица [подстреленная стрелой]. Когда собака пробралась сквозь густые кустарники, я стал её отгонять ударами палки, и в этот момент меня разбудили. Состояние сновидения полностью определилось уже спустя несколько мгновений.»

В этих четырёх примерах, переход от состояния бодрствования к состоянию сновидения осуществлялся посредством зрительных воспоминаний, которые постепенно принимали характер живой и цветной реальности. В другой раз переход осуществился через звуковые воспомина-

ния. Мне снились некоторые спорные мнения, когда возражают сами себе и это возражение вставляют в уста воображаемого человека, какого-нибудь знакомого. Этот знакомый появляется и вот начинается разговор с собеседником, который таким образом образует первый, ясно выделенный образ, первый элемент настоящего сновидения. Я записал шестнадцать наблюдений такого рода. Приведу один, который мне кажется ясным и определяющим:

«Вот как я заснул вчера вечером; этим утром я это совершенно отчётливо вспомнил. Тогда, когда я был в процессе засыпания, когда сон ещё не настал, но уже не было бодрствования, в моём уме всплыла идея о множественности миров; труд Фонтенеля⁸⁹ на эту тему был прочитан мною тем днём, я вспомнил несколько возражений, которые у меня возникли; я их приписал, не знаю почему, какому-то человеку в чёрном плаще и парике, и я долго дискутировал с ним. Я полагаю, что моё сновидение собственно и началось с этой воображаемой дискуссии, ибо я точно помню, что я ещё не спал, и что у меня не было ещё никаких видений, когда я прокручивал у себя в голове её первые элементы. Быть может, человек в парике был навеян мне портретом Фонтенеля, помещённым в книге, которую я читал. Этот человек, с которым я дискутировал, всегда вытаскивал из кармана какой-то инструмент крайне странной формы, и т.д. и т.п.» Далее следует пересказ сновидения, которое с этого момента было полностью сформировавшимся.

Итак, переход от бодрствования ко сну, от мышления бодрствующего человека к сновидению человека спящего может осуществляться постепенно без какого бы то

---

⁸⁹ Фонтенель Бернар Ле Бовье – французский писатель, учёный-популяризатор. В книге «Беседы о множественности миров» (1686) популярно изложил астрономию, систему Коперника. – прим. И.Х.

ни было разрыва в цепочке идей, без наличия между этими двумя состояниями какого-то особого состояния ума. Глаза тела закрываются реальному миру, только чтобы позволить глазам ума открыться миру фантазий и воспоминаний.

И уже сделал замечание, что в те минуты бессонницы, когда уже долго ждут сна, одним из самых верных признаков того, что он приближается, есть видение, каким бы мимолётным оно ни было, какого-нибудь отчётливого и цветного образа среди неопределённых теней, которые сопровождают идеи полуспящего человека. Добавлю, что более чем двадцать опытов доказали мне, что интенсивность в живости образов всегда связана с глубиной сна, в том смысле, что чем глубже сон, тем более живы образы, и наоборот.

Наблюдения, которые подвели меня к этому заключению, полностью противоположному взглядам стольких писателей, не все одинаковой природы; не все они относятся к сновидениям только первого сна; но, пользуясь свободой, которую я оставляю за собой, перескакивать иногда с одной темы на другую, когда меня к тому понуждает какая-нибудь ассоциация идей, думаю, здесь можно сделать отступление.

Во-первых, часто заставляя себя пробуждаться в различные часы ночи и оценивая глубину своего сна по той трудности, которую я испытывал с пробуждением, я постоянно наблюдал, что чем живее было моё сновидение, тем большей была эта трудность. Когда, простым усилием воли мне удавалось проснуться (из сновидения, в котором я сохранял чувство [=осознание] своего настоящего положения), я всегда замечал, что для того, чтобы стряхнуть с себя вполне осознанное сновидение, требуется гораздо большее усилие, чем чтобы прогнать несвязные видения,

бледные и неопределённые картины.

¶ Те, кто пытаются объяснять все явления сновидений соображениями физического порядка, скажут вам, что относительная интенсивность сна зависит исключительно от состояния органов. Я же скажу, что в сновидениях, как и в жизни, происходит постоянное воздействие, как телесного на душевное, так и душевного на телесное. Если онемение тела, под влиянием чисто физических причин, приводит к той изоляции⁹⁰ ума, которая составляет сновидение, то ум, в свою очередь, действует на материю и увеличивает или уменьшает онемелость тела.

¶ В момент засыпания сильно сосредоточьте свою мысль на каком-нибудь воспоминании; зафиксируйте силуэт одной из тех галлюцинаций первого сна, которые называют гипногическими, если вы из числа тех людей, кто не испытывает недостатка в таких видениях. Это сосредоточение, эта изоляция вашего ума сразу же приведёт к постепенному усилению чёткости зарождающихся образов, которые уже составляют ваше сновидение.

¶ Наоборот, попросите, чтобы вас постепенно разбудили, когда вы будете крепко спать, и чтобы тем самым постепенно рассеяли ваш сон. Соберите сразу же ваши воспоминания, и вы узнаете, что ваши видения значительно теряют свою чёткость в течение последних моментов потревоженного сна.

¶ Не стану учить вас тому, какую роль играют мозговые фибры⁹¹ в этих последовательных реакциях. Я лишь повторю, что точно так же, как онемение тела приводит ум

---

⁹⁰ Здесь и далее речь идёт об изоляции ума от внешнего мира. – прим. И.Х.

⁹¹ Букв. жилы, волокна или нити, так тогда называли нервы. – прим. И.Х.

к изоляции, так же и изоляция ума вызывает онемение тела, и, не боясь посягнуть здесь на следующую главу, которая специально посвящена исследованию *внимания* в сновидении, я приведу в поддержку этого взгляда один опыт из наиболее убедительных, который каждый сможет повторить, как только соответствующая практика выработает у него привычку иногда наблюдать себя во время сновидения⁹². Предположим, что вам снится, что вы в саду; вы сознаёте ваше сновидение, и вы восхищаетесь тем, с какой чёткостью и с какой живостью цветов магическое зеркало вашей памяти воспроизводит эти деревья, эти цветы, эти растения, которые, как вам кажется, окружают вас. Если ничего не нарушает чистоту этих иллюзий, то сновидение продолжается, изменяясь согласно ассоциациям идей, и деревья исчезают, чтобы уступить место каким-нибудь другим картинам, не менее чётким; но если вы видите, как образы этих деревьев, этих растений, этих цветов, только что такие отчётливые, бледнеют и сливаются перед глазами вашего ума, то можете быть уверены, что ваш сон рассеивается. Если вы не будете вмешиваться, то спустя несколько мгновений вы полностью проснётесь.

Возможно, вы предпочитаете повернуть события в противоположную сторону? Постарайтесь тогда сохранить (в сновидении) полную неподвижность⁹³, и сильно сосре-

---

⁹² Из четырнадцати человек, с которыми я общался по поводу возможности наблюдать себя во время сновидения, и которые захотели последовать моим советам, двое сразу же заявили мне, что им иногда уже удавалось наблюдать за собой в сновидении, в момент сновидения; девятеро очень быстро добились такого же результата; двоим пришлось проявить немного упорства в своих попытках, чтобы они смогли прийти к каким-либо серьёзным результатам; и лишь один заявил мне, что не смог добиться успеха. – прим. автора.

⁹³ Когда сон полноценный, действие воли на мышцы полностью упразднено [Это противоречит другим данным автора, а именно, что раз-

доточьте ваше внимание на одном из тех объектов, чей образ ещё не исчез [который наиболее чёткий], лист дерева, например. Этот образ мало-помалу вернёт всю утраченную чёткость, вы увидите, как постепенно возрождается живость очертаний и цветов, как если бы речь шала об изображении в чёрной камере [фотоаппарате], по мере того, как вы настраиваете *фокус*. Когда вы снова сможете ясно различать малейшие детали, вы сможете прекратить это кратковременное созерцание и снова пройти глазами вашего ума по окружающим вас иллюзиям. Сновидение возобновит свой ход; грозившее просыпание будет предотвращено. Вы остановите процесс *разоумения* [повышения мышечного тонуса] органов, которое началось под влиянием какой-либо внешней или внутренней причины, и сон вернёт себе свою былую силу.

Таким образом, составляющие сновидение образы являются тем живее, чем глубже сон. Переход от бодрствования ко сну характеризуется, таким образом, постепенным увеличением чёткости образов, тогда как возвращение от сна к бодрствованию⁹⁴ (в случае постепенного пробуждения) – постепенным уменьшением этой самой ясности.

будив разговаривающего во сне человека, этот человек всегда вспоминал снившееся ему сновидение. И автор заключает, что в состоянии сомнамбулизма, сомнамбул находится во власти самых сильных сновидений.]. Вы можете управлять в сновидении всеми своими движениями, не опасаясь за то, что ваши руки или ноги подвергнутся какому-либо влиянию. Но как только сон нарушается, эта ситуация меняется. Какой бы слабой ни была воля, она распространяет своё действие на мышцы, и каждое движение, совершаемое в сновидении, постепенно ослабляет онемение [повышает мышечный тонус] тела. Так что неподвижность, которую сновидец постарается сохранить, не будет чисто воображаемой. Наоборот, она будет сильно благоприятствовать сну [понижая мышечный тонус]. – прим. автора.

⁹⁴ В оригинале явная опечатка – «от бодрствования ко сну». – прим. И.Х.

Именно это вполне естественно объясняет нам одну закономерность, о которой почти все авторы, в лучшем случае, лишь упоминают, не останавливая на ней своего внимания, а именно, что самые ясные сновидения являются также и самыми связными. Они являются самыми связными поскольку, бывая во время самого глубокого сна, они гораздо меньше, чем сновидения поверхностного сна, подвержены тем тысячам мелких искажающих причин, которые являются результатом впечатлений, производимых на наши органы чувств реальным миром, когда не все связи между ним и нашим умом разорваны.

Устройте так, чтобы вы проснулись через два часа после засыпания; вспомните сновидения, какими тогда было занято ваше мышление; сравните их с теми, о которых вы сохраняете воспоминания утром по пробуждении, и вы будете удивлены этой практической истиной.

«Физиологи, – говорит г-н Лемуан в связи с сомнамбулизмом, – заметили, что тогда как обычные сновидения порождаются главным образом в последние часы сна, приступы сомнамбулизма, наоборот, возникают почти сразу же после засыпания.» (стр. 280)

Это замечание физиологов кажется мне совершенно милой наивностью. Они только забыли нам сказать, почему их замечаниям мы должны доверять больше, чем сами они доверяют заявлениям сомнамбулов, которые также вспоминают лишь эти утренние сновидения. Разве не предпочтительнее думать, что приступ сомнамбулизма имеет место именно в то время, когда сновидения имеют наибольшую силу? Отсюда двойное следствие: что самые живые сновидения имеют место в первые часы сна, который является самым глубоким, и что чем глубже сон, тем труднее его вспомнить.

Итак. В какое бы время своего сна я ни просыпался

или меня бы ни будили, я всегда чувствовал, что у меня было сновидение.

Огромное число раз, мне удавалось найти все нити, по которым следовали ассоциации моих идей в течение периода пяти – десяти минут, начиная с момента моего засыпания и заканчивая моим выходом из уже сформировавшегося сновидения, т.е. начиная с абсолютно бодрствующего состояния и заканчивая состоянием полноценного сна. И многие мои друзья, побуждаемые мною к проведению таких же опытов, заверяли меня, что добились таких же результатов.

Когда же меня будили после более чем пятнадцатиминутного сна, то мне никогда не удавалось достоверно восстановить ход своих видений до гипногического периода, который должен был служить отправной точкой. Добавлю, что часто имея возможность будить одну особу, которая разговаривает во сне (тем самым она сама своими разговорами давала мне точку восстановления её сновидений), я постоянно убеждался, расспрашивая её сразу же на предмет сновидения, что её воспоминания почти никогда не превосходили пяти–шести минутный интервал.⁹⁵

Столь короткого времени, однако, достаточно, чтобы оставить в нашем уме впечатления, которые, кажется, соответствуют целому дню, ибо, как мы уже сказали, мы судим о протекшем времени по количеству и качеству следующих друг за другом событий. Я как-то читал историю

---

⁹⁵ Т.е. проговорив во сне минут, скажем, десять, автор, запомнив её слова, будил её и расспрашивал о снувшемся. При этом он сопоставлял её пересказ сновидения с произнесёнными ею во сне словами и убеждался, что её сновидение соответствует словам, произнесённым только в последние пять минут, и никаких воспоминаний, которые соответствовали бы словам, произнесённым в первые пять минут, у неё не было. – прим. И.Х.

одного любителя гашиша, который в одну ночь душевного перевозбуждения прожил сто лет, и хотя я сомневаюсь в том, мог ли он сохранить все воспоминания столь длинного приключения по пробуждении, я вполне допускаю, что он мог увидеть за двенадцать часов больше событий, чем могла бы вместить жизнь в сто лет. Я также считаю, что и при естественном здоровом сне, каждый из нас мог бы найти в своих сновидениях одной ночи столько событий, сколько могло бы вместиться в целый год нашего существования, если бы нам удалось утром вспомнить всё то, что нам наснилось за ночь; иначе как объяснить, что ни один из нас не может даже после получасового сновидения вспомнить все те мысли, которые прошли через наш ум? А насколько ещё труднее проследить за идеями, которые тем мимолётнее, чем фантастичнее?

Не имея возможности привести в этой книге большее число наблюдений, которые я провёл над собой или собрал, я предвижу, что не всех их сочтут достаточно убедительными; но я призываю всех тех, кого интересует этот предмет, не лениться, и приступить к личным опытам, и я убеждён, что очень скоро они придут к согласию со мной по следующим пунктам:

1. Теория сна без сновидений – это теория, основанная на неопытности. Чрезвычайная трудность, которую испытывают в связи с воспоминанием длинной череды сновидений, приводит к заблуждению тех, которые, вспоминая лишь свои последние сновидения, считают себя вправе утверждать, что первый сон лишён сновидений.

2. Переход от бодрствования к сновидению осуществляется постепенно, без остановки мышления.

3. Самым глубоким сном следует считать именно тот сон, во время которого видят самые ясные и самые живые сновидения.

ГЛАВА 2

НАБЛЮДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО НИ ВНИМАНИЕ, НИ ВОЛЯ НЕ ОБЯЗАНЫ ОТКЛЮЧАТЬСЯ ВО ВРЕМЯ СНА.

Первые условия, необходимые для управления сновидениями. – Как воля может отклонить мучительные сновидения и вызвать приятные. – Примеры действия воли и внимания в сновидении. – Воля под видом желания. – Управляющая воля. – Внимание и воля. – Способ резкого изменения хода сновидения, и вызывание определённых образов по воле. – Что происходит, когда в сновидении человек создаёт такую ситуацию, в которой он никогда не оказывался в реальности. – При каких условиях в сновидении оказывается трудно и даже мучительно удерживать внимание. – Как должна действовать воля, чтобы немедленно проснуться, когда человек понимает, что оказался игрушкой мучительного сновидения, и что он твёрдо хочет выйти?

Те, кто не желают видеть в сновидениях ничего другого, кроме последовательности механически воспроизводимых впечатлений, над характером и ходом которых у нас нет никакой власти, в которых мы являемся не более чем простыми зрителями, которым показывают картины; они, вполне естественно, без колебания заявят о несовместимости с самой сущностью сновидения каких бы то ни было усилий внимания или воли. Для меня же, кто понимает, что своими лучшими наблюдениями обязан сохранению во время сна своих этих двух объединённых способностей; то я считаю необходимым, прежде всего, хорошенько убедить читателя, что он может и должен использовать такую власть над собой в сновидении. Мы здесь касаемся, быть

может, самого интересного применения поистине новых предложений, проверка которых доступна опыту каждого. В самом деле, именно от совместного действия внимания и воли во время сновидений мы собираемся потребовать первые способы управлять ими, и изменять их ход на наше усмотрение.

Иапомним же некоторые уже изложенные соображения, но которые очень важно здесь вспомнить.

В состоянии бодрствования вы всегда в силах остановить на мгновение вашу мысль на каком-либо предмете, которого нет у вас перед глазами; что же касается результата этого акта внимания и воли, то он не выходит за пределы чистого и простого умозрения, и только галлюцинирующие и экстаичные имеют привилегию воспринимать, в состоянии полного бодрствования, предметы, которыми занят их ум.

Ио если бы такая же способность произвольного обращения нашей мысли на заданный предмет принадлежала бы нам и в сновидении, и мы бы ею воспользовались, то что бы произошло? А вот что: поскольку сновидение является представлением глазам вашего ума того, чем занято ваше мышление, как мы о том неоднократно говорили, то вы тотчас же увидели бы зрительный образ того, о чём вы произвольно подумали, что означает, что вам это присниться; другими словами, вы будете видеть во сне то, что захотите.

Эти принципы, я думаю, совершенно ясны. Итак, при условии, что действия воли и внимания имели бы место в сновидениях; при условии, что в сновидении было бы возможно управлять мышлением; тогда разве мы не доказали бы, что возможно управлять своими сновидениями по желанию?

Предположим, мне снится, что мой отец болен, и что меня вызывают к нему; я пытаюсь прочесть на лице посыльного правду, которую, я боюсь, от меня скрывают. – Итак, скажут ли мне, что эта моя попытка происходит без внимания? – Затем я сажусь в повозку, по дороге происходит много событий, случайно возникших благодаря различным ассоциациям идей; но сама идея поездки, разве она не принадлежит моей воле?

«В другом сновидении, когда мне снилось, как одним прекрасным днём я катаюсь верхом на лошади, мне на память пришло осознание моего настоящего положения, равно как и вопрос о том, принадлежит мне или нет (сейчас, в сновидении) свободная воля [свобода выбора] моих воображаемых действий. Итак, – сказал я себе, – этот конь всего лишь иллюзия, эта деревня, через которую я проезжаю – декорации; но если это и не моя воля вызвала эти образы, то, по крайней мере, мне кажется, что у меня есть над ними определённая власть. Я хочу пуститься вскачь – и вот я скачу; я хочу остановиться – и вот я останавливаюсь. Вот передо мною распутье двух дорог. Та, что справа – уходит в густой лес; та, что слева – ведёт к какому-то разрушенному замку. Я отчётливо чувствую, что я волен повернуть направо или налево, и, как следствие, сам решить, хочу ли я породить ассоциации мыслеобразов, связанных с этими развалинами или с тем лесом. Сначала я поворачиваю направо, затем возникает мысль, что было бы лучше, с позиции интереса моих переживаний, направить такое осознанное сновидение [rêve lucide] в сторону крепостных башен, поскольку, если я поищу в своей памяти главные детали этой архитектуры, мне быть может удастся, по пробуждении, выяснить происхождение этих воспоминаний. Итак, я сворачиваю на левую тропинку, слезаю с коня перед входом на великолепный подъемный мост, и, в течение тех нескольких минут пока я продолжал спать, я

крайне внимательно исследую массу деталей, больших и маленьких – стрельчатые своды, вырезные камни, наполовину поржавевшие цепи, трещины и выбоины в стене – восхищаясь той точности, с которой всё это нарисовалось перед глазами моего ума. Однако вскоре, как раз когда я рассматривал огромный замок на старой обветшалой двери, вдруг, видимые предметы потеряли все свои краски и чёткость своих контуров, как фигуры диорамы⁹⁶, когда удаляют источник света. Я почувствовал, что просыпаюсь. Я открыл глаза реальному миру, свет моей ночной лампы был единственным, который меня освещал. Было три часа утра.»

В этом сновидении действия воли и внимания, как мне кажется, были объединены. Я считаю себя вправе утверждать, что я обладал своей свободной волей в такой же мере, как я ею обладаю в своей реальной жизни, чтобы сделать настоящий выбор между двумя дорогами, представшими передо мною. Я выбрал левую, в конце которой виднелся воображаемый замок. Ассоциация идей предоставила мне, в этом *избранном мной* пути, такие же точные и такие же разнообразные образы, какие мне предоставляет реальность. Я оставил своей памяти хлопоты по созданию таких же непредвиденных происшествий по дороге, чья непредвиденность в реальной жизни принадлежит случаю; но образы возникали в порядке, который задавала им моя воля, и я управлял своим сновидением, так же как и бодрствующий сновидец из «Тысячи и одной ночи».

Для меня нет сомнения, что если бы я предпочёл выбрать правую дорогу – ту, что вела в лес – ассоциация идей

---

⁹⁶ Картина, написанная с обеих сторон просвечивающегося материала и специально освещённая для создания впечатления объёмности. – прим. И.Х.

и образов также уверенно извлекла бы из хранилищ моей памяти массу деталей, соответствующих этим совсем другим картинам, к которым я бы направил движение своих мыслей. Вместо моста, крепостных башен и вековых стен, я увидел бы деревья самого разного вида, тропинки, быть может, какие-нибудь сцены охоты или разбойников.

Конечно, моя воля как прямая причина, не имела бы никакого отношения к этим вышедшим на сцену деталям, заботу о которых взяла на себя моя память; но если мы желаем довести логический анализ до конца, то не сможем ли мы найти, среди законов, которые управляют нашими осознанными сновидениями и законов, которым подчинена наша реальная жизнь, одну ту общую черту, которая так часто встречается в этом мире, а именно, события нашей жизни разделяются на две части: одна – подчинена нашей произвольной инициативе, другая – полностью находится вне нас. Бодрствующий, свободный настолько, насколько таковым может быть человек, я выхожу из дома и выбираю, как мне вздумается, дорогу, которая приведёт меня на Елисейские Поля, или же другую, которая ведёт в Люксембург; но происшествия, которые будут возникать передо мною на моём пути, приятные или досадные встречи, которые могут со мною случиться, – всё это, очевидно, мне не принадлежит. И точно так же, всецело находясь во власти иллюзий осознанного сновидения, я волен избрать определённое направление движения мыслеобразов, которые создают основу сновидения; но стихийные ассоциации, неожиданные воспоминания – вот дорожные происшествия. Из того что задействие воли в некоторых сновидениях кажется мне очевидным, не следует думать, что я утверждаю, что она проявляется в них постоянно. Кроме столь многочисленных сновидений, вызванных внешними или внутренними физическими ощущениями, и кроме тех не менее частых, в которых ум отпускает, так сказать, во-

жжи; есть много других, в которых ассоциация определённых идей приобретает столь энергичный стихийный характер, что сама воля не в состоянии её остановить. Вот что имеет место, когда вызванные образы имеют природу возбуждать сильные эмоции. Страх что-либо увидеть обычно оказывается достаточно, чтобы вызвать немедленное появление соответствующего образа, по той простой причине, что в сновидении, чем ум занят, то они и видит; этот факт мы уже упоминали; но разве не то же происходит с нами и в состоянии бодрствования, когда мы тщетно пытаемся избавиться от некоторых навязчивых мыслей, которыми мы одержимы?

И, с другой стороны, сколько есть сновидений, в которых нам снится, как мы принимаем какое-нибудь твёрдое решение, в которых мы выносим суждение, в которых мы приказываем, и это тотчас же исполняется на наших глазах! Например, мне снится, что в моём доме поймали вора, что его приводят ко мне, и что меня спрашивают, что с ним делать. Одно мгновение я колеблюсь; наконец я решаю, чтобы его отпустили. И вот я вижу, как этот человек убегает. Спрашивается, является ли эта картина результатом моей воли?

Если нам удастся твёрдо установить, что воля может сохранять в течение сна достаточно силы для того, чтобы направлять ум по миру иллюзий и воспоминаний (так же как она управляет телом днём в реальном мире), то нам будет легко убедиться, что привычка задействовать эту способность в купе со способностью часто обладать в сновидении сознанием своего настоящего состояния, мало по малу, приведёт того, кто будет совершать над собой регулярные усилия к самым убедительным результатам. Он не только признает действие своей рассудительной воли в управлении ясными [осознанными] и безмятежными сновидениями, но он вскоре почувствует влияние этой самой

воли и на сновидения бессвязные или страстные. Бессвязные сновидения под таким влиянием заметно улучшаться; что же до страстных сновидений, наполненных беспорядочными желаниями или мучительными мыслями, то результатом этого приобретённого сознания и этой свободы ума станет возможность устранить из них эти мучительные образы и, наоборот, благоприятствовать радостным иллюзиям. Страх иметь неприятные видения будет ослабевать по мере осознания его бессмысленности, а желание иметь приятные будет усиливаться по мере возрастания веры в свои силы; вскоре желание преодолеть страх, и поскольку образы сновидения вызываются доминирующей идеей, то сновидение примет приятный характер. Таков, по крайней мер, способ, которым я объясняю себе, теоретически, явление, которое я многократно испытал на опыте.

Эти факты приводят к столь замечательным следствиям, что я не смог устоять перед соблазном не увеличить число примеров, подтверждающих или проясняющих их. Так что я продолжу цитировать свой дневник:

Воля и внимание.

«Мне снилось, что я нахожусь на садовой аллее. Я чувствовал [=осознавал], что вижу сон; я думал о различных вопросах, которым я хотел бы найти решение. Перед глазами моего ума была ветка цветущей сирени. Я рассматривал её с неподдельным *вниманием*. Я вспомнил, как читал, что воспоминания запаха редко бывают подлинными в наших сновидениях; я схватил ветку, и сперва убедился, что запах сирени таки всплыл в моей памяти благодаря ассоциации взаимозависимых впечатлений, которые вызвало это воображаемое, но *волевое* действие. Теперь, видение этой нетронутой, продолговатой, прикреплённой к кусту, одним словом, таковой как я её воспринимал, грозди

цветков сирени, – является ли оно стереотипным образом, точным воспроизведением какого-нибудь образа из памяти, запечатлённого в фибрах моего мозга, как говорят материалисты? Если бы это было так, то моё воображение и моя воля были бы бессильны его изменить. Размышляя таким образом, я отломал ветку и стал обрывать грозди цветков сирени, при этом, после каждой оторванной грозди, я смотрел на внешний вид этого постепенно уменьшавшегося букета, который был всегда чёткими и по-настоящему совпадал бы с таковым, какой и должен был бы быть, если бы я это делал в реальности. Когда от букета сирени уже почти ничего не осталось, я ещё раз спросил себя, действительно ли я проделал своё дело иллюзорного уничтожения, или же я ограничился этой последней модификацией первичного образа. Осмелюсь утверждать, что это вполне зависело от волевого [свободного] решения, которое я принял. На этом я проснулся.»

Воля под видом желания.

«**Я** находился на безлюдной улице. Я увидел женщину, на которую напали двое убийц в масках. Мне нечем было её защитить. Я подумал о длинном ятагане, который украшает стену моего рабочего кабинета. Вот бы мне его сейчас! Едва во мне возникло это пожелание, как я оказался вооружённым этой страшной саблей, которой я с большим успехом воспользовался. Итак, именно благодаря тому, что моя мысль сильно задержалась на этом предмете, его образ проявился тотчас же, и это произошло так естественно, что я заметил произошедшее в моём уме, только после пробуждения.»

«**Мне** снилось, что я нахожусь в просторной комнате и очень богато убранной в восточном стиле. Напротив дивана, на котором я сидел, находилась большая дверь [двер-

ной проём] занавешенная шторами из вышитого шёлка. Я подумал, что за этими шторами меня ждёт какой-нибудь сюрприз, и что было бы мило их приподнять, и увидеть там красивых наложниц. – Сразу же шторы раздвинулись, и предо мною предстало желанное видение.»

Направляемая воля.

«Мне снилось, что я открыл великие магические секреты, с помощью которых я смогу вызывать тени мёртвых, а также превращать людей и предметы во что мне вздумается. Сперва я заставил возникнуть предо мною двух человек, которые прекратили своё существование много лет назад, и чьи подлинные образы, тем не менее, предстали предо мною с совершенной ясностью. Я пожелал увидеть одного отсутствующего друга; и сразу же я увидел его лежащим и спящим на диване. Я превратил фарфоровую вазу в сифон из горного хрусталя, в котором я решил найти прохладительный напиток, который тотчас же полился из золотого краника. Много лет назад я потерял кольцо, о котором весьма скорбел. Воспоминание о нём всплыло в моём уме. Я пожелал его найти; я выразил это желание, сосредотачивая свой взгляд на маленьком угольке, который я вытащил из очага [в камине], и вот кольцо в моих пальцах. Сновидение продолжалось таким образом до момента, когда одно из видений, вызванных мной очаровало меня и пленило меня настолько, что я забыл о своей роли волшебника, и был вовлечён в новую серию ещё более реалистичных иллюзий. По пробуждении, я был поражён той идеей, что одна моя воля успешно вызвала все эти образы. Верно, я не чувствовал себя игрушкой сновидения; но я и не сновидел в точности так, как я желал.»

Внимание и воля.

То, что я собираюсь представить ниже, снится, я полагаю, большому числу людей. По крайней мере, многие из моих друзей, и в особенности самые знаменитые из наших карикатуристов, рассказывали мне сновидения почти тождественные тем, которые были у меня.

«**Я** не осознавал, что вижу сон и мне снилось, что меня преследуют ужасные чудовища. Я бежал через нескончаемую череду комнат, всегда с трудом открывая разделяющие их двери, и лишь закрыв за собой очередную дверь, я тут же слышал, как она вновь открывается этими уродливыми тварями, которые пытались меня нагнать, издавая при этом ужасные вопли. Мне казалось, что я был быстрее; внезапно я проснулся, задыхаясь и обливаясь потом.

Каковым было происхождение и отправная точка этого сновидения – я не знаю; вероятно, в первый раз его породила какая-то патологическая причина, но в последствии, несколько раз на протяжении шести недель, оно очевидно возникало из-за оказанного им на меня первого впечатления, и из-за инстинктивного страха снова его увидеть. Если мне случалось, в сновидении, оказаться одному в каком-либо замкнутом помещении, то тут же оживало воспоминание об этом отвратительном сновидении; я бросал взгляд на дверь, возникала мысль о тех чудовищах, увидеть которых я боялся, но именно это и приводило к их внезапному появлению, и возобновлялось то же самое зрелище и те же самые страхи. По пробуждении, я был настолько удручён тем, что по какой-то странной фатальности, то осознание своего состояния, которое уже приходило ко мне так часто во время моих сновидений, всегда изменяло мне, когда случалось именно это сновидение. Однако, одной ночью, на своём четвёртом возвращении, в

момент, когда мои преследователи только начали свою погоню, в моём уме вдруг пробудилось чувство [=осознание] истинности [происходящего]; желание разрушить эти иллюзии придало мне силу подавить свой инстинктивный страх. Вместо того чтобы убегать, я, очень характерным для таких обстоятельств усилием воли, повернулся спиной к стене и принял решение с пристальным вниманием рассмотреть этих призраков, которые как раз должны были попасть в моё поле зрения. Первое душевное волнение, признаться, было настолько сильным, что даже настроившийся ум едва устоял перед устрашающей иллюзией. Я остановил свой взгляд на главном нападающем, который был очень похож на одного из тех взъерошенных и оскаленных демонов, вырезбленных на папертях соборов; но любознательность уже взяла верх над всеми остальными эмоциями, я наблюдал следующее: чудовище остановилось в нескольких шагах от меня, оно пыхтело и прыгало, и как только я перестал бояться, эти движения стали шутовскими. Я заметил когти на одной из его рук или, лучше сказать, лап; их было семь, и они очень отчётливо просматривались. Волосы его бровей, рана, которую он, кажется, имел на плече, и масса других деталей представлялись с такой точностью, что позволяет поместить это видение среди самых осознанных. Было ли это воспоминанием какого-нибудь готического барельефа? – Не знаю, во всяком случае, моё воображение наделило его движением и окраской. Внимание, которое я сосредоточил на этом образе, как по волшебству, заставило исчезнуть его сообщников. Сам он вскоре, казалось, замедлил свои движения, потерял свою чёткость, принял какой-то дымчатый облик, и превратился, наконец, во что-то вроде плавающей оболочки, подобный тем выцветшим одеждам, которые служат вывесками в магазинах маскарадных костюмов во время карнавала. Затем последовали некоторые неинтересные кар-

тины, и затем я проснулся.»

Больше это сновидение не повторялось, по крайней мере самопроизвольно; но мне представился другой случай, быть может ещё более определяющий, касательно воздействия воли и внимания на ход наших сновидений. Одной ночью, когда я, в сновидении, чувствовал себя с полным осознанием своего настоящего состояния, и когда я, проходя, созерцал с достаточной степенью безразличия все фантазмагии, к тому же очень чёткие, моего сна, меня посетила идея воспользоваться своим положением, чтобы провести некоторые опыты по проверке силы, которой я обладал или нет по вызыванию определённых образов одним только намерением своей воли. В поисках объекта, на который я мог бы направить свою мысль с этой целью, мне вспомнились те ужасные привидения, которые когда-то так сильно впечатлили меня, из-за страха, который они внушали. Я попытался их вызвать, хорошенько их ища в своей памяти и жаждая их вновь увидеть настолько сильно, насколько это возможно. Эта первая попытка не имела никакого успеха. В этот момент передо мною разворачивалась красочная картина сельской местности, залитой солнечным светом, посреди которой я увидел жнецов и повозки, гружённые жатвой. Никакие призраки не явились на мой зов, и ассоциации мыслеобразов, которые образовывали моё сновидение, казалось, никак не хотели свернуть с такой мирной дороги, которой они естественно следовали. Тогда, продолжая сновидеть, я рассудил так: сновидение является как бы отражением реальной жизни, события, которые, как нам кажется, там совершаются, как правило, следуют, даже несмотря на свою бессвязность, определённым законам последовательности, согласующимися с обычной последовательностью любых настоящих событий. Я хочу сказать, например, что если мне снится, что у меня сломана рука, я буду полагать, что она у меня на повязке,

или что я осторожничаю с нею; если мне снится, что ставни какого-то помещения [в котором я нахожусь] закрыли, у меня естественно возникнет идея, что свет не проникает и что вокруг меня темно. Отталкиваясь от этих рассуждений, я подумал, что если я, в сновидении, закрою рукой глаза, я должен буду первым делом испытать то, что произошло бы со мною в реальности, в бодрственном состоянии, если бы я действовал так же; т.е. я заставлю исчезнуть образы объектов, которые, как мне казалось, были передо мною. И затем я спросил себя, а что если совершить такое прерывание предшествующих видений; тогда моё воображение больше не будет обременено существующими ассоциациями и легко сможет вызвать новые объекты, на которых я попытаюсь остановить свою мысль. Сказано – сделано. Накладывание в сновидении руки на свои глаза и в самом деле, привело к уничтожению видения сельской местности во время жатвы, которое я безуспешно пытался изменить одной лишь силой воображения. Одно мгновение я ничего не видел, точно так же как если бы это случилось со мною в реальной жизни. Затем я вновь энергично воззвал к памяти о знаменитом нашествии чудовищ, и, как по волшебству, это воспоминание, на этот раз, ставшее чёткой целью моих мыслей внезапно нарисовалось таким ясным, сверкающим и бурным, что я даже не осознал, пока не проснулся, как произошёл этот переход.

Это опытное подтверждение одного психологического факта, о котором я сам теоретически догадался, вызвало во мне такую радость и так сильно меня заинтересовало, что в течение последующих шести недель, шестнадцать раз осознавая своё состояние во время сновидения, я девять раз повторил этот опыт с воображаемым закрытием глаз, в сновидении, как средством внезапного изменения хода осознанного сновидения. С того времени, спустя уже более пятнадцати лет, я так часто пользовался этой проце-

дурой, либо для изменения неприятного сновидения в приятное, либо для того чтобы просто вызвать какой-нибудь образ по своему желанию, что я сейчас и не знаю сколько раз этот мой первый опыт подтверждался. Однако я упомяну следующие пропорции в результатах, полученных посредством сорока двух наблюдений. Двадцать три раза успех был полным, т.е. имелось полное и немедленное замещение желаемым образом того, который устранялся. Тринадцать раз результат можно было назвать смешанным: воображаемое действие по закрытию глаз приводило к исчезновению предшествующего видения, но последующее видение не соответствовало в точности моим чаяниям. Четыре раза стихийно возникали такие быстрые и такие неожиданные ассоциации идей, что в результате возникали картины совершенно чуждые тем, которые я первоначально желал. Один раз, видение, которое я хотел прогнать, оказалось перед моими глазами, когда я их открыл. И ещё один раз предпринятый опыт привёл к пробуждению.

Часто случается, что одно какое-нибудь наблюдение приводит к другому; такое же рассуждение, которое привело меня к результатам, о которых я только что поведал, а именно, рассуждение, в основе которого лежало то, что воображаемые события наших сновидений, каковыми бы бессвязными они ни были в своей совокупности, следуют, тем не менее, определённой логике, заимствованной у воспоминаний реальной жизни, это же рассуждение, говорю я, навело меня на мысль, что если бы я попал, в сновидении, в ситуацию, в которой я никогда не мог бы оказаться в реальности, то моя память окажется беспомощной в предоставлении *последовательного* образа или ощущения, так что, как бы воображение ни выкрутилось из этого тупика, резкий разрыв хода сновидения неизбежен. Выпрыгнуть из окна пятого этажа, прострелить себе мозги, или перерезать себе бритвой горло – вот, очевидно, события, которые я

никогда не переживал; вызвать их в сновидении, таким образом, – это подвергнуть свой ум любопытнейшему испытанию. Итак, я решил не упустить первую же возможность, что представится, т.е. первое же осознанное сновидение, в котором я вполне обладал бы чувством [=осознанием] своего положения. Я ждал почти месяц; пришлось проявить настойчивость. Наконец, одной ночью мне приснилось, что я гуляю по улице, все образы моего сновидения были чёткими и, тем не менее, я в совершенстве чувствовал [=осознавал], что я не бодрствую; вдруг я вспомнил о задуманном опыте, тотчас же я поднялся на верхний этаж одного дома, который мне показался очень высоким; я увидел открытое окно, и глубоко внизу – мостовую; какое-то мгновение я восхищался совершенством этой иллюзии сна, и, не ожидая пока она изменится, я бросился вниз, полный тревожного любопытства. Итак, вот что произошло, и в чём я не отдавал себе отчёта, пока не проснулся. Мгновенно потеряв память всего, что происходило раньше, я обнаружил себя на паперти какого-то собора в толпе каких-то зевак, которые теснились вокруг какого-то убитого человека. Вокруг меня говорили, что этот неизвестный сбросился с колокольни, и я видел, как труп уносят на носилках. – Вот как моя память и моё воображение выпутались из ловушки, которую я им приготовил. Вот как работала ассоциация мыслеобразов.

¶ Достаточно часто повторял этот опыт с прыжком, в сновидении, с высокого здания, или в пропасть или в глубокий колодец. Всегда происходил какой-либо переворот идей, более-менее аналогичный только что рассказанному. Один раз, когда я вот так спрыгнул в глубокий колодец, чтобы прервать неприятное сновидение, мне приснилось, что я окружён волшебниками и звездочётами, одетыми почти как Матье Лансберг в своих альманахах. Я очень хорошо вспомнил, по пробуждении, что идея *опускающегося*

в колодец звездочёта таки проскочила в уме, в самый момент моего падения. Этот переход предельно ясен. При других обстоятельствах, когда я кинулся с вершины прибрежной скалы, мне вдруг приснилось, что я был на воздушном шаре.

Что до тех вариантов, которые я хотел было испытать затем: перерезать себе бритвой горло, или пустить себе пулю в висок, то, должен признаться, я так никогда и не смог довести эти испытания до логичного конца. Однажды, когда мне случилось, в сновидении, держать в руке бритву, инстинктивный страх того, что я собирался сделать оказался сильнее моей рассудительной воли. Что касается пистолета, то сначала надо было, чтобы какое-нибудь видение предоставило его взору моего ума. В этом случае я, несомненно, осуществил бы запланированный эксперимент. Но необходимость искать это оружие, в своём сновидении, и подготовить его влекла за собой массу побочных идей, так что, подвергаясь влиянию этой образной подвижности, свойственной сновидениям, первоначальная идея постоянно отклонялась от своего курса прежде, чем воплотиться в действие. Так в момент взятия своих пистолетов, например, моё внимание остановилось на маленькой связке ключей, среди которых находился ключ от шкапулки, в которой находились пистолеты. Я случайно обратил внимание на ключ от выдвижного ящика, в котором, как я вспомнил, я положил несколько фотографий. Одна из них всплыла в моей памяти, нарисовалась моему взору, захватила мои мысли, и мой ум уже совершенно забыл о пистолетах.

В предыдущей главе я рассказал об одном частном применении внимания, в сновидении, как средстве prolongation сна и усиления его интенсивности⁹⁷. В условиях

---

⁹⁷ См. стр. 214. – прим. автора.

сознательного и спокойного сновидения, о котором идёт речь, внимание всегда может удерживаться без труда и без утомления. Есть другие случаи, надо это признать, когда прилагаемое усилие является бессильным и даже болезненным. Прежде всего я считаю невозможным непрерывное внимание во время того переходного периода от бодрствования ко сну, который по определению является царством анархии идей и спутанности образов. Удерживать внимание очень трудно, когда стихийные ассоциации идей, набирающие быстрый темп, умножают перед глазами ума образы, к которым он не может не проявить хоть немного любопытства или интереса. Весьма трудно отгонять повторяющиеся отвлечения; этот факт встречается сплошь и рядом каждый день в реальной жизни. В сновидении, я многократно констатировал, что если я пытался зацепиться, так сказать, за какой-либо мыслеобраз, тогда как он старался ускользнуть, уступив место другим, я чувствовал достаточно сильную боль, которая, казалось, сжимала мне виски и затем распространялась в глубину мозга.

Также я мог замечать, что определённое внимательное и длительное созерцание иллюзий моих сновидений гораздо труднее поддерживать, когда оно направлено на какую-либо одушевлённую форму и, в особенности, на лицо, чем когда оно направлено только на некоторые материальные вещи. Образ цветка, листа, камня может иногда оставаться достаточно долго перед глазами нашего ума без каких бы то ни было видоизменений. Если же вы, наоборот, попытаетесь задержать ваш взгляд на красивых или уродливых чертах какого-либо человека, то редко, чтобы по истечении нескольких мгновений вы не стали бы свидетелем ряда самых любопытнейших преобразований. То осуществляются быстрые замещения через подобие, то это пугающие метаморфозы, мерзкие изменения внешности: удлинняющийся и крутящийся нос, выпучивающиеся глаза,

которые начинают вращаться. Тогда переходят в нечто вроде гипногического периода. Сон явно нарушен.

В заключение, признаем, что насколько было бы чрезмерным утверждать, что спящий человек может непрерывно оказывать своё внимание и свою волю на иллюзии своих сновидений, настолько же ошибочно считать действие этих двух способностей несовместимым со сном.

Следить и властвовать над всеми фазами сновидения – этого я никогда не достигал, да я даже никогда и не пытался. Но использовать иногда своё внимание и свою волю, чтобы анализировать некоторые психологические явления, чтобы удерживать или вызывать какой-нибудь весёлый образ, чтобы стимулировать работу памяти, направлять порыв воображения, изменять ход идей, – вот действия, которые осуществляются с легкостью, как только умом приобретена определённая привычка.

И не завершу эту серию наблюдений относительно силы воли, в сновидении, пока ещё раз не упомяну об одном волевом действии, которое я осуществлял много сотен раз над собой, и которое равным образом переживали и многие из читателей. Я имею в виду то усилие, которым стряхивают сон и вызывают немедленное пробуждение, когда начинают понимать, что являются игрушкой сновидения и решительно хотят из него выйти. Как при этом действуют нервные фибры, мускулы? Где начинается усилие и где оно прекращается? – Я тщетно пытался это выяснить. Единственное что я заметил, что в груди, а также в мышцах живота создавалось достаточно сильное сжимающее движение.

ГЛАВА Э

НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СНОВИДЕНИИ СПОСОБНОСТЕЙ РАССУЖДЕНИЯ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ.

О том, что иногда чувство реальности добавляется к иллюзиям сновидения, и о том, что бессмысленные рассуждения в сновидении совсем ещё не доказывают ущербность или ухудшение способности рассуждения.

Наблюдения за способами рассуждения и умозаключения в сновидении, как мне кажется, естественно должны следовать после тех, которые относятся к деятельности внимания и воли.

Мы видели, что способность правильно рассуждать и делать обоснованные умозаключения спящим умом человека отрицалась большим числом авторов. Посмотрим же, что скажет нам по этому поводу опыт:

«**Мне** снилось, что я в тире. Я уже сделал два выстрела из пистолета, пули которого оставили свои отметины рядом с яблочком. Я делаю третий выстрел и в тот же миг я слышу стон. Сперва я испытал сильную эмоцию, испугавшись, что ранил кого-то; но посмотрев на плиту, я заметил отметину своей последней пули. Поскольку она застряла в этой плите, она не могла никого ранить. Таким образом, я успокоился по поводу моей личной ответственности, и хладнокровно отдал свой пистолет в руки работника тира, осведомляясь у него о причине крика, что я услышал.»

В другом сновидении: «мне снилось, что я наношу визит одному родственнику, жена которого вот уже несколько дней очень серьёзно болела. Я никак не решался осведомиться у него насчёт его жены, так как он был одет в чёрное. Однако, я подумал, что цвет его одежд ещё не достаточное свидетельство, чтобы считать их трауром. Надо посмотреть на его шляпу. Есть ли на ней траурная лента? Так что я непринуждённо подошёл к вешалке, на которую он ставил свою шляпу, дабы узнать как мне себя вести, прежде чем завязать разговор.»

Разве это не кажется достаточно убедительным?

Другие примеры рассуждений, которые очень часто встречаются в моих записях, связаны со сновидениями, в которых чувство [=осознание] моего настоящего положения добавляется к впечатлениям, вызванными иллюзиями, которые занимают мой ум.

«**Я** был болен, и меня занимала мысль о том, что я должен буду утром выпить какую-нибудь микстуру. Это мне и приснилось. Приготовленная микстура находилась на столе возле моей кровати; мне казалось, что я только что проснулся, и приготовился выпить, но заметил, что она в чашке, в которой я привык её находить, а я в совершенстве вспомнил, что эта чашка, будучи накануне разбита, заменена другой, совершенно отличной формы. Из этого я сделал вывод, что являюсь игрушкой сновидения, и для того чтобы по-настоящему выпить микстуру, я сначала должен проснуться. Но сразу же я подумал, что мне необходим сон, и что ещё слишком рано вставать. Так что я не сделал никакого усилия, чтобы проснуться, но наоборот, предался иллюзиям сновидения.»

Разве здесь нет правильного и совершенно ясного рассуждения?

«Мне снилось, что я нахожусь в деревне, – на самом деле я был в Париже, – и я принимал у себя в гостях одного друга. Всё вокруг было зелёным, деревья были в своих летних нарядах. – Однако, как и в предыдущем сновидении, я находился во власти одной озабоченности. Я хотел встать в шесть часов утра, чтобы выйти навстречу моей сестре, которая возвращалась после весьма продолжительного отсутствия. – В визите друга, которого, как мне снилось, я принимал в деревне, не было ничего удивительного. Так что я мог бы принять без удивления картины, которые представлялись перед взором моего ума. Но мысли о том, что я жду свою сестру, что она должна приехать в Париж, а не в деревню, что сейчас на дворе зима, а не лето приходили мне на ум, и я рассудил, что всё, что я вижу, не может быть ничем иным, как сновидением, и что, вне всякого сомнения, я сплю. В этот момент я [сквозь сон] услышал бой часов; я насчитал пять ударов. Это стало мне доказательством, что я был в Париже, где проживаю рядом с церковью, часы которой бьют очень громко. Тут же я сделал вывод, что у меня есть ещё один час для сна, и, не позволяя своему уму обременять себя мыслями, которые могли бы привести меня к пробуждению, я, наоборот, сосредоточил всё своё внимание на образах, которые вызвало моё воображение; я слился с ситуацией, которую оно мне создало; я гулял под солнцем с другом, который был моим гостем, одним словом, я мирно продолжал своё сновидение.»

Другой пример:

«Я подвергся тяжёлому воздействию ряда тех мучительных сновидений, во время которых человеку снится, что он задыхается или, по крайней мере, он оказывается в крайне неприятных положениях. Но у меня было чувство, что я сновидю, и, понимая, с каким трудом мне снова придётся засыпать, в случае моего пробуждения, я захотел из-

менить своё сновидение, не пробуждаясь. Чтобы добиться этого результата, я испробовал многие средства, на которые я уже указывал. Но они не возымели действия; мучительные иллюзии постоянно возвращались. Тогда я заметил, что моя левая щека кажется мне горячее моей правой. Из этого я сделал вывод, что я вероятнее всего лежу на левом боку, и что если мне удастся повернуться, природа моих видений, быть может, изменится. Тогда я попытался в своём сновидении улечься на левый бок, затем перевернуться на правый с энергичной волей, в надежде, что мои мышцы и в самом деле последуют отданному им приказу, как часто случается во время сновидений, когда спящий жестикулирует.»

И правда обязывает меня сказать, что этот опыт не возымел успеха, и в результате этого усилия, которое оказалось слишком реальным, я проснулся; но само рассуждение, тем не менее, было вполне логичным.

В эту категорию сновидений, где человек вполне правильно рассуждает, я могу включить почти все те сновидения, во время которых я пользовался осознанием моего истинного положения, чтобы изучать, продолжая спать, явления своего собственного сна. Я сейчас процитирую одно, которое, быть может, лучше было бы привести в главе о памяти, но которое совершенно естественно займёт своё место здесь:

«В глубине картины моего сновидения мне представилась одна улица, которую я распознал, как одну из улиц Севильи, где я не был вот уж десять лет, и мне сразу же вспомнилось, что на углу этой улицы должен находиться очень известный магазин мороженого; итак, я загорелся любопытством узнать, как моя память выпутается из испытания, которое состояло в направлении моего сновидения в эту сторону. Итак, я выбрал дорогу, которую следо-

вало выбрать. Я увидел этот магазин в мельчайших подробностях; я узнал в нём все виды пирожных соответствующих форм и, среди прохладительных наедков, я увидел молочное мороженное с лесными орехами, чего впрочем я никогда не встречал. Тогда я подумал, что это как раз тот случай, чтобы проверить смогу ли я восстановить вкусовую память так же достоверно, как я восстановил эти образы. Я выбрал одно из этих воображаемых мороженых; поднёс его к своим губам, сосредоточил всё своё внимание на том, чтобы хорошенько его распробовать, и я узнал, что моя память ошиблась и предоставила мне лишь ближайшее к требуемому ощущение. Она вынула на поверхность вкус миндаля, а не вкус орехов. Вскоре я проснулся усилением воли, дабы записать этот факт, который мне показался интересным с точки зрения изучения законов памяти, и который также относится к поведению в сновидении способностей внимания, рассуждения и умозаключения.»

Другой пример:

«Одним вечером я слышал крик сов в Б. (наше место жительства в деревне). Я лёг спать, мне снилось, что я только что приехал в Париж, и что я прибыл туда ночью; в этот момент те же самые совы, которых я слышал, возобновили свои противные крики. Я слышал эти крики в сновидении, в котором я видел себя в Париже. Тогда я рассудил так: Воистину, эти совы меня преследуют. *Вчера*, я слышал их в Б., *сегодня* я снова слышу их в Париже. В это же время мне показалось, что вижу одну из этих птиц, пролетающей над крышей соседнего дома.»

Несколько аналитических наблюдений относительно этого последнего столь простого сновидения:

1) Внешнее восприятие – крик совы – ввёл новый элемент в существующее сновидение; но это не придало этому сновидению новое направление.

2) Крик совы, пробудив во мне представление этой птицы, настоящее ощущение, которое я получил через органы слуха, немедленно вызвал галлюцинацию, соответствующую органам зрения. Мне казалось, что я видел то, что слышал. Я встретил новое приложение того принципа, что мыслить о чём-то – это видеть это во сне.

3) Хотя мой ум и привёл меня к ошибочным впечатлениям, тем не менее, он не прекращал рассуждать правильно о воспринимаемых им ощущениях. Обманчивые видения убедили меня сначала, что я был в Париже и была ночь; в тот момент, когда раздался крик совы, я автоматически сделал из этого вывод, что, по крайней мере, прошло двадцать четыре часа с тех пор, как я слышал крики этих сов в Б., поскольку в реальности, я не мог быть в тот же вечер и в Б. и в Париже, которые отделяют пятнадцать лье. Таким образом, я думал, что в Париже есть совы, как и в Б., и что они докучают мне уже две ночи подряд.

Итак, если бы я, в состоянии бодрствования, имел зрительную галлюцинацию, которая заставила бы меня поверить, что я в Париже, тогда как я был бы в деревне, и если бы я рассудил так же как я рассуждал в этом сновидении, то я был бы сумасшедшим, но мой ум, тем не менее, рассуждал бы правильно о впечатлениях, которые он получал.

И уже сказал несколько слов об этом элементе аналитического сравнения между сновидением и безумием, который не ускользнул и от г-на Лемуана. Я не буду останавливаться на этом больше, так как я это сделал ранее, дабы не отклониться от намеченного мною пути; но, каковым бы поверхностным ни было это указание, его будет достаточно, я надеюсь, чтобы оправдать тот взгляд, согласно которому: если мы делаем безрассудные умозаключения в большинстве наших сновидений, то это обуслов-

лено тем, что мы основываем эти умозаключения на бес-
связных иллюзиях, а совсем не ухудшением или непосле-
довательностью самой логики наших рассуждений.

ГЛАВА 4

НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ УЧАСТИЯ ПАМЯТИ И ВО- ОБРАЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ НАШИХ СНОВИДЕНИЙ.

Почему я объединил эти наблюдения в одной главе. – Возможности и функции воображения, заметно ли они изменены во время наших сновидений? – Память сновидящего человека, может ли она обрести такую силу, каковой она не обладает у бодрствующего человека? – Воображение, может ли оно нам предложить, в сновидении, точные и чёткие образы объектов, которых мы никогда ни видели, ни слышали и к которым никогда ни прикасались в действительности? – Один замечательный отрывок из книги Морй. – Сновидения, в которых нам кажется знакомой некая ситуация или некий персонаж, которые по пробуждении нам кажутся совершенно неизвестными. – Сновидения, о которых сохраняют память от одного сновидения к другому. – Причуды памяти. – Постоянная предрасположенность нашего ума действовать через диалог, когда он рассуждает или размышляет. – Сила индукции, доказательством которой является воображение во сне. – Воображаемые персонификации. – Вид душевного раздвоения. – Как память приобретает больше энергии. – Сновидения, в которых воображение показывает себя творческим. – Психологические проблемы.

Память и воображение – это две функции настолько тесно связанные, что многие философы и в особенности Дугалд-Стюарт поместили среди феноменов памяти под именем *образная память* ту часть мыслительных операций, которые другие писатели относят к собственно воображению.

Наша память заполнена материалом самого разного рода в огромном количестве; материалом, собранным, в основном, без нашего ведома, но который ум умеет вос-

становливать в сновидении с поразительной точностью. Возможность выяснить происхождение какого-то образа с такой надёжностью, как в примере, приведённом в начале этой книги⁹⁸, предоставляется очень редко. Чаще всего у нас нет возможности определить, где, при формировании наших сновидений, останавливается работа памяти, в узком смысле этого слова, т.е. чистое и простое воспоминание одного из тех многочисленных впечатлений, которые у нас хранятся в памяти, и где начинается работа поистине творческого воображения, т.е. обработка материала, предоставленного памятью, образование составных образов, которые принимают более-менее новый вид.

Такие рассуждения заставили меня объединить в одном разделе замечания, которые я смог собрать, касательно двойной роли воображения и памяти в наших сновидениях. В частности, они помогут прояснить, я на это надеюсь, три вопроса, на которых я не один раз заострял своё внимание:

1) Возможности и функции памяти и воображения, изменяются ли они ощутимо во время наших сновидений?

2) Память человека видящего сны, может ли она обрести такую силу, какой она не имеет у бодрствующего человека?

3) Воображение, может ли оно нам предложить, в сновидении, чёткие и точные образы предметов, которых мы никогда ни видели, ни касались, ни слышали в реальности?

Один отрывок из книги Альфреда Морí, кажется, отвечает сразу на все три вопроса вместе. Если я и далёк от того чтобы согласиться, и если я считаю бесполезным приводить его следующие далее объяснения, то, по крайней

---

⁹⁸ См. стр. 40 – прим. автора.

мере, я полностью разделяю следующее, так хорошо изложенное начало:

«Надлежит исследовать трудный вопрос о происхождении и порождении этих мыслеобразов, которые не всегда являются простыми воспоминаниями воспринятых ранее ощущений, но новыми сочетаниями элементов предшествующих ощущений, ибо внутреннее око видит в сновидении объекты, которые оно никогда раньше не созерцало, внутреннее ухо может слышать звуки, мелодии, которых оно никогда не слыхало. Глаз, ухо и, вообще, чувства обладают некой способностью сочетания, которая держится на творческой силе воображения. Элементы, которыми они пользуются, предоставляются уже воспринятыми ощущениями, но их способ сочетания и сборки является новым, и это приводит к образам и звукам, отличным от тех, которые были восприняты ранее.»⁹⁹

Рассмотрим же теперь различные примеры сновидений, в которых главную роль играют память и воображение.

«Мне снится, что я смотрю на шествие какой-то плотной группы людей, которые, кажется, возвращались с какого-то фейерверка или какого-то другого праздника подобного рода. Я пристально вглядываюсь в этих проходящих мимо людей, и я пробуждаюсь, с хорошо запечатлённым образом одного из них в моём уме.»

Тогда мне показалось, что я вспомнил, и последующая проверка показала, что я не ошибся, что этот образ был точной копией одной цветной гравюры, увиденной мною в одном журнале несколькими днями ранее; но эта гравюра была всего лишь рисунком без рельефа и без дви-

---

⁹⁹ Альфред Мори. Сон и Сновидения, стр. 102 – прим. автора.

жения, тогда как мне случилось увидеть активную и живую фигуру, с ростом и внешностью реального существа. Таким образом, требуется, чтобы моя память обладала способностью восстанавливать, в сновидении, все детали изображения, которое в реальной жизни я видел всего лишь одно мгновение, да к тому же ещё и без внимания. Также требуется, чтобы у моего воображения была способность привести этот образ в движение и оживить его.

«Мне снилось, другой ночью, что я вижу молодую златовласую женщину, беседующую с моей сестрой и показывающую ей какую-то вышивку, что она сделала. В сновидении, мне казалось, что я хорошо её знаю; у меня даже было чувство, что я встречал её несколько раз. Затем я проснулся и это лицо, ещё маячившее перед моим мысленным взором, показалось мне абсолютно незнакомым. Я снова уснул; видение повторилось. Продолжая сновидеть, я сохранил сознание, которое у меня только что было, равно как и то впечатление, что я никогда раньше не видел того лица, что представилось взору моего ума. Вернувшись к иллюзиям сновидения, я был удивлён; я спросил себя, почему моя память изменила мне; я подошёл к этой светловолосой молодой женщине, и я спросил её саму, не имел ли я уже удовольствия встречаться с нею. Конечно, — ответила она мне, — помните морские купания в Порник. Эти слова меня ошеломили. Я мгновенно проснулся и в совершенстве вспомнил те обстоятельства, при которых я собрал у себя в памяти, ничуть в том не сомневаясь, те прекрасные впечатления.»¹⁰⁰

Если сопоставить этот пример с приведённым на [стр. 185](#), то легко заметить, что они родственные, и оба

---

¹⁰⁰ В моих записях также встречается одно противоположное явление. Я видел в сновидении одну особу, которая мне показалась незнакомой. Я проснулся и сразу же вспомнил кем она была. — прим. автора.

служат доказательству того, что возможность памяти, в особенности той памяти, которую англичане называют *fancy*, бесконечно больше в состоянии сновидения, чем в состоянии бодрствования.

Тайники нашей памяти подобны огромным подземельям, куда не может проникнуть луч света ума, пока он не перестанет сиять вовне. Поэтому, пусть не удивляются, когда в сновидении с поразительной ясностью видят умерших или долгое время отсутствовавших людей, когда вспоминают в мельчайших деталях места, которые посещали, мелодии, которые слышали, или даже целые страницы, которые читали много лет тому назад.

Один из моих друзей, прекрасный музыкант, сообщил мне, что он услышал в сновидении один замечательный отрывок, исполняемый какой-то труппой бродячих артистов, и по пробуждении он не смог вспомнить, чтобы когда-либо читал, или слышал эту музыку, так что он потрудился её сразу же записать, убеждённый, что его посетило вдохновение во время сна. Каково же было его удивление, случившееся много лет спустя, когда он обнаружил этот отрывок в одном сборнике старинной музыки, случайно попавшем в его руки. Тщетно пытался он вспомнить, когда и как он впервые его прочитал или услышал. Это воспоминание, так отчётливо оживлённое сновидением, не обнаружилось даже смутно уму бодрствующего человека.

Сам я собрал значительное число примеров такого же рода, менее поразительных, но не менее достоверных. Дело в том, что, будучи совершенно ненаходимыми в состоянии бодрствования, воспоминания, оживающие во время сновидения, тем не менее, существуют в скрытом виде в некоторых удалённых уголках складов памяти. Какая-нибудь прихотливая вереница идей, внезапно бросает на

них луч света, быстрый как молния, и, когда этот свет угасает, они снова исчезают, точно так же как незаметные кусты в деревне становятся видны на мгновение, когда освещаются молнией в грозовой ночи, но тотчас же возвращаются во тьму.

Что знает, сколько ещё существует аналогичных странностей памяти? Кто из нас, будучи поражён необычностью какого-то лица или какой-то картины, которую он только что воспринимал в сновидении и которая показалась ему виденной впервые, может утверждать, что ещё никогда ничего подобного ему не предоставлялось, ни в реальности, ни в каком другом виде?

Если временами какие-либо образы кажутся нам совершенно новым, то в другой раз смутное воспоминание говорит нам, что они не совсем уж неизвестные. У восточных философов и поэтов можно найти слова, относящиеся к идее предсуществования, которая, мне кажется, возникла у них как раз из таких сновидений, в которых мы видим вещи, которые, нам кажется, мы знали когда-то давно, но которые, в состоянии бодрствования, не можем вспомнить, что они имели место в реальности.¹⁰¹ То это мучительная

---

¹⁰¹ Речь идёт о феномене *дежа-вю*. Предсуществование предполагает, что человек (его душа) существовал ещё до своего теперешнего рождения. В основе всех различных интерпретаций предсуществования, начиная от идеи реинкарнации и заканчивая идеей существования душ (до своего рождения), лежит, как утверждает П. Д. Успенский, идея *вечного возвращения*, которая сводится к тому, что душа человека после смерти тела, можно сказать, возвращается в прошлое, воплощаясь в своё собственное тело. Впрочем, Успенский не отрицает возможность перевоплощения души в другое тело, но это исключительные случаи и, к тому же, такое перевоплощение возможно лишь в прошлое человечества, а не в будущее, как обычно интерпретируют реинкарнацию. Более подробно о Вечном Возвращении см. в одноимённой главе книги «Новая модель Вселенной» П. Д. Успенского. – прим. И.Х.

или очаровательная ситуация, то это дом, внутреннее убранство которого мы угадываем ещё не переступив порог, то это дружелюбные или злые лица.

Для продолжения обзора этих таинственных операций памяти и воображения во время сна, упомянем одно противоположное явление, которое, хоть и реже, но всё-таки достаточно часто проявляется. Речь идёт о случаях, когда воображение производит в сновидении какое-то сравнительно новое сочетание идей или образов, которое производит на ум особое впечатление, а затем это сочетание повторяется в других сновидениях, как если бы это было воспоминанием чего-то реального. Тогда человек очень хорошо вспоминает одно сновидение в другом, при этом, по пробуждении, впечатление от сновидений такого рода невероятно быстро стирается.

Каждый из тех, кто читает эти строки, определённо переживал также и то, что я попытаюсь ему сейчас напомнить:

Мы засыпаем или, по крайней мере, начинаем дремать, вращая в своём уме какую-то совокупность идей, которые, будучи связанными друг с другом, образуют какое-то рассуждение, какое-то предположение, или какой-нибудь замок в Испании. Затем нас пробуждает незначительный шум. Всего лишь секунду назад эта совокупность мечтаний была во всех своих подробностях в нашем мышлении, и вот мы уже не можем схватить их нить; часто мы забываем даже главную мысль. Мы чувствуем, что, быть может, новое засыпание сможет натолкнуть нас на те же мысли, но все усилия по их возвращению в состоянии бодрствования остаются тщетными. Были бы эти воспоминания *реально* приобретёнными, т.е. приобретёнными через *реально* воспринятые ощущения (физические или душевные), то занимали бы с тех пор свой особый 'ящик', и

сохраняли бы неизменный облик в архивах нашего ума, и воображение имело бы достаточно силы извлечь их оттуда во время сна, перемешать и образовать из них самые причудливые сочетания, но что оно, однако, не имело бы силы вырезать эти новые творения на скрижалях памяти; и наконец, ещё раз заимствуя у фотографии наглядное сравнение, скажем, что образы, взятые из реальной жизни, являются единственными, которые оставляют на этих скрижалях долгохранимые отпечатки, тогда как их чисто воображаемые сочетания исчезают, как исчезает простое отражение в зеркале фотокамеры, при отсутствии средств, могущих его зафиксировать.

Один мой знакомый художник сравнил то, что происходит тогда в памяти, с тем, что осуществляется в наших глазах, когда мы смотрим на какую-нибудь занавеску с рисунком, а она внезапно сворачивается. Что касается меня, то я себя спрашивал, если это происходит не раньше момента, когда разрывается лёгкая ткань этих причудливых сочетаний, то каждая из идей, из которых она была соткана, с быстротой сворачивающейся занавески занимает своё изначально приобретённое место в ящиках нашей памяти. Тем не менее, остаётся решить следующий вопрос: почему же из сновидения в сновидение мы вспоминаем иногда с совершенной ясностью все подробности одной из тех воображаемых ситуаций, уже виденной в сновидении ранее, впечатление которой, в самый момент пробуждения, ускользает от всех наших усилий по воспоминанию?

Одной ночью мне снилось, что я присутствовал при сцене ревности и насилия, за которыми последовало убийство, совершившееся у меня на глазах. Я проснулся от воздействия возникшей сильной эмоции и, однако, всё это так быстро истёрлось из моей памяти, что мне нечего было записывать в дневник своих сновидений, кроме самого факта быстроты, с которой испарилось это впечатление. Прошло

много недель. Затем мне приснилось другое сновидение, в котором мне снилось, что меня вызвали на суд в качестве свидетеля. Я прекрасно вспомнил, в этом втором сновидении, и малейшие детали ссоры, и внешний вид жертвы, и внешний вид её убийцы.

В другой раз, мне снилось, что я еду в вагоне с какой-то семьёй, состоящей из одного пожилого господина, его жены и двоих их детей, очень замечательных своей внешностью и оригинальностью своих манер. Я проснулся, не сохранив даже смутного впечатления об их лицах. Следующей ночью я в каком-то смысле вернулся в своё сновидение; мне снилось, что я в Швейцарии, в обеденном зале одной гостиницы, в которой я остановился накануне, так же как и мои попутчики по поезду. Было время завтрака. Старый господин уселся вместе со своей семьёй за один стол, что стоял напротив моего; я снова совершенно отчётливо увидел двух девушек; и снова изумился, к своему удовольствию, их очаровательными образами, и я не знал, обязан ли я им первому впечатлению в моей памяти, или, скорее, моему воображению.

Аналогичные факты приводились и подтверждались Мори, Бриером де Буамоном и многими другими. Эти авторы не дали им никакого объяснения, и я тем более не претендую на нахождение объяснения. Моей целью не является всё объяснить, но лишь указать, насколько возможно, на все причудливые грани изучаемого нами явления; я довольствуюсь тем, что обращаю внимание психологов на эти наблюдения. Впрочем, у меня ещё будет возможность к ним вернуться, когда я буду говорить о характере и значении работы ума, которую он выполняет во сне.

Другое поразившее меня наблюдение – постоянная предрасположенность нашего ума к внутреннему диалогу с самим собой, как только он размышляет или рассуждает.

Едва началось сновидение, как уже ведётся разговор с какими-то воображаемыми персонажами. Итак, эти диалоги очень часто показывают нам меру удивительной надёжности, с которой наша память группирует вместе все отличительные черты тех персонажей, которых ей заблагорассудится вызвать. Бессвязные сновидения конечно же порождают смешные непоследовательности, но с какой точностью и достоверностью во множестве ясных сновидений мы наделяем людей, которые оказываются в сновидении нашими собеседниками, взглядами, которые они отстаивают, словами, которые они говорят, и вплоть до акцента, с которым они ведут свои речи! Актёр, который старается сымитировать определённые личности, чтобы сыграть их на сцене, редко достигает, несмотря на тренировки, такого же точного сходства.

В одно время, когда мне потребовалось отредактировать одну достаточно важную заметку, которую, прежде чем окончательно утвердить, предстояло прочесть на совете из трёх человек, мне приснилось, в ночь перед этой лекцией, что я как раз это делаю, и что возникла дискуссия по этому поводу. Один из трёх человек одобрил всё без оговорок; другой потребовал лишь незначительных изменений, характер и глубину которых он указал. Третий сначала захотел значительных изменений, но, кажется, постепенно склонялся к мнению двух других, пока меня не разбудило какое-то случайное событие. Итак, состоялась настоящая лекция, всё происходило в точности как и в моём сновидении. За исключением выражений, дискуссия была почти такой же.

Не увидел в этом ничего сверхъестественного; но однако я восхищался индуктивной силой, доказательство которой предоставило моё воображение, благодаря сну.

Этот класс сновидений предлагает, между прочим,

иное очень замечательное толкование. Так, случается, что мы находим в нас самих все элементы очень живого спора, благодаря какому-то двоедушию. Тогда мы высказываемся за или против тех мнений, которые нас занимают; то мы являемся адвокатами одной из сторон, участвующих в дебатах, то, рассуждая более-менее беспристрастно, нам кажется, что мы просто присутствуем при дискуссии воображаемых людей, которых мы заставляем говорить. Я совершенно не знаю более плодотворного анализа любопытных наблюдений, чем анализ, проводимый в такого рода дебатах, когда наше сознание, наши инстинкты, все внутренние голоса наших страстей делаются слышимыми через уста конкретных персонажей, под видом которых нашему воображению заблагорассудилось их вызвать.

Всегда значимые, эти персонификации часто имеют свою прелесть. Один из моих самых близких друзей рассказал мне, что за несколько дней до заключения брака, который он, между прочим, считал очень удачным, но относительно которого всё же сильно колебался из-за смутного страха неизвестности, ему приснился сон, в котором он по очереди выслушивал разговор двух женщин, которые ему давали по этому поводу советы, и каждая из которых старалась его убедить. Одна, молодая блондинка, стройная и весёлая, нарисовала ему очень живую картину исключительного счастья, на которое можно надеяться только раз в жизни, если он возьмёт в жёны молодую девушку, к которой он испытывает непреодолимое влечение. И наоборот, она описала мрачную картину со всеми скорбями, которые могут произойти в результате союза, лишённого искренней симпатии. Она и в мыслях не допускала, что он женится без явно выраженной готовности, говоря, что малейшее колебание в таком деле должно быстро остановить любого человека. Другая, унылая, не такая молодая и одетая в чёрное, отвергала скорее с горестной, чем

строгой улыбкой эти страстные аргументы. То, что блондинка именовала мудростью, она называла мечтанием; она говорила только о серьёзной стороне брака, опасности некоторых страстей и некоторых душевных реакций. Она отвергла идею союза, к которому одна из двух заинтересованных сторон испытывает малейшее неприятие, но ничего конкретного упомянуто не было, тогда как было большое число благоприятных факторов; её совет был, что это последнее замечание должно возобладать.

Друг, рассказавший мне это, не знал, к какому из двух советов он должен прислушаться. Он, как никогда прежде, был в нерешительности после того, как выслушал их продолжительные советы; результат вполне естественный, поскольку это он сам вёл диалоги чувств, которые боролись в его сердце. По пробуждении, он не смог вспомнить, чтобы он когда-либо знал одну или другую из этих двух дам, хотя в сновидении он совершенно не был удивлён их увидеть. Итак, любой, кто проанализирует это сновидение хорошенько, разве тот не рассудит, что он имел дело с очень старыми знакомыми, и что только вид, под которым они предстали перед глазами его ума, был новым; одним словом, что всё услышанное им в этих дебатах было лишь его воображением и его искусно персонифицированным разумом.

Вот два других сновидения в виде диалога, когда моя память дала пример самого капризного неравенства.

«Мне снилось, что я нахожусь в какой-то гостинице в Англии, беседуя на английском с хозяином. Он говорит очень быстро и много. Я вполне его понимаю, испытывая небольшие трудности с поспеванием за его мыслью. Но самому мне приходится подыскивать слова, чтобы ответить; некоторых выражений мне не хватает; мой слух замечает большую разницу между моим неправильным про-

изношением и настоящим английским произношением, в устах моего собеседника.»

«**И** встречаю на улице одного молодого человека, который кажется мне знакомым, я подхожу к нему; мыжимаем друг другу руки, внимательно смотрим друг на друга. (Моё сновидение невероятно ясное [осознанное].)

– Но я вас совсем не знаю, – говорит мне затем этот персонаж, идя своей дорогой.

И я, с большим смущением, вынужден признать, что и в самом деле, совершенно его не знаю.»

В первом из этих двух сновидений, моя память, чтобы заставить говорить на иностранном языке этого воображаемого человека, нашла лёгкость речи, которой я сам не обладал в состоянии бодрствования, но она, почему-то, не предоставила себя в этом же сновидении мне самому.

Во втором, она внезапно вытянула из своих хранилищ образ, который я сначала смутно узнал, но затем она не позволила его идентифицировать; и воображение вложило в уста этого персонажа мысль, которая осенила меня внезапной изменой моей памяти.

И нашёл ещё одно наблюдение в своём дневнике, которое, как мне кажется, достаточно естественно связано с предыдущими:

«**М**не снилось, что я беседую с одной особой, которую я когда-то встречал в одном курортном городке, и я попросил её помочь мне напомнить название одного очень красочного разрушенного замка, вокруг которого мы тогда вместе гуляли. Она ничего не смогла вспомнить. Я напоминал ей многие мелочи, которые могли бы вызвать у неё воспоминания. Она настаивала, что не знает, что я хочу сказать, или приводила мне названия других замков; я по-

терял терпение и начал раздражаться, не понимая, почему с такими точными подсказками она не может ответить мне, о чём я её спрашивал.»

Не является ли это видом ссоры между *мною* и одной из моих способностей, персонифицированной вне меня? Быть может, изучение способа, каким осуществляет свою работу ум в подобных сновидениях, поможет облегчить изучение мыслительных способностей бодрствующего человека?

Впрочем, достаточно и того, что действие памяти в сновидении превосходит обычную меру сил этой способности в состоянии бодрствования, чтобы не искать объяснения этому факту в какой-либо внешне причине.

Так, вспоминая все подробности одной научной дискуссии, свидетелем которой я был несколько лет назад, мне приснилась, что я читал об этом. В другом сновидении, не менее ясном [осознанном], когда в моей памяти очень чётко и очень методично всплыл целый ряд анекдотичных мелочей по поводу одного исторического сюжета, мне снилось, что я слушаю рассказ об этом из уст одного профессора, говорившего с кафедры. При этом, замечательным было то, и это показывает до какой степени мы далеки от понимания нашего собственного опыта, что мне снилось, что я *впервые* слушал всё то, что сам себе рассказывал; его слова казались мне неожиданными и полными очарования, и я восхищался прекрасной эрудицией этого оратора.

В другом сновидении: «Мне снилось, что я задаю одной сомнамбуле множество крайне меня интересующих вопросов.¹⁰² Она отвечает на всё со знанием всех моих са-

---

¹⁰² В то время было модным посещение сеансов гипноза, на которых подготовленного человека погружали в состояние сомнамбулизма, в

мых потаённых мыслей, что приводит меня в изумление. Она даёт мне советы и разъяснения, которые поражают меня своей правдивостью. Я поражаюсь тем, что сам я даже не догадывался об этих истинах, которые она мне вещала, и, однако, вынесенные на свет эти истины оказались всего лишь результатом сравнений и выводов, осуществлённых в моём собственном уме.»

В связи со всеми этими беседами персонажей из наших сновидений, заметим ещё, что то, что они являются выражением наших собственных мыслей, не мешает им содержать много того, что является для нас непредвиденным. Ответы воображаемых персонажей, с которыми мы, как нам снится, вступаем в беседу, создаются, в каком-то смысле, без нашего ведома, без малейшего усилия с нашей стороны, одним лишь следствием ассоциации идей, что может привести к рассуждениям и поворотам мысли, которые нас поражают, поскольку мы этого никогда бы не сделали в состоянии бодрствования.

Также часто случается, что одна фраза или даже одно слово из этих бесед, вдруг ввергает нас в совершенно другое сновидение, вызывая внезапно другую группу идей, и это происходит так резко, что мы даже не успеваем задать вопрос, чем обусловлена эта перемена.

Иллюзия считать себя чуждыми к работе нашей собственной памяти ощутимо увеличивает силу этой способности, которая тем более экспансивна, чем более стихийно она развивается. То, что тогда происходит в сновидении достаточно согласуется с тем, что мы можем наблюдать в состоянии бодрствования, когда, для того чтобы отыскать

котором, как считалось, он становился ясновидящим и отвечал собравшимся на интересующие их вопросы. Именно о такой ситуации идёт речь в этом сновидении. – прим. И.Х.

какой-нибудь музыкальный мотив, или вспомнить какой-нибудь стих, или какие-нибудь поразившие нас литературные фрагменты, мы не находим ничего лучшего, чем попытаться воспроизвести то, что мы вспоминаем, полностью механически. Тем самым мы приглашаем нашу память выпутываться самой; мы инстинктивно чувствуем, что усилия нашего внимания могут только ей помешать или её запутать.

Преыдущие примеры быть может уже решили утвердительно вопрос о том, что память приобретает во время сна такую степень силы, какой она никогда не обладает у бодрствующего человека. Рассмотрим же теперь некоторые примеры сновидений, когда творческая сила воображения играет особую роль.

«Я видел, в сновидении, одну молодую девушку, одетую в античные одежды, которая играла, не причиняя себе никакого вреда, с кусками раскалённого железа. Каждый раз, когда она к ним прикасалась, из её пальцев вырывались длинные языки пламени, и когда она затем потёрла свои руки, из них брызнул дождь искр, которые с шумом рассыпались.»

Ясно, что я никогда не видел ничего подобного в реальной жизни, по крайней мере, такую картину в целом; однако, каждый из образов, которые составляют всю картину, могли быть по отдельности собраны моей памятью. Я мог видеть на некоторых настоящих картинах молодую девушку одетую таким образом. Я конечно же видел в действительности языки пламени, искры и т.д. Это сложное сновидение, таким образом, ничего ещё не говорит о творческой силе воображения; но рассмотрим другое (неважно, что оно нелепо и детско в своей форме, главное что оно убедительно по сути).

«Передо мною на низком столе располагается какой-

то аппарат причудливой формы. Кажется, он заполнен водой, и я не знаю, кто сказал мне, что эта жидкость обладает силой делать невидимыми, не лишая жизни, всех животных, которых в неё погрузить на несколько минут. Я удивляюсь и высказываю сомнения, что вполне естественно. В этот момент в углу комнаты я замечаю мяукающего кота; я беру его, бросаю в этот аппарат, и смотрю на результат. Итак, я вижу, как животное мало-помалу начинает светиться, полупрозрачным, и наконец, прозрачным как кристалл. Кажется, он ведёт себя непринуждённо в этом аппарате; он плавает, вытягивается, быстро ловит мышь, прозрачную как и он, которую я до этого не замечал; и, благодаря этой чрезвычайной трансмутации, осуществившейся с этими двумя тварями, я различаю останки этого несчастного грызуна, которые опускаются в желудок его заклятого врага.»

Видел ли я что-нибудь подобное в реальности? Даже если предположить, что идея этого видимого пищеварения могла быть мне внушена смутными воспоминаниями о виденном в микроскопе, моё воображение в этом сновидении сыграло особую роль, поскольку это был самый настоящий кот, а не одноклеточная инфузория, которую я с любопытством наблюдал в микроскоп.

Другой ночью, последовавшей за днём, когда я долго и крайне внимательно рассматривал одну коллекцию китайского фарфора, «я увидел в сновидении группу маленьких статуэток, разрисованных и одетых самым причудливым образом, характерным для керамических рисунков Поднебесной Империи. Все они ходили, двигались, взаимодействовали, показывали себя, одним словом, вели себя совершенно иначе, чем моя память их запомнила.»

Я пропускаю десяток подобных примеров, и перехожу к последним наблюдениям, более свежим по време-

ни, которые окончательно меня убедили:

«Я осознавал себя крепко спящим; перед глазами моего ума был мой рабочий кабинет со всеми заполняющими его предметами во всей их чёткости. Остановив своё внимание на фарфоровой тарелке с очень оригинальным узором, в которой я держал свои карандаши и перья, и которая была совершенно не запачканная, я вдруг застаю себя примерно за такими рассуждениями: я никогда не мог видеть эту фарфоровую тарелку иначе, как целиком. Что произойдёт, если я разобью её в своём сновидении? Как моё воображение представит эту тарелку разбитой? Тот час же я совершаю воображаемый акт разбивания её на куски. Я подбираю её осколки, внимательно исследую; замечаю изломы с острыми кромками, различаю декоративные рисунки, разделённые зазубренными надломами, и неполными во многих местах. Редко когда я сновидел так осознанно. Вскоре сознание покидает меня, впрочем, продолжая сновидеть, я периодически возвращаюсь в сознание, затем снова впадаю в забвение. Испытывая нетерпение записать то, что я только что наблюдал, я думаю, что уже взял перо, но, на самом деле, я продолжаю сновидение, представляя себя записывающим это самое сновидение. Вскоре ко мне возвращается чувство [=осознание] моего истинного положения; я делаю усилие, которое стряхивает сон, и я просыпаюсь по-настоящему.»

«Я смотрю в магическое зеркало, где я вижу себя поочередно под самыми различными аспектами: причёсанный и побритый всеми способами, помолодевшим и похорошевшим, затем пожирневшим, пожелтевшим, больным, беззубым, постаревшим на двадцать лет. Моё лицо постепенно проходит через все эти последовательные видоизменения, и принимает, наконец, такое пугающее выражение, что я просыпаюсь с содроганием.»

«Я не могу определить в каком фантастическом мире, или лучше сказать в каком хаосе, я оказался этой ночью. Я был быстро унесён неизвестной силой, сквозь пространства, населённые какими-то огромными объектами, которым мне трудно дать имя, и которые перемещались в пустоте так же как и я. Казалось это были малые планеты [астероиды], имевшие формы чудовищных животных. Вдруг, я подумал, что сейчас я разобьюсь о те, что летят мне навстречу, но затем, вместо того чтобы разбиться, я пролетел сквозь них, как сквозь тени, не испытав ни малейшего удара, не почувствовав никакого другого впечатления, кроме кратковременного затмения, на то время, пока я воображал, что прохожу внутренность этих странных болидов. Больше я не боялся их приближения; когда я заметил один, состоявший из нагромождения человеческих тел, протыкающих друг друга таким образом, что голова или руки одного казались вросшими в спину или грудь другого, и в этой массе плоти невозможно было различить ни одного целого тела. Мысль о том, что я сейчас окажусь там, повергла меня в ужас, и под влиянием этой эмоции ко мне вернулось чувство [=осознание] реальности; я стряхнул это мерзкое сновидение, наполненное такими причудливыми небылицами.»

Итак, на основании многочисленных наблюдений нужно принять как принцип, что воображение может таким образом пустить в ход материал, предоставляемый памятью, что оно создаст поистине небывалые образы, такие, что никогда ничего подобного не поражало наши глаза в реальности. Но тогда, где предел этой творческой силы? Воображение, может ли оно под влиянием сна достичь степени экзальтации равной таковой нашей памяти? Два эти психологических явления, не являются ли они сопряжёнными? Изобретательство, не стоит ли оно в таком отношении к воображению и памяти, как рассуждение – к

вниманию и сравнению? Я предоставляю читателю самому подумать над этими вопросами, которые я не дерзаю решить, и я сужу о них из выводов, взятых из следующего по тексту сновидения. Оно из таких, которые я отношу к требующим решения, нежели чем к доказательствам в поддержку некоторых вполне определённых предложений.

«Мне снилось, что я упражняюсь в записывании по памяти, чтобы хорошо выучить наизусть одну речь. Я перечитывал свой черновик и пытался его переписать, не глядя в него. Время от времени я колебался; моё перо замирало, память изменяла мне. Тогда, я смотрел в черновик; я проверял неуверенный пассаж, и я сразу же схватывал нить этого сочинения, как если бы я и в самом деле имел перед глазами написанный текст.»

Довольно странную психологическую загадку ставит это сновидение, не так ли? Когда в реальности мы обращаемся к записям, чтобы вспомнить идеи, содержащиеся в этой записи, то на помощь нашей памяти приходит зрение, которое видит общепринятые знаки письма *реально* зафиксированными на бумаге; но в сновидении, где всё является иллюзией и мысленной работой воображения и памяти, каким образом может действовать мой ум, чтобы моя память, казалось, пришла на помощь посредством простого факта веры в обращение к записи, которая сама не могла бы появиться перед глазами моего ума, если бы не усилие воображения или памяти, или объединённое действие этих двух способностей?

Многие вопросы подобного рода ещё долго будут оставаться нерешёнными. Те из вопросов, которые напрямую относятся к памяти, иногда могут получить своё точное решение, когда частное стечение обстоятельств позволит узнать, что имела место простая работа этой способности там, где раньше предполагалось воображение. Но, в

свою очередь, размышляя о силе памяти, часто не решаются утверждать, что такая-то сцена или такая-то картина, которые удивляют нас, являются делом исключительно нашей силы воображения.

Что следует думать, например, о последнем наблюдении, вот каком: «Я листал в сновидении большой альбом с изысканными акварельными и гуашевыми рисунками, которые представляли собой довольно странную смесь: то памятник архитектуры, то образец вышивки. Памятники кажутся мне замечательными как их красотой, так и разнообразием их стилей. Образцы вышивки очаровывают меня гармонией цветов, как и оригинальностью рисунков. В частности, один из этих рисунков так мне понравился, что я иду просить у владельца альбома разрешения скопировать его, когда к моему великому сожалению я просыпаюсь.»

В течение нескольких мгновений по пробуждении перед глазами моего ума ещё стоял этот очаровательный рисунок, который казался мне нарисованным на занавесках моей кровати, и который я надеялся найти под моей кистью. Но, едва встав, я в очередной раз констатировал, с какой быстротой исчезают впечатления некоторых сновидений. Мне удаётся набросать лишь смутный эскиз. Что же до того, видел ли я нечто подобное в реальности, у меня не было ни малейшего воспоминания.

Следует ли приписать эту композицию из рисунков творческому воображению, возведённому действием сна в степень чудесной силы? Или же это память, которая под влиянием сосредоточения не менее превосходных сил, и благодаря ассоциации идей, смогла непосредственно вытянуть из своих самых потаённых хранилищ и объединить в альбом целый ряд воспоминаний, собранных ею без мое-

го ведома.¹⁰³

Но какому бы из этих двух объяснений ни склонялись, сам факт заслуживает тем большего внимания, чем менее исключительным он является. Многие говорили мне, что имели подобные видения; т.е. что они видели во сне с совершенной ясностью произведения искусства и литературы, о видении которых когда-либо в реальности они совершенно не помнили, и что они, к тому же, считали себя совершенно не способными вообразить такое в состоянии бодрствования.

То, что я сказал о памяти на предыдущих страницах, относится к памяти в целом. Я закончу одним наблюдением, относящимся к особой памяти, которую можно сохранять в одном и том же сновидении о различных эпизодах, которые его составляют. Речь идёт о ряде сцен и картин, которые следуют и развиваются с определённой логикой, когда очень хорошо вспоминают их малейшие детали; когда можно вернуться к ним мысленно, сравнивать их, и более-менее правильно рассуждать о них. Но имеется резкий переход от одного сюжета к другому, в результате какой-нибудь из тех бесчисленных абстракций, которыми изобилуют наши сновидения, ум мгновенно теряет, вплоть до самых смутных воспоминаний, порядок идей, которые предшествовали. И только по пробуждении их вспоминают.

Будучи убеждён в фактах, которые я констатирую, я крайне осторожен в объяснениях, которые я на их счёт предлагаю. Однако я думаю, что это явление вполне объ-

---

¹⁰³ Не следует забывать тот факт, что воображение в сновидении часто переносит из одного класса в другой видения, вызванные памятью. Впечатление, оставленное в памяти одной мозаикой, может стать образом какого-то витража, или образом витража на вышивке и т.д. — прим. автора.

ясняется чрезвычайным вниманием, которое направляет ум, в сновидении, на те идеи, образы которых ему представляются. Точка стыка, которая стихийно образовалась, ускользает от него, и оказывается как бы барьером, который он никогда не пытается преодолеть. Размышление, таким образом, оказывается парализованным именно остротой внимания.

Изучение абстракций, наложений, слияний идей и образов в сновидении могло бы вполне естественно найти место в этой главе, посвящённой памяти и воображению. Однако, различные мотивы понудили меня посвятить этим операциям ума специальный раздел в главе, где я пытаюсь анализировать ход и текстуру сновидений, так что при необходимости можно относиться к нему, как к приложению к этой главе.

ГЛАВА 5

НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОБОСТРЕНИЯ ДУШЕВНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И УМСТВЕННОЙ АБСТРАКТНОСТИ В СНОВИДЕНИИ, И КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ УМА, КОТОРУЮ ОН ВЫПОЛНЯЕТ, СНОВИДЯ.

Об обострении чувствительности вообще. – Различие между научными и литературными работами, исполняемыми в сновидении, с точки зрения ценности, какую они могут иметь. – Стихосложение в сновидении. – Сновидение одного шахматиста и уроки, которые он получил, касательно силы воображения. – Как можно объяснить сновидение, не прибегая к чудесному. – Сновидение одного блестящего математика. – Влияние некоторых сновидений на мораль человека и на его поступки в реальной жизни.

Природа явно не одарила нас, в бодрствующем состоянии, кроме как посредственной силой натяжения струн душевной и физической чувствительности. Прекрасно понимая, что мы часто этим бы злоупотребляли, если бы нам было позволено доводить деятельную или чувственную способности к их крайним пределам, природа оставила очень большой промежуток между тем, что мы можем обычно приказывать нашими органами и тем, что им под силу исполнять. Так, мы видим, как благодаря определённым исключительным состояниям происходят чудесные на вид явления, которые, однако, не более чем кратковременное проявление постоянных возможностей нашего организма. Каталепсия, сомнамбулизм, воспаление мозга, умопомешательство, экзальтация рвения, страха и отчаянья часто предоставляют поразительные примеры, подтверждающие это. Но необходимо ли прибегать к этим в опре-

делённой мере болезненным явлениям, чтобы засвидетельствовать аналогичные проявления деятельной и чувственной способностей? В той изоляции от внешнего мира, которая позволяет человеку сосредоточить в самом себе, так сказать, всю горячность, всю мощь, всю живость своих эмоций и мыслей; под властью этого состояния, называемого сном, которое закрывает глаза тела для восприятий мира, чтобы открыть глаза ума для зарытых сокровищ памяти; когда вовне настаёт ночь, а внутри загорается день, – разве тогда душа не может достичь гораздо большей степени чувствительности, чем в состоянии бодрствования? Именно к этому вопросу мы и приступаем, более внимательно, чем прежде. Все авторы говорят нам – да; каждый из нас часто говорит это себе, проснувшись после какого-нибудь душераздирающего или сверхчувственного сновидения, которое утопляло его сердце в горестях или радостях. Даже самые спокойные и умиротворённые люди могут вспомнить, как они чувствовали, как в них, под властью некоторых раздражающих видений, воспламенялись молнии слепой отваги и самого вспылчивого гнева. Даже мало впечатлительные люди признают, что и они имели одно из тех химерических сновидений после которого они оставались на протяжении нескольких минут, будучи проснувшимися, под впечатлением настоящего ужаса. Чувства нежности и красоты, страх пустоты, темноты, неизвестности могут достигнуть, в эти короткие моменты, воистину поразительных масштабов. Этот факт не требует обсуждения в принципе, так что мы сразу же перейдём к исследованию его последствий, и в частности мы исследуем характер, который эта экзальтация душевной чувствительности может наложить на работу ума во время сна.

Различные примеры этого вида работы стали знаменитыми и почти что историческими благодаря их многократному цитированию. Я упомяну некоторые из них в

этой книге, включая пресловутую сонату Тартини¹⁰⁴, известную под именем «Трель дьявола». Блистательный учёный Ж. Б. Био¹⁰⁵ сообщил мне, что он многократно и с пользой работал в состоянии сновидения; Кардан рассказывал, что он создал в сновидении один из своих трудов; Кондиллак засвидетельствовал такой же факт; Вольтеру однажды приснилась первая песнь его поэмы «Генриада» иначе, чем он её составил; но следует заметить, что если некоторым учёным, математикам, композиторам или художникам удавалось извлечь пользу из вдохновения своих сновидений, то наоборот, мы видим, что литераторы и поэты, которым доводилось сновидеть как они сочиняют восхитительные вещи, с сожалением сознавая, что они не могли их вспомнить по пробуждении. Нам осталась *Соната Тартини*; но ни один фрагмент того варианта сновидной *Генриады* Вольтера не был записан.

В том, что математические выкладки, художественный замысел, музыкальный мотив, более-менее однородная композиция сохраняются в памяти легче чем стихи, мозаика идей и слов, которые, очевидно, необходимо запоминать во всех деталях, а не только в целом, нет ничего удивительного и объясняется это вполне естественно; но если бы писателям и поэтам удалось усилием памяти дословно восстановить эти вдохновения их сна, которые привели их в такой восторг, то я убеждён – они испытали бы полное разочарование, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев. Вот второй момент, о котором у меня сложено вполне законченное мнение, как на основании моих личных наблюдений, так и наблюдений одного

---

¹⁰⁴ Тартини (Tartini) Джузеппе (1692-1770) – итальянский скрипач, композитор и музыкальный теоретик. Глава падуанской скрипичной школы. – прим. И.Х.

¹⁰⁵ Ж. Б. Био – известный физик. – прим. И.Х.

из моих друзей, любимого общественностью автора, кто, стараясь вспоминать свои сновидения и приобретя в этом большой навык, рассказал мне, кроме прочего, следующее:

Ему приснилось, что на него снизошло вдохновение, и прекрасные стихи сами выходили, так сказать, из под его пера; он сочинял одну маленькую пьесу, которая показалась ему шедевром. Чувство восторга разбудило его; страх забвения подстегнул его память; пробудившись, он повторил вслух две последние строфы (единственные которые он смог вспомнить), он их повторил и записал с полуоткрытыми глазами. Каково же было его удивление, когда он затем, на свежую голову, прочитал следующее:

Златокрылый лебедь пыжился своею красотою,
И не летел, но по цветам бежал он гордый;
Я же хотел сорвать очаровательность рукою
С того, кто убегал как сифл проворный.

Воздух благоухал песком пёстрым,
И заснеженная тропинка терялась в лилиях.
Я робко скользил как тень мимолётная,
С любовью в сердце и пеленою на очах.

Эта бессвязность идей, это совершенное отсутствие рифмы, совершенно не осознавалось до полного пробуждения. Образы, соблазняющие своим блеском, своей грацией, своей сказочной необычностью слишком сильно пленили его внимание, чтобы он мог обратить его на что-то другое. Ему снилось, как он преследует одно очаровательное существо в сказочном саду. Ему казалось, что у него самого есть крылья. Его сердце было переполнено усладительными чувствами: душевное опьянение достигло своего пика. Его стихи следовали беспорядку его мыслей; используемые им слова его очаровывали, потому что, не

имея ни времени, ни свободы взвесить их собственное значение, он смешал в одном порыве вдохновения и то, что он хотел выразить и то, что он выразил на самом деле.

Но крайней мере, именно так я объясняю себе этот вид иллюзий, очень частных в наших сновидениях, которые я проанализировал на более чем двадцати личных наблюдениях.

Идёт ли речь о замысле картины, о внутреннем, так сказать, слушании музыкального вдохновения, о следовании за рядом математических умозаключений или о следовании по пути интуиции? – Такая работа, проделанная в сновидении, будет в некотором смысле выше той же работы, выполненной в бодрствовании. Но если речь идёт о труде, который требует и свободного задействования трезвой критики, и вдохновения и рассуждения, то, я считаю, это будет совсем иначе.

Экзальтация определённых чувств, свойственных этим видам сновидений, не происходит без значительного ослабления некоторых других и также без нарушения точного равновесия суждений, которые и составляют хороший вкус.

Все те, кто пишут или часто писали, что в литературной работе существуют два вполне отличных элемента: 1) идея сюжета, которая может возникнуть быстро или даже мгновенно и 2) её выражение, которое, каким бы лёгким ни было, однако, всегда требует немного внимания и работы. Итак, под влиянием какого-нибудь воодушевляющего сновидения, красота занимающего нас сюжета часто всего обусловлена крайней чувствительностью, с которой мы в него проникаем; что же касается выражения, то оно редко когда бывает удачным. И точно так же, некоторые шутки, некоторая игра слов, которая кажется нам очаровательной в сновидении, становятся, в большинстве случаев,

плоскими, если их вспомнить по пробуждению.

Убедиться в истинности этого утверждения не составляет труда. Гораздо труднее проникнуть в причины этого.

Так быстро восхищённый ум, так сильно захваченный живостью ощущений или образов, изысканность которых он тотчас же воспринимает, – не слишком ли он поглощён, чтобы найти им выражение, как то мы предполагаем; или же, слова, которые он подбирает, не представляются ли они его уму вместе со всей мнемоничной свитой тех частных впечатлений, которые к ним присовокупляет ассоциация идей?

С кем из нас не случалось, читая некоторые фразы или некоторые слова какой-нибудь книги, которая нас никак не трогала за душу сама по себе, чувствовать, как эти незначительные слова или фразы вдруг пробуждали приятные или болезненные воспоминания в нашей памяти с крайней живостью? Одно и то же чтиво не производит на других такого же впечатления как на нас, и мы не сможем больше объяснить себе эмоцию, которую испытали, если мы снова перечитаем тот же пассаж, но не будучи под впечатлением тех же воспоминаний.

Есть ли в этом какое-нибудь противоречие с тем, что мы уже имели случай заметить раньше, а именно, сколько даётся находчивых и логичных ответов в снящихся нам оживлённых дискуссиях и как тонко соблюдается характер каждого? Я не думаю что есть, ибо здесь существенно другая физиология. Ум больше не работает со всем ансамблем идей. Душевное перевозбуждение, нарастающее с ростом спора, сосредотачивает всю силу воображения на простой и единственной идее (идее того, что спорщик может нам ответить, и что мы сможем ответить ему в наш черёд). Это собирающая линза, перемещающая свой фокус от одной

точки к другой – явление, которое мы уже изложили в другом месте, и которое, несомненно, заслуживает некоторого внимания.

Докуда может дойти по этому восходящему пути живость ума и ясность памяти? Так же трудно определить, я думаю, предел мускульного усилия у человека, находящегося во власти некоторых нервных кризов. Но как свидетельство удвоения энергии, на которое способны память и воображение в некоторых сновидениях, посмотрим ещё два интересных свидетельства. Одно предоставил мне один игрок в шахматы, игра, которая является также и наукой; другое сообщил мне один известный математик, которого я не могу назвать в книге, в которой я сам представлялся анонимом. Скажу лишь, что он сам рассказывал об этом многим своим коллегам из Института тогда, когда участвовал в конкурсе на приз, присуждённый впоследствии г-ну Лемуану.

Для начала, вот что мне рассказал шахматист:

До того как отправиться в кровать и уснуть, он тщетно пытался разрешить один трудный шахматный этюд: мат в шесть ходов при исключительных условиях. Ему приснилась шахматная доска с фигурами, расположенными на своих местах (как в этюде); он продолжал думать, но на этот раз искомое решение предстало перед ним с чудной ясностью. Партия началась и закончилась; он последовательно и очень отчётливо видел каждый ход на шахматной доске. Он проснулся сильно потрясённый, всё ещё держа у себя в уме последнюю комбинацию, верность которой он тотчас же захотел проверить. Итак, он встал, разложил шахматы, погрузился в воспоминания и констатировал точность результата.

Чем же, прежде всего, обусловлено превосходство некоторых шахматистов, таких как Bourdonnaie, Murphy, и

др.? – способностью, которой обладает их ум, схватывать огромное число возможных комбинаций, так сказать, одним взглядом мысли, как генерал, который не только узнаёт издали все неровности местности на поле битвы и все силы врага, но может ещё и предвидеть все возможные последствия всех возможных изменений расположения с одной и другой сторон.

В состоянии бодрствования этот шахматист, который рассказал мне своё сновидение, был неспособен представить себе в уме одним лишь усилием мысли законченную последовательность комбинаций, которая решала бы данную задачу. Для того чтобы увидеть последовательные комбинации ему требовалось перемещать фигуры на шахматной доске и зрительно представлять все возможные ходы.

Во сне он легко осуществил то, что для исключительных игроков, о которых мы упомянули выше, было их отличительной силой. Итак, у него во время сна значительно выросла сила воображения и вычисления.

Механическое повторение ранее воспринятого ощущения (каким бы образом оно ни было воспринято) вполне могло воссоздать перед глазами сновидца расположение шахмат, такое, какое он видел перед засыпанием, но, очевидно, не могло предоставить ему видения, которые никогда не были на его сетчатке глаза. Здесь, различные виды шахматной доски, отражающие последовательность ходов, которые приводят к мату, никогда не воспринимались сновидцем, так как это и было тем неизвестным, которое он искал до засыпания.

Итак, имелось представление глазам ума картины, созданной одним лишь воображением, а не предоставленной памятью.

Воображение, таким образом, может *творить* (в сновидении), в смысле порождать, невиданные картины, образованные, правда, из уже содержащегося в памяти материала, как случайные сочетания калейдоскопа образуются из различных кристаллов, заключённых в этом инструменте, или как новое слово составляется из известных корней.

Эти естественные следствия того, что только что было прочитано, необходимо наводят нас на следующие размышления:

Если образотворческая сила ума, так сказать, сфокусированная в состоянии сновидения, может иногда легче, чем в состоянии бодрствования, проводить ряд вычислений и операций с той замечательной, свойственной сновидениям особенностью – *представлять последовательные картины, сопряжённые с этими операциями, как если бы их видели в реальности*, то не будет ли неожиданностью возможность следовать, вполне логически (и быть может даже вполне правильно) цепью причин или следствий, первым звеном которой будет какое-то состояние занимающих нас вещей, и развитие возможных последствий, к предположению которых мы подведены?

Так следует ли теперь сильно удивляться некоторым кажущимся пророческими сновидениям, некоторым предвидениям будущих событий, которые затем сбываются так, как их увидели во сне? Или не должно ли сказать, что поскольку *думать* в сновидении о чём-то – это его сновидеть, то видеть во сне исполнение возможного и вполне вероятного события не более чудесно, чем думать о нём в состоянии бодрствования?

Неважно, бестелесный голос ли кричит нам в сновидении эти предсказания, или нам их открывает незнакомец, или какая-либо другая аналогичная иллюзия – ясно одно – что причины, факты и следствия здесь одни и те же.

Эти вопросы уже поднимались в главе, специально посвящённой воображению и памяти, и быть может даже о них уже говорилось другими словами, аналогичными тем, что я только что употребил; но я уже предупредил читателя, что я не боюсь повторяться.

Перейдём ко второму переданному мне сообщению:

Упомянув некоторые заботы дня, которым он приписывал тот ход своих идей, которые имели место в его сне и начав свой рассказ сновидения с того, как он почувствовал себя вброшенным в пространство, не различая при этом ничего кроме необъятной пустоты и не слыша другого звука, кроме голоса, который время от времени повторял ему, что он вскоре узнает великий секрет, учёный, рассказ которого сейчас прочтут, продолжал так: «Я был перенесён, в сновидении, в какой-то мрачный, громадный, безмолвный храм. Непреодолимое любопытство, смешанное со страхом привело меня к алтарю какого-то античного вида – единственное освещённое место в этом таинственном безлюдном месте. Непередаваемое душевное волнение предупредило меня, что я присутствую при чём-то необычном. Тогда я увидел какой-то эмбрион, наполовину чёрный и наполовину белый, дрожащий, заключённый в полупрозрачную оболочку, он пытался её разорвать, и по форме она была яйцом. Я приложил к этой пульсирующей оболочке руку. Из неё вышел ребёнок. Это какая-то аллегория, – подумал я. Я почувствовал себя вдохновенным, и мои уста сами начали говорить (какой-то высший дух, казалось мне, пророчествует моими собственными устами); я изрёк целую серию аксиом и предложений стихами, которые наполняли меня удивлением и воодушевлением; ибо я был убеждён, что я должен извлечь из этого очень важный смысл, ключ к которому мне дала последняя строфа. Однако, я также чувствовал, что я забываю эти откровения по мере их становления, и от этого я почувствовал сожаление.

О! если б я мог это вспомнить, – говорил я себе; и пока я с трудом воспроизводил некоторые стихи, какое-то существо, природу и фигуру которого я различал очень смутно, но которая, однако, казалась мне человеческой, начало мне повторять всё то, что я только что говорил сам, слово за словом, без запинок, без пробелов, с точностью до букв. К несчастью, как я ни силился их запомнить, всё это погрузалось во мрак сразу же после произношения. Это причинило мне великие мучения. Превосходство этого непонятого существа раздавило меня морально. Кто же ты? – спросил я его, наконец, – ты, кто лучше меня помнишь то, что я сам сочинил; ты, кто дал мне понять, что если бы я обладал такой же как и ты памятью, то я уже понял бы этот сверхъестественный секрет, о котором я имею лишь смутное предчувствие? – Тогда он взял меня за обе руки и взглянул на меня огненными глазами, взгляд которых проник до глубины моих самых сокровенных помыслов, и которые пронзили меня самым настоящим ужасом. Когда его тело исчезло в тумане, его голова продолжала оставаться светящейся и приобрела огромные размеры, и, странно, она показалась мне воспроизведением моего собственного лица, отражённого в каком-то волшебном зеркале. Кто же ты? – повторил я, обращаясь к нему, – ты, узнать которого я сгораю от желанья, ты, чей взор, как я то чувствую, проникает до глубины моей души? – Какое-то мгновение он хранил молчание; затем, он ответил: Ты сам! – и, не пытаясь объяснить себе смысл его ответа, я почувствовал, что он сказал правду, что он был *прозревшей* стороной той двойственности, которую я не мог понять; но чей секрет был в точности заключён в той аллегории с ребёнком, наполовину белым и наполовину чёрным. Если ты являешься мною, – повторил я, – почему же я испытываю к тебе такой страх, и почему же ты смотришь на меня с такой насмешкой? Он ничего мне больше не ответил, несмотря на всё

моё желание слушать его ещё, и хотя я подумал о словах *божественная душа*, он их не произнёс, а произнёс слова *ты сам*; он лишь продолжал изучать меня своим пронзительным взглядом, пока я не понял, что я вижу сон, и не почувствовал, что начинаю просыпаться.

В течение этого короткого периода, что отделяет совершенный сон от полного пробуждения, когда человек пребывает на границе двух миров, я приложил громадное усилие, чтобы запомнить главные звенья этого сновидения, которое так сильно меня взволновало, и в котором, я был убеждён, заключались в зародыше великие психологические откровения; но понять их мне было невозможно, кроме как в мимолётных проблесках, кое-каких общих представлениях. Что до нити, которая связывала эти представления друг с другом, что до стихов, которые их выражали, я не вспомнил ничего. Самое точное что осталось, так это сравнение между растениями, полностью заключёнными в своих семенах и великими истинами, целиком находящимися в одном начале, которое нужно уметь развить; и затем, глубокие размышления об этом другом «я», так превосходящем мое рассудительное «я», которое хотело дать мне увидеть кое-что, но которое насмеялось над моими бесплодными усилиями, направленными на полное понимание.

Но пробуждении, я, вопреки себе, пребывал под сильным впечатлением. Определённо не видя в этих видениях ничего другого, кроме работы беспорядочного воображения, я, тем не менее, не мог защитить себя от того, чтобы не отметить его поразительный характер. Я думал о том ребёнке, наполовину белом и наполовину чёрном, который, кажется, представлял собой двойственное начало добра и зла, о той оболочке, которую он пытался разорвать, о той двуликости меня самого, в которой я угадывал божественный элемент. Я не намного больше продвинулся

после этого сновидения в том, что касается объяснения той великой тайны, которая обитает в нас; но после подобного сновидения, невозможно не наполниться чувством существования Бога, великого разума, и не считать, что мы должны когда-то открыть этот великий секрет в нас.»

¶ привёл это сообщение *in extenso* [полностью] не только по причине представленной в нём душевной экзальтации, но также и главным образом для того, чтобы показать какие глубокие следы это сновидение оставило в памяти человека, которого не так легко взволновать, и который не склонен придавать особого значения чисто воображаемым сюжетам. Труд, который он предпринял по записыванию этого рассказа, манера, которой он рассказывает, достаточно свидетельствуют, что эти фантастические видения оказали впечатление на выдающийся ум настолько и даже больше, чем некоторые серьёзные события реальной жизни.

Влияние привычной деятельности людей на природу их сновидений никем не отрицается; воздействие же их сновидений на их душу и на их деятельность неизмеримо сильнее и чаще, по-моему, чем обычно считается. Некоторые серьёзные люди признавались мне, что влечение или отвращение, которое они испытывали инстинктивно к некоторым лицам не могли иметь иной причины, кроме как приятного или неприятного сновидения, в которое эти лица были вовлечены. Я знаю одного человека, который очень сильно и внезапно влюбился в одну девушку, которую он видел почти что ежедневно и продолжительное время не обращал на неё ни малейшего внимания; и всё это потому, что она ему приснилась в одном из тех страстных и полных упоения сновидений, в которых воображение действует все свои силы. Каковыми бы сильными ни были у бодрствующего человека порывы любви, этой самой сильной из всех страстей, он не может не признаться, я в

этом уверен, что иногда в сновидении он чувствовал порывы воодушевления, восторги нежности, расцветы невыразимых радостей в такой степени, которая не встречается в реальной жизни. Также я совсем не боюсь сказать, что если идеал – это максимум восприятия, получаемого нами в чувстве удовольствия и красоты, то состояние сновидения должно быть самым благоприятным для этого.

Даже у людей, которые не вспоминают своих сновидений, ассоциации представлений, которые работают днём, очень часто несут на себе отпечаток, я в этом уверен, ночных сновидений. Есть дети, трусливый характер которых и нежелание к работе может быть связано с тем, что их память была насыщена пугающими или беспорядочными впечатлениями постоянных кошмаров.

С другой стороны, имеется доброе число лиц, и, главным образом, дам, склонности которых лучше учиться узнавать по их сновидениям, чем по их манере поведения в реальности. Это связано с тем, что они [сновидения] обычно оказывают на их действия влияние, которое распространяется даже на движения их мыслей, и это касается физиологии социального характера. Здесь можно найти материал для интересных сравнений; но вся трудность в том, что эти особы охотнее рассказывают то, что они делают днём, нежели то, что им приснилось ночью.

ГЛАВА 6

НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОБОСТРЕНИЯ В СНОВИДЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ, И ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН, КОТОРЫЕ МОГУТ ИНОГДА К НЕЙ ПРИВОДИТЬ.

Тонкие восприятия внешних вещей и сильное ощущение того, что происходит в нас: таково принятое мною разделение для классификации собранных мною наблюдений. – Примеры внешней и внутренней чувствительности. – Закономерности между определёнными состояниями тела и определёнными сновидениями ума. – Повторение некоторых сновидений есть явление, причина которого заслуживает исследования. – Физически больные, как и жертвы какого-нибудь душевного перевозбуждения не могут переживать ясные и связанные сновидения. – Пример одного сновидения, где два противоположных начала действовали одновременно. – О сверхчувственных сновидениях, и о тех, что развиваются под влиянием различных наркотиков.

Немного найдётся так единодушно утверждаемых мнений в области сновидений, как о влиянии бесчисленных внешних ощущений, воспринимаемых спящим, которые ум вводит в своё сновидение, толкуя их на свой лад. Каждый автор приводит много таких примеров, и мои дневники полны ими. То это какой-то внешний стук, который заставляет меня сновидеть, что кто-то стучится в мою дверь, что, тем самым, вводит в моё сновидение новый элемент. То стучат в реальности и с удвоенной силой в дверь моей комнаты, дабы меня разбудить; но мне снится, что я смотрю на бондаря [делателя бочек], надевающего на бочку обручи и, благодаря этой иллюзии, мой сон не прерывается.

В другой раз это был человек, который объявил о своём приходе, как *Па...*, *па...*, *па...*. Париж – хотел он сказать, несомненно, но он постоянно повторял этот первый слог, что меня ужасно раздражало и закончилось моим пробуждением. Тогда я отчётливо услышал стук передка камина, колеблемого ветром, который продолжал бормотать свой нескончаемый *па...па...па...*

Наконец, один из моих друзей рассказал мне, что одной ночью во сне он впал в неистовый гнев, потому что ему снилось, как он спрашивал кого-то, кто отвечал ему *хо! хо!* на все его вопросы. И, проснувшись, он выяснил, что эти *хо! хо!* были всего лишь эхом его собственного храпа.

Останавливаться на подобных примерах не серьёзно; но если факты этого порядка очень легко констатировать, то в тысячи других обстоятельствах крайне трудно оценить меру внешних или внутренних влияний на возникновение и развитие наших сновидений; и поиск этих более таинственных влияний заслуживает, я думаю, нашего внимания.

Тонкие восприятия чего-то вовне и сильное ощущение того, что происходит в нас – таково деление, которое само напрашивается, для классификации собранных мною примеров обострённой физической чувствительности.

Внешняя чувствительность.

«Одной ночью мне приснилось, что дымит моя ночная лампа; я проснулся, вдохнул полной грудью, но ничего не почувствовал и снова заснул, убеждённый, что это мне всего лишь приснилось. Однако, спустя час, я снова проснулся от едкости дыма, ставшего уже вполне осязаемым. Таким образом, во время сновидения моего первого сна я ощущал запах более тонко, чем в состоянии бодрствования»

ния.»

«Другой ночью, мне снилось, что я наношу визит одному другу, и что я никого у него не нашёл, но, что я чувствовал по всей его квартире достаточно сильный и очень специфичный запах, который вызвал во мне тревогу. Я проснулся и моей первой мыслью, естественно, было предположить, что этот запах был на самом деле в моей собственной комнате. Я поднялся; открыл двери, окна. На этот раз, я не чувствовал совершенно ничего, ни ночью, ни даже завтра утром». Не может ли быть, чтобы этот запах (о котором я не имел, кстати, никакого воспоминания, что когда-либо его ощущал) был всё же очень тонким восприятием, обусловленным сном, а не смутным воспоминанием запаха?

Следующий пример относится к чувству слуха: «Мне снилось, что я слушаю, как настраивают пианино, и я действительно узнал, что моя сестра настраивала его в ранний час, когда я ещё спал. Однако, у меня не было никакой причины для того, чтобы мне это приснилось; я совершенно не знал, что должен был придти настройщик; да и пианино размещалось так, что я и не мог с моей кровати в состоянии бодрствования его услышать.»

Вот, впрочем, по случаю пианино, другое наблюдение, тем более убедительное, что идея это увидеть не могла даже придти на ум:

«Я собирался принять ванную, уставший после ночи, проведённой на балу; я спокойно уснул в своей ванной; удалённые звуки пианино держали моё внимание настороже, и, засыпая, я пытался уловить связь между самыми громкими музыкальными фразами, которые одни, по причине удалённости, доходили до меня чётко. Вскоре, сон полностью одолел меня, и мне снилось, что я сижу возле пианино; я смотрел и слушал игру одной молодой особы,

жившей по соседству, которую я часто видел проходящей по улице с нотной тетрадью в руке. Больше ни одна нота не ускользала от меня; никакой оттенок исполнения не был потерян. Вдруг, какой-то лёгкий шум выдернул меня из этой дремоты. Я продолжал слышать музыку, доносившуюся издали, которая только что направляла моё сновидение; но я слышал её лишь с пробелами и крайне несовершенно, как то имело место также до моего засыпания. Таким образом, я находился в условиях восприятия очевидно менее благоприятных, чем те, что мне предоставились на мгновение сном. Я воспринимал только достаточно сильные звуковые волны, которые могли воздействовать на мой слуховой аппарат в обычном состоянии.»

Умножать подобные рассказы утомило бы читателя. Скажу только, что у меня они в изобилии, и что рассказы подобного рода во множестве можно найти в книге г-на Бриера-де-Буамона.¹⁰⁶ Хотя они и имеют дело с сомнамбулизмом, который я не обсуждаю, тем не менее, их не следует отбрасывать как недопустимые, исключительно потому, что они остаются необъяснимыми.

Внутренняя чувствительность.

Та особенность сна, которая заключается в сильном сосредоточении и чрезвычайном обострении физической чувствительности в некоторой части нашего организма, является фактом, который, я думаю, уже достаточно установлен. Поэтому, не приводя здесь многие наблюдения из моих дневников сновидений, которые всего лишь констатируют такое явление, я пропускаю сновидения, связанные

---

¹⁰⁶ Есть вольный перевод его книги на русский под названием: *Чаробесие или таинственные явления человеческой природы*. М., 1867. – прим. И.Х.

с восприятием ощущений от таких слабых раздражителей, которые совсем не попадают в поле восприятия бодрствующего человека.¹⁰⁷ И сразу перехожу к указанию на такой же феномен под более трудным для распознавания, более таинственным видом и быть может даже чаще встречаемого, чем то думают. Я собираюсь рассказать о строгой закономерности, которая иногда устанавливается между некоторыми состояниями тела и некоторыми галлюцинациями ума [т.е. сновидениями], каковая взаимосвязь от нас ускользает. Я отметил, в своём дневнике, что в одно время, когда у меня ни с того ни с сего периодически болела голова, возвращению головной боли часто и с небольшими промежутками предшествовали сновидения, в которых мне снилось восхождение на горы и преодоление пропастей с поразительной лёгкостью. Имеются известные наркотики, вызывающие почти всегда одинаковые видения. Морфий, например, обычно заставляет тех, кто его принял, видеть себя окружёнными всякими животными.

И наконец, я приведу одно крайне любопытное сообщение, которое мне было сообщено совсем недавно одним из наших знаменитых востоковедов, учёным профессором и филологом первого ранга. Продукты питания, приготовленные на жире, – считает он, – не имеют своего вкуса. Он считает их вредными, и у себя дома категорически запрещает использовать масло для приготовления пищи. Однако, его кухарка не разделяла его взглядов. Она не такая категоричная и думает, что время от времени небольшая добавка запрещённой субстанции с пользой может добавляться в какое-нибудь подходящее блюдо так,

---

¹⁰⁷ В это число входит предупреждение о заболевании ангиной, первые симптомы которой я заметил только после сновидений двух ночей подряд, в которых мне снилось, что я заболел этой болезнью. – прим. автора.

чтобы её хозяин этого не почувствовал. Это было её большой ошибкой. Хозяин и вправду этого не чувствовал в момент употребления оногo блюда; но ему безошибочно давалось таинственное предупреждение во сне, ночью, следующей за совершённым обманом. Следующим утром кухарка была вызвана; тщетно она пыталась сначала отрицать упрёки её хозяина. Её хозяин заткнул ей уста и вынудил её сознаться такими словами: «Розали, этой ночью мне приснилось, что я ходил по воде.»

Малейшее количество жира неизбежно вызывало у учёного академика сновидение, в котором ему снилось, что он был вынужден пересекать пешком затопленные земли, болота или рисовые поля. Он выяснил, что ему никогда не снилось это сновидение без того, чтобы его кухарка, в конце концов, не признала его правоту.

Итак, какая существует связь между крутыми скалами и головной болью, между морфием и видениями диких зверей, между попаданием в желудок капли жира и представлением ходьбы по воде? Простое ли совпадение, имевшее место в первый раз, установило связь между некоторыми болезненными ощущениями, которые он испытывал ночью, и сновидением этой же ночью, так что повторение того же сновидения является следствием возвращения того же ощущения?¹⁰⁸ Или же существуют какие-то аналогии между внутренними ощущениями, благодаря которым определённые возбуждения нервов или определённые движения наших внутренних органов соответствуют таким различным на вид впечатлениям?

В первом случае, взаимосвязь, которая установилась между определённым сновидением и определённым физическим расстройством будет совершенно случайной, и со-

---

¹⁰⁸ В силу законов, изложенных на стр. 298 и далее. – прим. автора.

вершенно особой для каждого человека.

Но второй же гипотезе, наоборот, опыт может открыть те закономерности и то таинственное средство, познание которого станет настоящей наукой.

Есть некоторые сновидения общие всем людям, и причину которых физиологи единодушно указывают в ощущениях, вызванных более-менее естественной работой сердца или желудка, и происходит это благодаря искажённому восприятию, которое делает ум из этих ощущений. Таковы сновидения, в которых сновидец взлетает или парит в пространстве, подпрыгивает с чудесной лёгкостью, спускается по лестницам в несколько прыжков, или же, наоборот, чувствует себя удерживаемым какой-то невидимой силой, не может довести до конца какое-то простейшее дело и т.п.

Итак, я полагаю, что не только опыт должен привести к установлению психофизиологической связи для каждого из этих различных сновидений, но и серьёзная интерпретация большого числа других сновидений; одним словом, поиск *ключа к сновидениям* не будет невыполнимым делом, если удастся собрать и проверить один за другим достаточное число наблюдений.

Иногда в реальной жизни мы испытываем раздражение, когда видим, как пытаются исполнить какое-нибудь минутное дело, которое не могут довести до конца, или же, когда видим людей, неумело делающих какую-нибудь тонкую работу. Итак, если у человека имеются сновидения, в которых он сам делает или видит нечто подобное, то разве причина этого не заключается в каком-то болезненном раздражении нервной системы? Я привожу этот симптом как образец из множества других, согласованность кото-

рых будет целесообразно установить.¹⁰⁹

Заметим ещё, что сновидение может быть указанием на какое-то патологическое состояние, не только благодаря самой природе образов, которые оно вызывает, но также, и часто, манерой, какой события начинаются и развиваются, или ассоциацией конкретных идей, которые имеют разное значения у каждого из нас.

В одном путешествии вверх по Нилу, один мой знакомый пылкий исследователь, чьё свидетельство не подлежит сомнению, много страдал от воспаления глаз, которое прекратилось только с его возвращением домой; и вот уже десять лет эта болезнь не возвращалась. Его память наполняли многочисленные события и многочисленные другие путешествия самыми недавними впечатлениями, как вдруг он заметил, не без удивления, что почти забытые лица, праздники, эпизоды того периода его жизни начали

---

¹⁰⁹ Например, мне много раз снилось, что я пытался зажечь свечу, но всегда безуспешно. То мои спички не загорались; то свеча отказывалась воспламениться или же упрямо потухала. Раздосадованный, я хотел было выбросить подсвечник в окно, но у меня не оказывалось даже силы поднять руку. Затем я просыпался, и обнаруживал, что я лежал на левом боку в неудобном положении.

Каковой бы ни была связь, какую можно представить между ощущаемой мною стеснённой и идеей этой невоспламеняемой свечи, всегда следует восхищаться природой, которая предупреждает нас через сновидение о неудобной позе, в которой мы находимся, и прогоняя сновидение, которое нас мучит, мы в то же время меняем позу.

Во время лечения и заживания одной раны, которая причиняла мне чрезвычайно сильный зуд, я насчитал шесть сновидений, в которых мне снилось: 1) попытка сосчитать разменные деньги, с чувством траты сил, но безуспешно; 2) написание письма, сильно надавливая пером, которое не писало, или кончик которого выкручивался; 3) поиски, не видя ясно, среди густых кустарников, небольшого потерянного предмета, которому я придавал большую ценность. – прим. автора

мало-помалу возвращаться в его сновидениях с необыкновенно частотой. Примерно в течение шести недель этот феномен оставался необъяснимым; затем он почувствовал первые признаки головной боли и, в конце концов, он снова стал жертвой болезни, которую считал излеченной навсегда. Мне кажется очевидным, что повторение этих сновидений было обусловлено внутренними крайне тонкими ощущениями, симптомами, указывающими на работу болезни ещё в скрытом состоянии.

Само настойчивое повторение некоторых сновидений или некоторого характера сновидений уже является указанием на какое-то болезненное состояние, которое важно найти. Если гладко проходящие сновидения являются лучшим указанием на совершенство внутреннего равновесия, то обратное явление не менее значимо. Покалеченные, равно как и люди находящиеся в каком-нибудь сильном душевном волнении, не могут иметь ни ясных, ни разнообразных, ни последовательных сновидений.¹¹⁰ У одних, физическая боль вызывает время от времени воспоминания в связи с испытываемыми ощущениями; у других, их главная озабоченность удерживает их ум в одном и том же круге идей, и не позволяет проявляться свободной цепочке идей. Однотипные зрительные образы, которые мучают своими непрестанными появлениями, конечно же, могут принимать различные формы, но они всегда несут в своей природе, в своём ходе, в причиняемых ими эмоциях, один и тот же характер, который выдаёт причину болезни или навязчивую идею, постоянным проявлением которой они являются.

Сновидение предлагает в этом случае те же самые

---

¹¹⁰ Из этого правила есть исключения. Пример тому – осознанное сновидение Фредерика Эдена, случившееся, когда он страдал от сильной зубной боли. См. его книгу. – прим. И.Х.

поочередности то отвлечений, то напоминания о главной заботе, которые имеют место у нас в реальной жизни. Т.е. то стихийное движение помыслов приводит нас к самым разнообразным занятиям, то чувство боли или, по крайней мере, физическое ощущение вызывает в нас мысли, соответствующие этому ощущению. Вдобавок к этому, состояние сновидения предлагает ещё, в качестве замечательной особенности, потрясающее многообразие интерпретаций, которые ум умеет сделать из одного и того же конкретного ощущения, всякий раз, когда оно становится объектом его внимания. Ум тогда приспособливает это ощущение к образам своего сновидения, и то о чём он думает, тотчас же представляется зрительно. В журнале моих сновидений я нахожу один особенный пример этого последнего явления. Из него можно узнать о двойственном влиянии одного постоянного болезненного ощущения и одного хорошо известного наркотика.

Дело было так. Мне на плечо упало бревно, и я воспользовался одним лекарством, в состав которого входит белладонна, чтобы заглушить боль от сильного ушиба. Сначала у меня было много прерывистых сновидений, в которых я расхаживал с тяжёлым ружьём на плече, держал на плече угол какой-то большой картины, которую пытались повесить, и т.п. Наконец, ближе к утру, мне приснилось следующее:

«Я путешествовал и прибыл не знаю куда. Я искал ночлег, *держа у себя на плече чемодан*, и не находил никого, кто бы у меня его взял или указал бы на постоялый двор. Однако, я заметил одну вывеску с белой лошадьёю на одном достаточно приятной наружности доме; но дверь была такой низкой, что я был вынужден, чтобы войти, болезненно согнуться и пройти через достаточно длинный коридор; в этой неудобной позе *моё плечо несколько раз ударялось о стену*. Внутри постоялого двора меня приняла

одна молодая служанка, которая объявила мне, что наплыв проезжающих велик и что мне придётся поселиться наверху. Я сразу же согласился занять любую предложенную мне комнату и, *снова взвалив свой чемодан себе на плечо*, я последовал за девушкой нескончаемыми коридорами и лестницами. Так мы прибыли в просторный как церковь зал, стены которого были покрыты железными прутьями, расположенными горизонтально друг над другом таким образом, чтобы служить поручнями и ступенями. «Быть может, вы мне не доверяете и не желаете следовать за мной?» – спросила меня моя проводница, начиная взбираться по этой лестнице. «Я последую за вами хоть на край света» – ответил я ей. Я больше не помнил о своём чемодане, ни о постоялом дворе, ни о комнате, которую я собирался снять. Я чувствовал себя охваченным сам не знаю каким растущим восхищением. Это уже не была служанка, что показывала мне дорогу; это была героиня романа. Я взбирался быстро и легко. Когда мы добрались до карниза, моя спутница *резко положила свою руку мне на плечо*, прошла через небольшое окно, подбадривая меня следовать за нею, и показывая мне вдали с края плоской крыши, которую мы только что пересекли, второе ещё более опасное восхождение, которое нам предстояло преодолеть. На этот раз это была гора с заостренной вершиной, которая, казалось, рассекала облака. В скале были сделаны крепления, так же как и в стене, которую мы уже преодолели. Только они были прикрыты кустарниками, кореньями, и неровностями. Девушка, что меня вела, дала мен поцеловать свою руку, прежде чем указать мне этот новый путь. Я ощутил себя наэлектризованным и устремился вслед за нею, не страшась головокружительной высоты, которой мы достигли, не позволяя себе смотреть в бездонную пропасть, которая разверзалась под нами. Я ничего не видел и никуда не смотрел, кроме как на ножки моей проводницы, которые

совершали самые грациозные движения, время от времени касаясь моего лица; мы всё время поднимались, и мне показалось, что мой ум, моя бодрость и мой душевный подъём всё возрастали и возрастали. Перед самой вершиной этой огромной скалы, как последнее препятствие, нависал выступ; моя проводница сделала мне знак держаться крепче и *поставила свою ногу мне на плечо*, дабы вскарабкаться на этот последний выступ и затем подать мне руку. Я согнулся, чтобы ей было удобней опереться; я дрожал со страху, боясь, что она упадёт в пропасть, куда я не замедлил бы за нею последовать. Я переживал ужасные мучения. Наконец, я ощутил, как её нога поднимается в движении, которое я сделал, чтобы ей помочь; я выпрямился, и я увидел свою спутницу сияющей невыразимой красотой. Выступ скалы сгладился; перед нами лежал великолепный сад, совершенно безлюдный и залитый светом. Моя рука обняла талию этой феи, которая меня сюда привела. Мои губы встретились с её. Меня пронзил такой трепет радости, что мне показалось, что мой разум не устоит перед этим искушением. Впрочем не жалея об этом, я действительно потерял голову. Я сказал себе мысленно: «безумие – это счастье». Затем, неистовство наслаждения меня разбудило.»

Забвение реальной болезни, когда ум поглощён иллюзиями, которые его соблазняют, полное забвение, какого нельзя добиться в состоянии бодрствования простыми отвлечениями. И, наоборот, острейшее восприятие малейших ощущений, когда на них обращается внимание. – Таков тот двойственный феномен, который имеет в нас место, когда мы сновидим.

И это, как в отношении к физическому, так и к душевному, как к страданиям и наслаждениям телесным, так

и к скорбям и радостям человеческого сердца.

¶ Показывая нам степень интенсивности, до какой может подняться чувствительность под влиянием сна, сверхчувственные сновидения также предоставляют нам часто возможность констатировать одну странную психологическую работу *ретроспективности* (если мне позволят употребить это слово), которую мы вскоре исследуем, когда будем говорить о *ходе и ткани сновидений*.¹¹¹

¶ Что до тех странностей, связанных с тем, что самые яркие и самые сладострастные ощущения сопряжены в сновидении с образами наименее подходящими для их вызывания, то я думаю, что они обусловлены, в общем, феноменами *абстракции*, которые также будут проанализированы в следующей главе.

¶ Что касается сновидений, вызванных гашишем, опиумом, белладонной и другими наркотиками, способными обострять душевную и физическую чувствительность настолько, насколько это только позволяет человеческий организм, то здесь мне препятствуют те же рассуждения, которые помешали мне проникнуть в область сомнамбулизма и безумия. Искусственный или стихийный, неважно, но если феномен аномального порядка, то этого достаточно, чтобы я воздержался от его исследования в работе, посвящённой исключительно анализу естественных сновидений.

¶ Я удовлетворюсь и тем, что приведу в приложении к этой работе рассказ одного сновидения, которое было у меня после употребления гашиша. Приобретённая мною привычка к сознательному наблюдению во время сна позволила мне проследить за его ходом почти как за обыч-

---

¹¹¹ См. ниже на стр. 308– прим. автора.

ным сновидением. Специалисты, которые захотят лучше его проанализировать, быть может, найдут там кое-какие полезные данные, и будут тем более предрасположены, я думаю, разделить со мною мнение Монтеня, что «различные состояния сна, каковы бы они ни были, в итоге являются ничем иным, как разновидностями одного и того же явления, различными видами одного и того же рода.»

ГЛАВА 7

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ХОДОМ И ТКАНЬЮ СНОВИДЕНИЙ В ОБЩЕМ, ЗА МНОГОЧИСЛЕННЫМИ СПОСОБАМИ СНОВИДЕТЬ ТО, ЧЕГО ЖЕЛАЕМ, И ЗА ТЕМ, КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕПРИЯТНЫХ ОБРАЗОВ, КОТОРЫЕ ИНОГДА НАМ НАВЯЗЫВАЮТСЯ.

Трудность проследить за цепью ассоциаций идей в подавляющем большинстве сновидений. – Первые различия, которые необходимо установить. – Переходы, которые осуществляются в сновидении, посредством ассоциаций идей, проистекающих из порядка, следуя которому воспоминания располагаются хронологически в памяти. – Как можно спровоцировать определённые сновидения и тем самым сновидеть то, что хочешь. – Первичные и вторичные идеи. – Объяснение сновидения, представленного на обложке. – О явлении, которое я называю ретроспекцией, и о его частом проявлении в сверхчувственных сновидениях. – Другие примеры сновидений, спровоцированных или управляемых различными способами, лёгкими на практике. Как ум может прийти к идее, посредством ощущения, которого он не воспринимал. – Переходы, которые осуществляются в сновидении посредством абстракций, совершаемых умом. – Качественные абстракции чувственного порядка. – Последовательные преобразования, на которые способно воображение. – О том, что для того чтобы ткань сновидения была логически связанной, не нужно чтобы она была и в самом деле непрерывной, и при каких обстоятельствах ум не испытывает никакого удивления от сновидений самых причудливых и самых чудовищных. – Абстракции умственного порядка. – Как ум иногда проходит от порядка умственного к порядку чувственному. – Указание на один вид абстрактного мышления, которое даст новые примеры в дополнительной главе, что следует.

« печатления и представления могут ассоциироваться,

главным образом во время сна, такими разнообразными связями и часто такими далёкими от рациональности и от подлинной аналогии, – говорит Моро (де ла Сарт), – что не нужно удивляться, если в подавляющем большинстве сновидений эмоции и впечатления, которые берут в них начало, ускользают даже от самого пронизательного исследования, и, тем самым, не обнаруживаются ни какой видимой связью со сновидениями.»¹¹²

Этот взгляд не очень обнадеживающий для тех, кто хотел бы проанализировать все сновидения и обнажить все без исключения их узлы; но для того чтобы найти способ объяснения сновидений, совсем не обязательно объяснять их всех: аналогии часто позволяют переходить от известного к неизвестному. Если бы мне удалось показать, что, не считая иллюзий, вызванных случайными причинами, в остальном, ход наших сновидений управляется психологическими *средствами*, а не стихийными движениями в нервах мозга, то я признал бы, что эта скромная работа не окажется бесплодной.

Что теперь и нужно – так это умножить примеры, и что становится всё труднее и труднее – так это установить порядок, в котором их следует расположить.

Первое и самое полезное различие для этого следующее:

Если сновидец, в состоянии полного здоровья и в совершенно спокойной обстановке, будет сновидеть, не подвергаясь никаким ни внешним, ни внутренним ощущениям.

Если же, наоборот, внешние и внутренние физические впечатления будут изменять или прерывать естест-

---

¹¹² Dict. des Sciences médicales. Art. *Réve*. – прим. автора.

венный ход его представлений.

В первом случае, последовательность образов, разворачивающихся перед глазами его ума, должна объясняться одними только стихийными ассоциациями его представлений.

Во втором случае, будет иметь место простое видоизменение в стихийном ходе представлений и, как следствие, в сновидении (если внутренние или внешние влияния не достаточно сильны, для того чтобы изменить сразу же); или же, полное прерывание уже существующей ткани и мгновенное создание новой серии картин (если полученное ощущение достаточно сильное, чтобы привести к этому последнему результату).

Нонятно, насколько было бы интересно уметь различать между работой ума, действующего по своей собственной инициативе и теми более-менее трудоёмкими разглагольствованиями, тканями, нити которых связаны с причинами часто находящимися вне нас. Но вне зависимости от того, что сон и, следовательно, сновидение, лишённое любого рода стеснений не может быть ничем иным, как мы показали, как чисто теоретическим построением, то было бы грубейшей ошибкой пытаться в качестве исходной точки взять ту, которую наиболее трудно определить.

Однако, эта линия рассуждений вывела нас на путь очень практичной классификации. Если мы просмотрим ряд наблюдений, относящихся к сновидениям, в которых ассоциации идей кажутся осуществляющимися естественно, если мы хорошо исследуем связь, которая могла бы существовать между идеями совершенно разного порядка, то мы увидим, я думаю, что связи этих ассоциаций можно будет разбить на две отличительные категории: одни происходят из закона, согласно которому некоторые воспоминания одновременно и последовательно накапливаются в

нашей памяти (существует или нет между ними родство); другие принадлежат к бесчисленным семействам *абстрактный* в самом широком смысле этого слова.

Не пытаюсь объяснить, какими тайными законами устанавливаются эти сродства в хранилищах памяти, я просто покажу, как оно есть и это мне кажется таковым, и я приму эту предварительную классификацию для последующей разработки.

Переходы в сновидении, осуществляющиеся посредством ассоциаций идей, обязаны тому же закону, по которому и воспоминания располагаются хронологически в памяти.

«**М**не снилось, что я сижу за столом со своей семьёй, но что у нас в гостях епископ нашей епархии и два мифологических божества, как мне кажется, Диана и Аполлон.»

Это сновидение относится к самым старым моим тетрадям, где я нахожу простое объяснение. А именно, несколькими днями ранее я был занят переводом одного отрывка из «Метаморфоз» Овидия, когда мне сказали сменить мой школьный пиджак, запачканный чернилами на более опрятную одежду, поскольку к нам на обед собирался придти епископ нашей епархии.

В бодрствующей жизни, когда в поле моего внимания попадала одна турецкая трубка, висевшая на камине в доме у одного из моих родственников, она всегда ассоциировалась у меня с воспоминанием одного друга, убитого в Италии; и это исключительно потому, что я держал в руках эту трубку в тот день, когда неожиданно узнал из газеты, что этот человек был в числе убитых в Солферино.

Этих двух примеров уже было бы достаточно для того, чтобы определить порядок таких же простых фактов; но этот порядок фактов и есть тем, который должен пре-

доставить нам способ вызывать и управлять нашими сновидениями, поэтому мне не кажется бесполезным уделить особое внимание его ясному изложению.

Заметим для начала, какое влияние имеют, в общем, на наши сновидения те тысячи событий, которые случаются в наших ежедневных занятиях, те предметы, на которых останавливаются наши глаза, те сцены, при которых мы присутствуем, та литература, которую мы читаем, одним словом, вся вереница воспоминаний, которые сопрягаются с привычными занятиями нашего ума. Если я размышляю, бодрствуя, об очаровательной картине Гюстава Буланже *Тепидариум*, если я часто рассматривал её фотографию в промежутки между ежедневными занятиями, которым была посвящена значительная часть моего времени, то я неизбежно достигал этого первого результата, а именно, что представления, присущие темам Тепидариум, с тех пор стали связанными с идеями, которые относились к темам моих занятий или моих исследований, ассоциативная связь, происходящая из хронологического порядка, следуя которому мои воспоминания были записаны в моей памяти. Таким образом, впоследствии может случиться, что если я возьму, предположим, в качестве предмета исследования некоторые изыскания о происхождении огнестрельного оружия, то один лишь вид аркебузы вызовет сразу же воспоминание одной из восхитительных купальниц с картины Тепидариум, чего никогда не могло бы произойти по одним лишь законам аналогии. Что до второго результата, то он очевиден: если я думаю, в бодрственном состоянии, об одной из купальниц с Тепидариум, это будет всего лишь простой мыслью, ещё более далёкой от реального видения картины, чем видение самой этой картины – от живой реальности; но, в сновидении, когда каждая мысль сопрягается с иллюзией более-менее живой реальности, купальница, если я о ней подумаю, предстанет пред моим

взором не менее реальной, на вид, чем эта старая аркебуза, лежащая на моём столе, и отныне её соседка в хранилище моих воспоминаний.¹¹³

В медицине различают два вида воздействий на живой организм. Один, хотя и не действует прямо и мгновенно ни на какой конкретный орган, однако, со временем захватывает весь наш организм; его называют гигиеной или режимом. Другой же может привести к немедленным изменениям посредством действенных и прямых агентов; именно этот и называется собственно медикаментозным.

Итак, если мне позволят сравнить заботу о теле с заботой, которую можно оказывать уму, то я скажу так: кто хочет придать некоторое очарование своему сну и наполнить его приятными сновидениями, должен следовать гигиене или режиму, состоящему в постоянном внимании к наполнению своей памяти радостными впечатлениями, вплетёнными (и как следствие ассоциированными) в различные житейские занятия; как если бы это были великолепные статуэтки, рассеянные то тут, то там на полках библиотеки, где, например, невозможно было бы найти серьёзного Гиппократы, без того, чтобы одновременно в поле зрения не попал бы милый силуэт Гебы или Пандоры.

Что же касается активных «медикаментов» – средств немедленного вызывания в наших сновидениях приятных нам образов – то следующий текст покажет, как можно применить вышеизложенные психологические законы для достижения этой цели.

Размышляя о той тесной связи, которая устанавливается в нашей памяти между определёнными ощущениями

---

¹¹³ Я уже упоминал, что воспоминания об одной гравюре или картине часто становятся в сновидении реальными [т.е. трёхмерными] объектами. – прим. автора

и определёнными понятиями от них зависящими, как то: боль от укуса и представление о насекомом, крик петуха и представление об этой птице, запах дыма и представление огня и т.п., я часто размышлял, что это явление – такое постоянное и такое простое – основывается исключительно на законе ассоциаций, которые устанавливаются между одновременно получаемыми представлениями. Скулящая собака и конь, пускающийся вскачь от одного щелчка кнутом – события этого же закона. Эти размышления навели меня на мысль:

1) Если удастся искусственно создать такую же непосредственную и такую же постоянную связь между какими-нибудь ощущениями и какими-нибудь идеями (даже душевного порядка), то всякий раз, когда будет возникать одно из этих ощущений, автоматически будет вспоминаться и идея, ставшая сопряжённой с этим ощущением.¹¹⁴

2) Поскольку предметы, о которых мы только думаем в сновидении, автоматически становятся предметами наших сновидений, то вызывание определённых ощущений у спящего человека, воздействуя на его органы, должно вызывать в его сновидении те предметы, понятия которых стали у него сопряжёнными с этими ощущениями.

Итак, исходя из этой гипотезы, я провёл следующий опыт, как раз перед тем как отправится в Виварэ, чтобы провести недели две в деревне с семьёй одного из моих друзей. Прежде чем отправится, я купил в парфюмерной лавке один пузырёк духов, который возможно был и не самым приятным, но, по крайней мере, с самым специфичным запахом. Я позаботился, чтобы не откупоривать этот флакон до того как доберусь в то место, где мне предстоя-

---

¹¹⁴ Это означает ничто иное, как создание условного рефлекса. – прим. И.Х.

ло провести несколько недель; но всё время моего там пребывания, я постоянно пользовался его содержимым, которым был постоянно пропитан мой платок, и это несмотря на требования и жалобы, которые этот опыт не замедлил вызвать вокруг меня. Только в день отъезда этот флакон был герметично закрыт; много месяцев после этого он оставался на дне выдвижного ящика и, наконец, я его вручил моему слуге, который имел привычку рано вставать, и попросил его капнуть несколько капель этой ароматной жидкости на мою подушку каким-нибудь утром, когда он найдёт меня крепко спящим. Впрочем, я предоставил ему полную свободу выбора времени, дабы само ожидание этого эксперимента не повлияло бы на мои сновидения, занимая мой ум. Прошло восемь или десять дней; мои сновидения, записываемые каждое утро, не выдавали ни каких напоминаний о Виварэ. (К моему флакону ещё не прикасались.) Наконец, настала ночь, когда мне приснилось, что я нахожусь в крае, в котором я проживал в прошлом году. Предо мною нарисовались горы, усеянные огромными каштанами; одна базальтовая скала показалась мне так чётко вырезанной, что я смог бы нарисовать её в мельчайших деталях. Я встретил почтальона, который принёс мне письмо от моего отца. Это письмо повернуло мой ум в другую сторону, вызвав другие воспоминания и другие образы, и я уже был далеко от окрестностей Обены, когда я вернулся в реальный мир. То, что мои мысли задержались там не столь долго, не так уж и важно; важным моментом является то, что они меня туда привели. Итак, проснувшись, я убедился, что всё ещё вдыхаемый мною запах духов, которыми была увлажнена моя подушка этим утром во время моего сна, вызывал переживание, с которым он был сопряжён.

Итак, восприняв ощущение, отныне связанное в моей памяти с воспоминанием определённых других впечат-

лений, одновременно с ним полученных вначале, моё обоняние уже не могло распознать его, без того чтобы в то же время не вызвать сопряжённые с ним представления. Эти сопряжённые представления и составили сновидение, которое я, таким образом, намеренно вызвал, и этот самый эксперимент я повторял многократно с интервалом в многие месяцы, и неизбежно приходил к такому же результату.

Этот первый успех распалил во мне желание пойти дальше по той же дороге. Сначала я использовал различные другие духи, которые, в свою очередь, стали не менее эффективным инструментом воспоминания различных других представлений. Один из моих друзей, который со своей стороны последовал моим экспериментам, пришёл к таким же результатам. За редкими исключениями, успех был постоянен. И мне удалось выяснить, что восприимчивость притупляется лишь слишком частым употреблением – обстоятельство, впрочем, не являющееся чем-то особенным. Два вида использованных мною духов (один – девять раз, другой – десять на протяжении двух месяцев) перестали постоянно оказывать своё первичное действие. Также я заметил, что доведя число духов до семи или восьми, я стал в них путаться, что выразилось одним достаточно неожиданным явлением. Три из моих агентов [т.е. духов] в некотором роде объединили свои функции, т.е. эти три аромата стали вызывать лишь одну из трёх групп представлений, с которыми они первоначально и отдельно были сопряжены. Было ли это ошибкой памяти, или, скорее, ошибкой самих духов, в состав которых входил один и тот же общий ингредиент, действие которого на утомлённые органы обоняния стало главенствующим? Если это так, то всё сводится к чистой физиологии, и я мог бы привести в подтверждение этой гипотезе один факт, аналогию которого легко понять. При сильном насморке,

для курильщика все виды табака имеют один запах и, так сказать, вкус. Тонкая часть аромата, отличительное начало различных сортов табака, бессильна заставить себя почувствовать. Имеет место какое-то разложение запаха, и высвобожденная из массы элементов, совокупность которых образует для каждого табака его особый аромат, только сила никотина может оказать впечатление на притуплённые рецепторы носа и нёба. Итак, можно ли усмотреть здесь какую-то аналогию? Я задаю вопрос; я не утверждаю.

На некоторое время я оставил эксперименты со своими духами, а затем меня посетила мысль: а не приведёт ли смесь каких-либо обоих духов к смеси соответствующих воспоминаний. Итак, несколько капель того аромата, который напоминал мне о Виварэ, после моего распоряжения, было нанесено на мою подушку во время моего сна. В то же время было пролито несколько капель другой эссенции, которой я часто пропитывал свой платок во время моей работы в художественной мастерской г-на Д... Этот опыт, проведённый три раза, привёл к следующим результатам: первый раз мне приснилось, что я был в какой-то гористой местности, следя глазами за работой одного художника, который набрасывал на холст пейзаж. Очевидно, произошло соединение воспоминаний о Виварэ, с одной стороны, а с другой стороны, идеи рисования и художественных композиций соотносились к мастерской. Второй опыт закончился почти ничем. Один из моих старых друзей из той мастерской оказался вовлечённым в многочисленные эпизоды одного спутанного сновидения; но мне не удалось, признаюсь, достаточно ясно разобраться в операциях моего ума, чтобы извлечь из этого точные данные. Что до третьего опыта, то судите по рассказу моего сновидения, которое не оставило во мне ни малейшего сомнения в эффективности используемых мною средств

напоминания.

Мне снилось, что я нахожусь в обеденном зале моего жилища в Виварэ, обедая с семьёй моего хозяина, объединённой с моей семьёй. Вдруг открылась дверь, и объявили г-на Д... – живописца, который был моим учителем. Он прибыл в сопровождении одной девушки, совершенно голый, в которой я узнал одну из самых красивых натурщиц, которая тогда работала в его мастерской. Г-н Д... рассказал, что карета, в которой они ехали с концерта, перевернулась, что они пришли просить приютить их, и т.п.; и сновидение осложнялось различными событиями, бесполезными приводить здесь, где нам требуется констатировать только одновременное воспоминание этих двух групп впечатлений – из Виварэ и из моей старой художественной мастерской – бывшими сопряжёнными с двумя моими обонятельными ощущениями.

Что касается тех второстепенных событий, которыми усложняются наши сновидения, я задержусь на этом на момент, чтобы обратить внимание на работу ума, связывающую то, что я назову *первоидеями*, посредством того, что я буду называть *второидеями*, или вспомогательными. В сочинении подобном этому, которое я пишу без иного намерения, кроме как пролить то тут, то там немного света, отступление от главной темы никогда не помешает, при условии, что оно уместно.

Признав, что стихийная работа воображения и памяти, или некоторые случайные обстоятельства могут одновременно вызывать много идей, ассоциированных различными связями, о которых мы только что говорили, и о которых нам ещё предстоит говорить, нужно ещё, чтобы ум взял на себя заботу по спайке их посредством звеньев – *идей второго порядка*, которые, к тому же, сами вызываются по закону *сродства*. В приведённом выше сновиде-

нии, одно воспоминание, вызванное внезапно ощущением моего обоняния, резко ввело образ г-на Д... и молодой натурщицы (сопряжённые друг с другом представления) в гущу сновидения, с которым эти два персонажа не имели никакой логической связи, поэтому инстинктивное чувство необходимости причины тотчас же заставило меня вообразить события, способные объяснить их вторжение.

¶Так, *первоидеями* я называю здесь: 1) идеи обеденного зала с его обитателями (мои друзья из Виварэ); 2) идеи о г-не Д... и его спутницы (прямые воспоминания о мастерской). *Второидеями* здесь будут: введение новопривыкших слугой, история с перевернувшейся каретой и т.д. и т.п.

¶Причину тех необычных чувств, которые человек испытывает в некоторых сновидениях, часто является сближение, осуществляемое вспомогательными идеями, первоидей, которые совершенно ничем не связаны между собою. Заметим, например, что появление этой обнажённой девушки в обеденном зале ничуть меня не удивило, и, как мне показалось, не больше шокировало и серьёзных членов семьи моего друга. Невероятные аномалии, объяснение которых вытекает сразу и из того, что было сказано, и из другой психологической особенности сна, не менее интересной, чтобы не упомянуть о ней, а именно, что образы, приходящие нам на ум в сновидении, редко когда производят другие впечатления, чем те, что мы испытывали тогда, когда они записывались в нашу память впервые. Эта девушка была составной частью воспоминания о художественной мастерской – места, где нагота натурщицы не вызывала удивления, я увидел её таковой, какой я видел её тогда, не удивляясь. Что до сближений, проистекающих из ситуации, я тоже им не удивляюсь. Человек в сновидении не сравнивает, не размышляет о природе своих впечатлений, кроме как когда он имеет чувство [=осознание] со-

стояния, в котором он пребывает; или же, когда им достаточно сильно овладела какая-либо мысль, чтобы остановить на мгновение эти образы. В противном случае, ум позволяет этим образам развиваться со скоростью мыслей, которыми они определяются, да и сами мысли следуют друг за другом тогда слишком быстро, чтобы хватило времени задуматься над ними. Вот почему давно умершие люди сняты нам и вовлекаются в наши самые недавние занятия, не вызывая у нас ни малейшего смущения, даже когда мы смутно чувствуем, что они больше не существуют.

Ещё реже ум задумывается над вторичными идеями, которые являются уже продуктом какого-то инстинктивного размышления. Также, разве не имеют они иногда характер тех банальностей, которые ускользают от нас в состоянии бодрствования во время праздного разговора.

Вторичные идеи, вместо того чтобы предлагать себя, как в предыдущем примере, простым и непосредственным способом, могут также создавать фантастические композиции, такие, с какими мы встречаемся в следующем сневидении:

«Мне снилось, что я нахожусь в своём рабочем кабинете, занятый расстановкой книг; одна из этих книг подвигла меня задуматься о книготорговце, который мне её продал; этот торговец напомнил мне о кардинальской шляпе, выставленной в магазине шляп, расположенном на углу от этой книжной лавки; эта шляпа напомнила мне, в свою очередь, переплёт одной прекрасной рукописи в руках кардинала Мазарини, которой я недавно восхищался. И вот мне снится, что ко мне зашёл книготорговец с кардинальской шляпой на голове, и что он принёс мне ту самую рукопись, предлагая её купить за такую-то цену.»

Здесь легко прослеживается ассоциативная связь ме-

жду четырьмя *первоидеями*: 1) взятая мною книга; 2) продавшей мне её книготорговец; 3) кардинальская шляпа; 4) книга, на переплёте которой была изображена кардинальская шляпа. Образы книги, книготорговца, шляпы и рукописи имели, таким образом, все непосредственные основания, чтобы появиться у меня в уме. Но мне также снилось, как стучат в мою дверь; как эта дверь открывается; я вижу кардинальскую шляпу на голове книготорговца; как этот торговец предлагает мне рукопись, и просит за неё, насколько я помню, две тысячи франков. — Вот идеи, которые я называю *вторичными*. Они относятся к *идеям первичным*, в некоторых сновидениях, почти как фактура рифмованного отрывка относится к рифмам, наложенным зараннее.

Эта бросакая разница существует также и между теми *первичными* и *вторичными идеями*, когда первые могут быть вызваны стихийными или искусственными физическими причинами, такими как звук, прикосновение, запах, и также действием воли, тогда как другие всегда являются продуктом инстинктивной деятельности нашего ума.

Раз уж я сделал такое большое отступление по поводу некоторых составных элементов сновидений, которое очень полезно знать, если мы хотим попытаться проследить за рациональной цепью идей, я не могу его закончить, чтобы не упомянуть ещё об одной причудливой иллюзии ума, которая создаётся при обстоятельствах, точно аналогичных тем, примеры которых нам предоставляют последние упомянутые мною сновидения; т.е. когда имеется внезапное введение в гущу какого-то сновидения нового элемента, предоставленного какой-то случайной причиной, как то духи, пролитые на мою подушку во время моего сна.

В момент, когда быстрое и неожиданное вмешатель-

ство этих духо́в заставило меня внезапно увидеть себя во сне в горной стране в сопровождении художников и друзей, мой ум был занят каким-то совершенно другим сновидением, ход которого неизбежно подвергся более-менее полному изменению; и всякий раз, когда подобное событие будет иметь место, определённно, произойдёт то же самое. Итак, хорошо поразмыслив, мы заключаем: если внезапно вызванные идеи могли бы слиться с текущим сновидением, то ум не замедлил бы осуществить это слияние (хорошо или плохо); если же это слияние оказывается слишком трудным и, прежде всего, если это новое ощущение внедряется в бессюжетное сновидение, то будет иметь место внезапное изменение картины, стирание всего предшествующего, и освобождение места новому кругу идей. Наконец, если, благодаря своей живости или своему характеру, это внезапно воспринятое ощущение требует для поддержки *первичной идеи*, которую оно порождает, целую вереницу *вторичных* идей, то мы увидим как в уме осуществляется какой-то вид ретроспективных иллюзий, в результате которых нам снится последовательность определённых образов и событий в логическом порядке их возникновения, тогда как наше воображение, наоборот, будет вызывать их в обратном порядке их естественного хода, восходя от конца к началу, подобно тому, когда бегло просматривают какую-то книгу, начиная с последней главы и заканчивая введением.¹¹⁵

---

¹¹⁵ Точно так же считал и П.Д.Успенский. Впрочем есть и другая трактовка, принадлежащая Джону Данну, а именно: в состоянии сновидения сознание способно видеть непосредственное будущее. Сам Данн приводит много сновидений, в которых ему снились события завтрашнего дня, и редко – более отдалённые события. О таких сновидениях у себя упоминает также и Оливер Фокс. Данн считает, что материалом для всех сновидений являются реальные события жизни человека, как прошлые так и будущие. Иначе говоря, человек во время сна пережи-

¶ Поясним это примером: Меня укусил комар, и мне приснилось, что я сражаюсь на дуэли и мне пронзили шпагой руку. Но мне не приснилось, что я получил этот удар шпагой ни с того ни с сего, т.е. без определённого рода приготовлений. Итак, всё началось со ссоры; мне нанесли какое-то оскорбление, или же это я сам кого-то спровоцировал. Вмешались друзья; была предложена и принята дуэль; были оговорены условия и исполнены все приготовления. Наконец, скрестились шпаги, и только после всех этих предварительных событий, я почувствовал, как острое лезвие пронзает мне руку. Однако, очевидно, что прямая и непосредственная причина этого сновидения – укус комара – сообщила мне идею получения удара шпагой тотчас же, через аналогию ощущений и без какого-либо перехода. Та ссора, сбежавшиеся друзья, подготовка к схватке, которые, как мне казалось, приснились сначала, являются, таким образом, ничем иным, как *вторичными идеями*, следствиями *идеи первичной*, которые не могли существовать до того, как *первоидея*, за которой они последовали, сама возникла от непредвиденного случая.

¶ Как что же всё-таки произошло в моём уме?

¶ Как только внезапно была вызвана *первичная идея* удара шпагой, я немедленно, посредством цепи *вторичных идей*, представил себе различные обстоятельства, которые могли бы привести меня к получению такового. *Сначала я* увидел в руке шпагу; *затем я* подумал о секундантах, которые должны были у меня быть, *затем* о происшествии, которое могло бы привести к этой схватке, и т.д. и т.п. И всё это, что я себе так представлял, восходя ходом идей к

вает реальные, но искажённые воображением, события своей собственной жизни, а не иллюзорные события, составленные из материала, хранящегося в памяти, как обычно считают. См. его книгу «Эксперимент с временем». – прим. И.Х.

их источнику, последовательно рисовалось перед глазами моего ума со скоростью мысли (т.е. почти мгновенно), я оказался игрушкой иллюзии, которая не могла быть не без какой-то аналогии с теми оптическими постановками, когда глаз, обманутый сочетаниями, находящимися за пределами обычных законов зрения, видит на переднем плане объекты, в действительности находящиеся в глубине картины; я представил себе, что увидел во сне все эти вещи в логическом порядке их следования, тогда как самая удалённая от развязки идея была, в отличие от той, что приснилась мне последней, той, что возникла в момент самого пробуждения, когда эта развязка внезапно меня разбудила.

Сновидения, в которых снится прохождение через какие-то мучительные испытания почти всегда сопровождаются подлинным чувством страдания, как также и те, которые носят чувственный характер, не возникают без того, чтобы мы не испытывали ощущений, связанных с их бурными образами. Это согласие между причиной и следствием имеет место в совершенно различных условиях. То это мысль, которая предшествует ощущению. То это ощущение, предшествующее мысли. То это образы представляются уму сновидца, вызванные естественным ходом его идей и оживлённых иллюзией сновидения, и заставляют его сновидеть, что он действительно испытывает ощущения, находящиеся в связи с теми, которые он представляет. То ощущение, порождающее идею причины, которая могла бы к нему привести; в этом случае и возникает то явление ретроспективной иллюзии, которое я только что описал.

Конечно, не всегда легко установить, к какому из этих двух источников следует отнести мучительное или страстное сновидение. Род сновидений, которые Гораций не боялся воспевать в своём путешествии в Брундизий, являются очень характерными примерами той двойной ини-

циативы, попеременно осуществляемой ощущением над идеей или идеей над ощущением.

Условия относительной изоляции, тепло мягкой постели, влияние плотного ужина, прикосновения или раздражающие запахи, одним словом, материальные причины возбуждают в нашем организме (когда мы сновидим) ощущения, связанные с эмоциями того класса, о котором идёт речь. К этому приводит автоматическая работа порождающих функций; она разрабатывается тихо, ни изменяя, ни прерывая сначала ход существующего сновидения. Настаёт момент, однако, когда сила нервного позыва становится такой, что ум больше не может оставаться чуждым тому, что происходит в теле человека. Именно тогда он начинает сразу же представлять себе видения, которые происходят в связи с так сильно переживаемыми ощущениями; именно тогда возникает явление *ретроспекции*. В таких случаях попытайтесь схватить цепь ваших идей, восходя от последней иллюзии, которая у вас была, до тех, которые, кажется, её подготовили, и вы очень скоро найдёте решение непрерывности, критерия этих видов сновидений.

Например, мне снится, что я играю в бильярд в деревне с одним из своих соседей. Я сосредотачиваю всё своё внимание на трудном карамболе, но через мгновение, скрытые и стихийные движения моего организма спровоцировали появление какого-то образа, связанного с их позывами, и внезапно передо мною появляется одна молодая и очаровательная женщина, которая сводит сновидение с бильярдом на нет и вызывает скорое пробуждение. Едва проснувшись, я обращаюсь к моим воспоминаниям. Я ещё вижу эту молодую женщину в её наряде, в спальне помпезного стиля. Кажется, я вспоминаю, что *перед тем* как попасть в эту комнату, я прошёл через несколько безлюдных комнат в таком же стиле и в таком же богатом убран-

стве; до этого я обманул бдительность одного старого швейцара-негра, дремавшего возле какой-то урны античной формы; ещё до этого я был на небольшой безлюдной улице; но здесь моя память полностью изменила мне: я не мог объяснить себе, как я попал на эту улицу, что было раньше. Раньше был только бильярдный зал и жаркая партия с моим соседом. Именно здесь имеется разрыв. Начинание последнего сновидения всецело принадлежит тому стихийному ощущению, тогда как его кажущийся ход – области *ретроспекции*.

¶ При других обстоятельствах, наоборот, никаких предрасположенностей к сновидениям этого сорта не встречается. Одно только воображение должно будет в свою очередь вызвать игру органов шестого чувства [воображения], если бы они вышли из своего покоя.

¶ Возьмём один из пятнадцати примеров:

¶ Проснулся под впечатлением сновидения, полностью аналогичного предыдущему своей развязкой. Я так же пытаюсь пройти по цепочке идей, которые последовательно занимали мой ум. Сначала я вспоминаю, что до того как я приблизился к возникшей миловидной женской фигуре, я, кажется, увидел её среди скопления нарядных людей, в саду, где танцевали. Я восхожу дальше: я вспоминаю, как ехал по железной дороге с одним из своих друзей на бал, проходящий под открытым небом; как один незнакомец, сидящий возле меня, противоречил нам всю дорогу, убеждая нас, что мы ошиблись днём недели; как перед этим у меня был спор, из-за какого пустяка я не знаю, с одним железнодорожником; и множество мелких обстоятельств, предшествовавших нашему вхождению в вагон, также всплыли у меня в памяти. Я мог бы зайти ещё и дальше (у меня имеется пятнадцать наблюдений сновидений такого же рода, когда нить ассоциаций идей тянется

так же долго); но идти дальше нет никакой необходимости; достаточно констатировать, что ассоциации идей вполне естественно и без перерыва ведут мой сновидящий ум к тому чувственному эпизоду, чтобы имелось очень веское предположение, что, с этих пор, приоритет принадлежит идее ощущения.¹¹⁶

¶ сказал очень веское предположение, а не уверенность, потому что абсолютная уверенность всегда является чем-то уж очень деликатным в такого рода материях, а также и потому, что может так случиться, что некоторые физические предрасположенности, не будучи достаточно сильными для того, чтобы непосредственно определить какой-либо страстный кризис в организме, тем не менее, возымеют достаточно власти над всей машиной человека в целом, чтобы повлиять на ассоциации наших идей и, следовательно, на те картины наших сновидений, которые поражают воображение.

¶ Но каковы бы ни были эти суждения, достаточно второстепенного практического интереса, два частных класса сверхчувственных сновидений остаются в наличии: 1) сновидения, когда ум внезапно подвергается иллюзии, вызванной стихийной работой какого-либо органа; 2) сновидения, когда ум сам пускается в какой-то порядок идей, которые затем вызывают органические движения. С чисто физиологической точки зрения, это различие кажется мне уже любопытным, чтобы указать на него. С точки же зрения патологической, оно, как мне представляется, имеет весьма реальную важность. Вообще-то, ввиду слишком частого повторения некоторых сновидений, если удаётся

---

¹¹⁶ Разумеется, никогда не следует упускать из виду случайность при такого рода анализе, когда ум маскирует реальный разрыв в последовательном ходе сновидения посредством точки спая, искусно им создаваемой. – прим. автора.

установить, что их причина целиком в организме, медицина будет обвинённой, что ей главным образом надлежит это лечить. Если же, наоборот, доказано, что это воображение постоянно берёт инициативу, обретает привычку знать в сновидении, что сновидим, определённо станет надёжнейшим средством для избегания таких неприятных событий сна.

Тот, кто видит сны с сознанием своего состояния всегда может направлять, обуздывать или изменять ход слишком распутных идей. Даже в случае чувственной неожиданности, он, быстрым усилием воли, сумеет овладеть собой и сразу же подавить произвольное движение, о котором предупредит какое-нибудь мгновенное откровение.

Удивительным остаётся то, что Моро (де ла Сарт) и ему подобные писатели, которые указали на прямое и немедленное действие, оказываемое на наши сновидения различными случайными физическими причинами, примеров которых они приводят во множестве, даже не заметили, до какой степени цитируемые ими факты опровергаются с самого начала все законы логики и требуют быть объяснёнными.

И возвращаюсь к своим экспериментам над различными средствами воздействия на сновидения. Я уже сказал о том чего добился с помощью различных духов, вызывая определённые ассоциации идей. Эффективность этих духов – моих первых агентов – кажется стала ухудшаться по мере их повторного использования, так что я подумал поискать средств в чувстве слуха, как я их уже нашёл в чувстве обоняния.

В то время я много крутился в светском обществе. Был сезон балов, и их было предостаточно. Виденное

мною общество было достаточно однородным; в него входило несколько молодых женщин, с которыми я танцевал почти каждый вечер. С другой стороны, я был в хороших отношениях с одним дирижёром одного популярного оркестра, которого, кажется, ни одна устроительница бала не могла пропустить. Я решил воспользоваться этими обстоятельствами, и вот какой новый эксперимент я задумал. Выбрав заранее *двух дам*, видеть во сне которых доставило бы мне особое удовольствие, и *два вальса*, музыка которых носила яркий оригинальный характер, я договорился с дирижёром оркестра (который, впрочем, совершенно не подозревал о моих намерениях), чтобы тот неизменно играл один или другой из этих двух вальсов, и каждый раз я должен был танцевать с одной или другой из этих двух дам, с каждой из которых я с этих пор специально соотносил одну из этих двух музыкальных композиций. Затем я направился в переулок Кольбер, где, как я знал, находится магазин музыкальных шкатулок, и попросил одну, которая могла играть оба этих вальса. Таким образом, моя память получала те впечатления, которые я ей приготовил. Вальсы одной популярной танцовщицы объявлялись немного заранее, и я всегда давал свои указания оркестру в удобную минуту, и я получал двойной результат: постоянно танцевать один и тот же вальс с одной и той же дамой и никогда не танцевать этот же вальс с другой женщиной. Я так настаиваю на этом моменте, потому что это было необходимо для успеха моего предприятия. Неизменные совпадения, которые я создавал, не могли остаться незамеченными теми, кто невольно участвовали в моих экспериментах; но я был настроен решительно продолжать, и ничто не могло меня остановить.

Сезон балов подошёл к концу, моя память была достаточно подготовленной и в моём распоряжении была музыкальная шкатулка, ещё я купил один будильник, тради-

ционный звонок которого я убрал, а его механизм приспособил так, чтобы он запускал эту музыкальную шкатулку во время, выставленное на его циферблате. В тот же вечер я выбрал одну из двух мелодий, установил стрелку этого прибора на утренний час, подходящий к задуманному эксперименту; затем, я положил так настроенный прибор в соседнем с моей спальней кабинете, и лёг спать в обычный для меня час. Чтобы быть искренним, должен признаться, что в эту первую ночь я не добился никакого успеха. Но не трудно было догадаться, что это было связано с моею оказавшейся пагубной предосторожностью, а именно: что я запер дверь, соединявшую мой кабинет и мою спальню¹¹⁷ (боясь пробудиться от слишком сильного звука), так как, начиная с завтрашнего дня, когда я возобновил эксперимент и до совсем недавнего времени, когда я его снова повторил, эта музыка всегда вызывала в моих сновидениях соответствующее воспоминание, и как следствие, соответствующий мыслеобраз, безотказной формулой вызывания которого она стала.

Следует заметить, что именно воспоминание человека, а не общей картины, было сопряжено в моей памяти с восприятием музыкального мотива. Совсем не обязательно на балу, ни даже в бальном костюме, я видел эту даму, вызванную этой мелодией; всякий раз новые второстепенные идеи заставляли её войти в мир моих сновидений, в гущу самых разнообразных событий.

Вторая мелодия моей музыкальной шкатулки производила не меньший эффект, чем первая. Я использовала её подряд аж до восьми раз. После чего, я впал в путаницу, подобную той, к которой привело увеличение числа аро-

---

¹¹⁷ Какие предосторожности этого сорта предпринять зависит, естественно, для каждого от его слуха, глубины сна и т.д. – прим. автора.

матов. И точно так же я был вынужден остановиться, ещё раз признав, что всё, что связано с человеческим организмом, ограничено по сути. Но если обоняние и слух являются двумя чувствами, которые наилучшим образом могут исполнять функции наблюдателей в такого рода экспериментах, то посредством других чувств можно получить не меньшие результаты. Когда процедура уяснена, каждый сможет видоизменить её, исходя из своих склонностей и своей фантазии. Приведу ещё два заключительных факта, из шестидесяти трёх мною записанных. Один относится к чувству осязания; другой касается чувства вкуса.

«Я легко поранил себя в большой палец правой руки, что мне сильно мешало писать; давление пера приводило к настоящей боли. Два или три раза, во время сна я клал свою руку таким образом, что мой палец чувствовал боль и я просыпался. Каждый раз я признавал, что мне снилось, как я сижу за своим столом с пером в руке.»

Другой вспоминаемый пример, которым я обязан своему чувству вкуса, оказался одним из тех, которые также доказали мне, что воображение умеет в наших сновидениях преобразовывать в кажущуюся [трёхмерную] реальность воспоминания какой-либо картины, статуи, или даже простого рисунка. Я думал, что какой-нибудь красочный отрывок, выбранный среди трудов некоторых великих поэтов и богатый на соблазнительные образы, будет тем, который подойдёт наилучше для решающего эксперимента. Все эти условия, которых я искал, показались мне объединёнными вот в этом замечательном отрывке из *Метаморфоз* Овидия:

Первыми стали они торговать красотой телесной.
Стыд потеряли они, и уже их чело не краснело:
Камнями стали потом, но не много притом изменились.

Видел их Пигмалион, как они в непотребстве влачили
Годы свои.

.....
.....уста прижимает
Он наконец, к неподдельным устам, – и чует лобзанья
Дева, краснеет она и, подняв свои робкие очи,
Светлые к свету, зараз небеса и любовника видит.

И читал и перечитывал этот очаровательный отрывок, и вместе с одним художником из среды моих друзей, который, так же как и я, ценил все его нюансы, я попытался набросать на холсте композицию, которая отвечала бы тому, на что он нас вдохновлял. Во всё время этой работы я позаботился о том, чтобы держать у себя во рту небольшой кусок корня ириса, который я до сих пор никогда не пробовал на вкус. Дальше можно догадаться; поскольку я использовал в точности те же процедуры, о которых уже рассказывал; т.е. во время сна и без предупреждения заранее о ночи, когда этот эксперимент произойдёт, частью выше указанной специи было проведено между моими губами.

Итак, вот дословная выдержка из моего журнала – пересказ имевшего место сновидения:

«...Мне снилось, что я был в фойе Французского Театра в вечер генеральной репетиции. Там я встретил мадмуазель Августину Броан, которая объяснила мне, что они репетируют новую пьесу, автором которой был г-н Жюль L... (имя моего друга–художника), и что пьеса эта называлась *Астарбе*¹¹⁸. Роль Астарбе должна была играть мадмуазель X..., тогда как на D... была возложена роль Телемаха, а В... должен был играть роль туринского капитана. Как только она мне это сказала, я увидел, как в фойе входит мадмуазель X... в костюме, который настолько трудно было бы принять комитетом театра, насколько он был со-

---

¹¹⁸ Астарбе – название трагедии французского драматурга Колардо на сюжет «приключений Телемаха». – прим. И.Х.

блзнительным. Этот костюм состоял из розового муслинового шарфа, усеянного маленькими золотыми цветками с янтарным и жемчужным ожерельем, на котором висели цветные камешки. Браслеты античной формы окольцовывали её руки, а её бёдра украшала тонкая повязка. На её пальцах сверкали сапфиры. Её красота была поистине совершенной и в её белокурых волосах, как мне показалось, я увидел отблеск солнца. «Как поживаете?» – спросила она, приближаясь ко мне...»

Продолжение этого сновидение здесь не представляет интереса; но этот отрывок заслуживает того, чтобы его проанализировать. Разве не очевидно, что вкус ириса внезапно вызвал в моём уме идеи, которые я сделал с ним сопряжёнными, и образ статуи Пигмалиона, такой какой мы её представили себе и зарисовали, мгновенно родился и ожил пред очами моего ума? Голова этой статуи, как мы её нарисовали, имела некоторое сходство с мадмуазель Х... Отсюда эта ассоциация идей, которая подвигла меня увидеть во сне эту самую мадмуазель Х..., и которая совершенно естественно привела меня в фойе Французского Театра. Но возможно ли видеть во сне Французский Театр без того, чтобы не возникла мысль об Августине Броан? Поэтому я подумал об этой выдающейся артистке; и тотчас же я её увидел, и она стала видимым переводом моих собственных идей. Итак, эти идеи, по какому пути они пошли? Идея Пигмалиона, уже возникшая, повлекла за собой воспоминания того знаменитого романа Фенелона, который предоставлял мне материал более чем одной латинской темы в моём детстве. Затем в моей памяти всплыли Астарбе, Телемах, Адраст и благодаря вторичным идеям, механизм которых я изложил выше, я сделал из них персонажей трагедии, роли которой я сразу же распределил между актёрами театра, в который я был перенесён. О статуи Пигмалиона вопросов больше нет, так как эпизод романа-

поэмы, в который я себя перенёс, совсем не упомянут; но речь идёт об этой Астарбе, хозяйке Пигмалиона, исключительно красивой. Итак, мадмуазель Х... стала Астарбе, полностью оставаясь тождественной с мыслеобразом, вызванным кусочком ириса, который в одночасье является и источником и основанием сновидения, который, так сказать, оторвался от холста, на котором мы его нарисовали, и который наконец появился весь украшен дарами, которыми она обязана римскому поэту:

То он ласкает ее, то милые девушкам вещи
Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков мелких,
Птенчиков, или цветов с лепестками о тысяче красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева павших слезинок
Дев Гелиад. Он ее украшает одеждой. В камня
Ей убирает персты, в ожерелья – длинную шею.
Легкие серьги в ушах, на грудь упадают подвески.
Все ей к лицу. Но не меньше она и нагая красива.
На покрывала кладет, что от раковин алы сидонских,
Ложа подругой ее называет, склоненную шею
Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать может!

Нет сомнений, что солнечный луч был там как след своего небесного источника; и что до того осложнения, что мой товарищ из художественной мастерской оказался автором пьесы, в которой должна была фигурировать эта ослепительная актриса – это дополнительное обстоятельство, которое легко объясняется ассоциацией идей.

Тот, кто соизволил следовать с некоторым вниманием за только что проделанным анализом, сможет увидеть в этом сновидении ещё и явление ретроспекции, объяснённое выше. Идея статуи Пигмалиона необходимо возникла первой. Её отождествление с мадмуазель Х... произошло только во втором порядке; и если мне затем приснилась Августина Броан, то только потому, что идея о мадмуазель Х... привела меня уже в фойе Французской Комедии. Однако, я представил себе эти идеи в их логическом порядке,

т.е. в обратной последовательности к той, в которой я их на самом деле воспринял.

Из того что было сказано, и из того, что каждый волен провести сам подходящий эксперимент, можно заключить, я думаю, что искусственно связывая определённые идеи с определёнными ощущениями можно воспользоваться этим искусственным сопряжением, чтобы ввести в сновидения элементы, которые будут подготовлены нами самими. Только не надо упускать из виду то, что есть два существенных условия, необходимые для того, чтобы эти средства воспоминания были эффективными: первое – выбирать новое для себя ощущение; второе – никогда не вызывать его вне желаемых обстоятельств, что может нейтрализовать его силу.

Наконец, из этих наблюдений можно извлечь одно замечание, которое, хотя уже и было приведено, тем не менее, будет не бесполезно напомнить. В последнем приведённом сновидении, в ему предшествующем и во многих других ум оказывается вдруг приведённым к какой-то идее через посредство какого-то ощущения и это при том, что это ощущение, кажется, не оказывает на неё прямого воздействия, поскольку о нём не остаётся никакого воспоминания. Поясняю: рана на моём большом пальце случайно была задета во время моего сна. Это привело к сновидению, в котором мне снилось, что я был погружён в занятие, связанное с этим страданием; но сама боль в моём сновидении не была представлена никаким *прямым* восприятием. Вкус пряного корня вызвал сказочный образ; но лишь проснувшись, моё небо *прямо* засвидетельствовало мне присутствие маленького кусочка ириса в моём рту. Какое-либо физическое ощущение, которое слишком слабо, чтобы заявить о себе прямо, может, однако, оказывать воздействие на ход наших идей и, таким образом, проявляться.

В каком последствии, повторим мы, должен этот факт привести в практической физиологии, в медицине и, в особенности, в вопросах предчувствия!

О переходах, осуществляющихся в сновидении посредством абстракций, построенных умом.

Вот ещё одна тема, которая могла бы занять место в главе о воображении и памяти, если не заслужила бы, по причине своей относительной важности, быть исследованной отдельно.

С первого же параграфа этого труда я говорил об абстрагированиях, и влиянии этих операций ума на ход и ткань сновидений. Прежде чем погрузиться в аналитические подробности, которые предполагает этот вопрос, я считаю не бесполезным изложить кое-какие новые соображения, которые смогут прояснить те наблюдения, которые я успешно провёл.

Для начала, остановимся на смысле, который мы вкладываем в этот термин – *абстрагирование*.

Наделённый пятью различными орудиями для восприятия предметов, которые попадают в сферу действия его чувств, человек может естественно составлять из каждой вещи более-менее сложную идею, в зависимости от одной, или многих, или даже всех средств восприятия, участвующих в её образовании. Когда человек воспринимает звезду, то чувственное понятие, которое он получает о ней, очевидно, является простым понятием, так как здесь участвует одно только зрение. Когда он держит в своих руках апельсин, который он сжимает, подносит к своему носу, затем к губам, то он с этого момента получает об этом предмете идею намного сложнее, чем он мог бы получить, поскольку при этом были задействованы все его

орудия восприятия. Означает ли это, что все свойства тела мы будем знать в совершенстве только тогда, когда это тело будет подвергнуто исследованию нашими пятью чувствами? Конечно же нет. Предметы, которые мы знаем в пяти отношениях, по числу наших чувств, должно быть, вероятно, воспринимаемо бесчисленным множеством способов, совокупность которых составило бы это абсолютное знание вещей, которое принадлежит одному только творцу. Так, на какой-нибудь планете могут существовать существа, наделённые сенсорными аппаратами настолько отличными от наших, что способ, каким одна и та же вещь будет восприниматься ими или нами, не будет иметь ничего общего. Но если мы совсем не можем представить себе понятия, которые происходят от работы органа чувств, совершенно отличными от всего того, чем мы обладаем, то нам легко по крайней мере рассматривать отдельно простые идеи, которые происходят для нас от частного действия каждого из наших чувств, в общей идее, которую мы извлекаем из каждого предмета. Если взять, например, тот апельсин, о котором я только что говорил, то я могу рассмотреть *отдельно* идею его формы или его цвета, идею его консистенции или его запаха, и, будучи так рассмотрены, эти идеи становятся тем самым *абстракциями*.

Зрение и осязание дадут место, впрочем, многим различным абстракциям в огромном числе случаев, так же как и определённые абстракции будут участвовать как-то в этих двух объединённых чувствах, свидетельствуя сферическую форму апельсина.

То, что имеет место на физическом плане в отношении чувственных представлений, создаётся на плане душевном, если не по тождественным процедурам, то по крайней мере аналогичным способом, в том что касается добрых или плохих качеств, которые мы сохраняем отдельно.

Наконец, абстракция сможет соотноситься с какой-то деталью, которую ум отделит от всего комплекса, к которому она принадлежит, кольцо ключа, например, ручка двери, фонарь кареты, штемпель буквы и т.п.

Абстракции образуют самые обычные связи наших представлений, как в состоянии бодрствования, так и в состоянии сновидения; эта огромная разница существует всегда между их воздействием на представления бодрствующего человека или на представления спящего, что у первого осуществляется простая последовательность представлений – ум переходит от одной темы к другой, ничего не смешивая ни спутывая – тогда как под воздействием сна и благодаря непосредственному появлению образов, сопряжённых с каждой мыслью, часто осуществляется настоящее сплавление или смешение между двумя представлениями, которые сближает данная абстракция; откуда происходят эти бессвязные и эти чудовищные и такие разнообразные сновидения, несколько примеров которых мы сейчас рассмотрим и попытаемся проанализировать.

Абстракции качеств чувственного порядка.

Зрение – главное из наших чувств. Подавляющее большинство наших запоминаний вошли в нашу память через глаза; так что будет вполне естественно, что абстрагирование видимых объектов ум будет делать наиболее часто.

Не будем забывать о той способности, которую мы должны признать за воображением, а именно, способности видоизменять определённым образом отпечатки в памяти; тогда мы сможем понять следующие сновидения:

«Мне снилось, что меня хочет укусить маленькая бешеная собачка, которая затаилась передо мною в форме

калачика. Я наступил ногой ей на голову, а затем я её *катал* под своими ногами; абстракция её формы заставила меня увидеть во сне настоящий калачик; это абстрактное представление калачика привело меня к тому, что я увидел, что катаемый мною предмет не что иное, как большая флейта, и тогда, вместо визга собаки, я услышал под своими ногами звуки музыки, что меня заставило увидеть тотчас же, что я присутствую на деревенском празднике, живая картина которого не замедлила появиться.»

Ничего более бессвязного, на первый взгляд в этой серии образов; ничего более логического, как только понятия связи между этими представлениями.

Следующие переходы кажутся мне не менее лёгкими в объяснении:

«Мне снилось, что я выхожу из квартиры одного друга, который проживает очень высоко, и мрачная и витая лестница поистине напоминает колодец. Все сравнения основаны на абстракции одного общего качества. Сравнение, осуществляемое у меня в уме, этой лестницы с колодцем заставило меня сразу же увидеть во сне, что я спускаюсь в колодец. Достигнув дна и увидев прозрачную воду, я забыл о маршруте, которым я сюда попал. Над моей головой сияло небо. Мне снилась школа плавания.»

Одно сновидение¹¹⁹, которое я уже приводил в связи с другим кругом идей, найдёт совершенно естественно здесь своё место, так что я не буду его повторять; это о той молодой даме, которой снилось, как подают на стол в качестве жаркого одного жирного её знакомого, и которая не испытала ни удивления ни отвращения, когда ей предложили кусок. Для меня нет сомнений, что сначала ей долж-

---

¹¹⁹ См. стр. 167– прим. автора.

но было бы присниться, как ей подают индюка или какую-нибудь другую жирную птицу. Тогда, обозревая эту тучность, она сделала абстракцию этого качества, затем она соотнесла её с тем самым жирным человеком, образ которого тут же заместил образ птицы.

Чувство схожести проистекает из абстракции внешних форм. Одному моему другу приснилось, как он с любовью прижимает к своей груди одну девушку. Вскоре он с ужасом стряхнул сон, как только понял, что обнимает мальчика. Проснувшись, он начал рыться в своей памяти и вспомнил, что уже замечал в реальной жизни большую схожесть между двумя людьми, воспоминание о которых возникло у него в сновидении, и замена которых сразу же осуществилась.

Статуя, которая нам снится, может стать живым человеком благодаря той же игре памяти; или же человек, с которым мы беседуем, превращается в статую, если его поза или его вид напомнит нам какое-то изваяние, образ которого пребывает в нашей памяти.

Очень яркая луна легко приводит, как переход по подобию, к идее дня и солнца.

Говоря о постепенных преобразованиях, которые может осуществлять воображение, я привёл один художественный вымысел Грандвилля, который нарисовал серию абрисов, начиная с абриса одной танцовщицы и заканчивая абрисом катушки [для ниток]. Кажется, это было воспоминанием какого-то сновидения. Одно такое я нахожу в своих тетрадах, где встречается такая же цепочка мыслеобразов:

«Я пытался что-то вспомнить, что-то, о чём я только что думал, и об ускользании чего из моей памяти я сожалел. Это что-то, кажется, было квадратной формы, по

крайней мере эта простая абстракция пребывала у меня в уме. Тогда я увидел, как передо мною пробегает с чрезвычайной скоростью весь ряд небольших предметов более-менее квадратной формы, как то: пресс-папье, фаянсовая плитка, игральные карты, пачка конвертов, коробка спичек и т.д. вплоть до появления предмета, которым, наконец, оказался маленький портрет, который я был должен вставить в раму. Проснувшись, я спрашиваю себя, не даёт ли нам это практическое наблюдение ключ к тому способу, каким обычно действует память, когда мы её напрягаем, чтобы извлечь из неё определённые воспоминания, которые оставили в ней лишь слабый след своего пребывания в нашем уме.»

Впрочем, совсем не обязательно преследовать какое-то воспоминание, чтобы этот сорт видений произошёл в сновидении; достаточно чтобы ум был в один из таких моментов заторможенности достаточно обычным во время сна, когда, не заботясь о каком бы то ни было углублении в вещи, он довольствовался бы поверхностным обозрением. Вот почему плотная толпа, чьи головы обращены на какое-то зрелище, преобразуются, например, в ромашковое поле, затем в большую мозаику, равномерно усеянную медальонами.

Но чувству зрения или же к чувству слуха мы относим абстракции, основанные на подобии слов. Из этого предложения может возникнуть серьёзный философский вопрос, если я попытаюсь это исследовать с точки зрения влияния, какое оказывают буквы письма и звуки речи на движение идей; но у меня нет намерения заходить так далеко. Схожесть ли графических знаков, или схожесть созвучий оказывает воздействие на ум и благоприятствует установлению ассоциаций – я здесь рассматриваю только феномен такого сорта, какой я анализирую, и я согласен с Мори в том, что касается констатации, что очень часто

наши сновидения обязаны ей частью своих быстрых видоизменений.

«Мне снилась комета; выражение *хвост кометы* всплыл из моей памяти, и я увидел звезду с самым настоящим хвостом¹²⁰.»

«При мне позвали горничную, по имени *Розали́*. Мой ум придумал отвратительный и безвкусный каламбур: Я увидел, в сновидении, *постель* [lit, произносится как *ли*] с навесом, шторы и одеяло которой были усеяны *розами*.»

«Я восхищался одной рукописью, написанной великолепным почерком. Я сказал себе, что это *прекрасная рука* [на фр. эта идиома означает *хороший почерк*], и как бы это ни было нелепо, но мне приснилось, что текст был начертан на отрезанной и вновь пришитой *прекрасной руке*.»

«Мне снилось, что я в Тулери. Я заметил одну соблазнительную девушку, к которой я почувствовал такое сильное влечение, свойственное сновидениям, и в которой я встретил согласие вполне естественных чувств, поскольку говорить её и действовать заставляло одно моё воображение. Я спросил её, как её зовут. *Сильвия*, – ответила она мне. Я не знаю по какой ассоциации всплыло это имя, но едва только оно прозвучало, как я оказался в густом лесу, и что сама девушка превратилась в небесную голубую птичку, сидящую на моём плече, не далеко от моего уха и также около моих губ.»¹²¹

Причиной всей этой метаморфозы явилось слово *Сильвия*, но простых этих наблюдений ещё не достаточно.

---

¹²⁰ На фр. вместо «хвост кометы» говорят «волосы кометы», соответственно, он увидел звезду с волосами. – прим. И.Х.

¹²¹ Надо помнить, что Сильвы или Сильфы – сказочные жители леса. – прим. И.Х.

Ещё нужно заметить в этих примерах, как и в последующих, следующие два уже упоминаемых факта, но которые не помешает напоминать всякий раз, когда о них напоминает новый пример. А именно:

1) Для того чтобы ткань сновидения была действительно непрерывной совсем не обязательно, чтобы она была логически последовательной; другими словами, можно резко переходить от одной картины к другой, совершенно отличной, благодаря прямой связи идей, какими бы нелогичными они ни казались; и, как следствие, видимая прерывистость в видениях, составляющих сновидение совсем не доказывает, что имеется настоящее прерывание в их развёртывании.

2) Что ум никогда не удивляется, когда осуществляются переходы в силу ассоциаций этого рода, хотя бы, сквозь эти быстрые изменения, проходила главная идея, которая им владеет и которую он приспособливает к самым нелогичным обстоятельствам.

В последнем из рассказанных сновидений, главная идея – идея девушки – произвела на меня сильное впечатление, так что воодушевление, которое она породила во мне не могло стереться так же быстро как и простые видения. Поэтому я продолжал с нею разговаривать, что я делал с крайней осторожностью, боясь, что она испугается и улетит. Я даже её поблагодарил за такое изменение вида, что позволило нам пребывать дольше вместе без возбуждения неуместного влечения. И когда клюв этой птички проскользнул между моими губами, я убедился в той огромной роли, которую играет воображение в наших радостях, ибо я так ощутил этот страстный поцелуй, как в реальности.

Вкусовые воспоминания, равно как осязательные и обонятельные могут иногда сочетаться со зрительными и

приводить, тем самым, к сложным представлениям, которыми управляет абстракция. Так, мне снится, что я держу фрукт; я подношу его к губам; но у него нет вкуса, и я чувствую, что его плоть жилистая и сухая; я мысленно сравниваю его с комком морских водорослей. Происходит переход – я верчу в своих руках комок морских водорослей.

Такие примеры можно умножать без конца.

Абстракции чисто абстрактного порядка.

Независимо от чисто душевных идей, таких как благородство, жалость, смелость, страх и т.п., и чисто умственных, таких как идеи величины, малости, неравенства и т.п., ум образованного человека имеет дело ещё с огромным числом идей более-менее сложных, проистекающих из условий социального положения, как то: верования, традиции, символы и т.п. Все эти идеи могут дать место таким абстракциям, которые в противоположность абстракциям качеств чувственного порядка, я буду называть абстракциями чисто абстрактного порядка.

Если мне снится портрет святого Петра, например, и если мой ум берётся абстрактно рассматривать *религиозность* сюжета, это может привести к тому, что я перенесу эту идею на какого-то набожного человека из среды моих знакомых, о ком лишь одна эта абстракция заставит меня подумать.

Я произвольно помещу в этот класс абстрагирования одну очень частую в сновидении операцию ума, благодаря которой мы переносимся в ситуацию, которую мы сначала видели вне себя. Так, мне снится ссора между двумя людьми. Я занимаю сторону одного из них; я думаю, что сказать, если бы я был на его месте; и почти в тот же миг я говорю от себя, ибо я заместил личность того, чью сторону

я принял, и из зрителя – я стал актёром.

Я присутствую, в сновидении, при каком-то несчастном случае; положение раненого вызывает у меня глубокую жалость. Я представляю себе, какие страдания он, должно быть, переживает, и теперь уже я являюсь раненым.

Мне снится какой-то криминальный процесс. Я вспоминаю преступление, не думая об убийце, которого я, впрочем, никогда не видел, и о котором у меня нет ни единого представления. Я представляю себе, насколько, должно быть, ужасно иметь на своей совести такой поступок. С этого момента я отождествлён с мучениями того, кто мог это совершить. Если бы это был я! Это уже я. Я убегаю, я боюсь быть узнанным. Я с ужасом вспоминаю все обстоятельства убийства, и чувствую угрызения.

Иногда ум переходит от абстрактных идей к чувственным и наоборот. Вот два тому примера:

«Я вижу в сновидении бюст Наполеона; его неутолимая жажда кровавых сражений абстрактно предстаёт перед моим умом. Затем я вижу поляну, покрытую трупами – картина, которая, в свою очередь, напоминает мне об описании Собора Парижской Богоматери, и вот я перенесён в оссуарий Монфокон¹²².»

Мне снилось, я был на постоялом дворе, где породистые лошади и ломовые кони толклись вокруг водопоя. У меня в уме возникла идея неравенства заботы, уделяемой этим лошадям и налагаемых на них трудов; я тотчас же перенёс эту абстрактную идею неравенства на поведение возле источника воды. Я только что видел устройство для водопоя с четырьмя свинцовыми трубами одинаковых

---

¹²² Монфокон – самое знаменитое место казни в средневековой Франции; оссуарий – место захоронения трупов. – прим. И.Х.

размеров, а теперь эти трубы показались мне все четыре неравной длины.»

Абстрагирование настолько частая операция ума, что трудно, я думаю, при тщательном анализе более-менее продолжительного сновидения не найти много тому примеров. Впрочем, большинство наших сновидений подобны очень сложным химическим смесям. Но цель не в том, чтобы найти все их компоненты, а в том, чтобы отыскать те, которые представляют какой-либо интерес.

ГЛАВА 8

РАЗНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ, ИЛИ ПРОЯСНЯЮЩИЕ НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О различных гипногических видениях. – Новые примеры способа, каким сцепляются идеи, и каким образом сплавляются, преобразуются и замещают друг друга. – Переходы посредством подстановки персонажей очень часты в наших сновидениях. – Они иногда переносят на личность того, кто сновидит, действие, которое он сначала видел вне себя. – Странные и бессвязные на первый взгляд сновидения, которые, однако, объясняются очень легко ранее изложенными принципами. – Главная идея, проходящая сквозь многочисленные вторичные идеи. – Две идеи, идущие бок о бок. – Сюрприз, который может нам доставить, в сновидении, наша собственная память. – Двоедушие. – Логика сновидений. – Иллюзии, от которых трудно защищаться. – Рассказы многочисленных непрерывных сновидений, когда можно применить некоторые принципы, изложенные в этой книге, в том, что касается средств вызывания или уклонения от некоторых видений и наблюдения за собой в сновидении. – Последние извлечения из моих тетрадей, содержащие некоторые отдельные наблюдения.

Но мере моего продвижения в этой работе, я извлекал из дневников своих сновидений наблюдения, которые казались мне наиболее подходящими для освещения тех или иных вопросов, которые один за другим я пытался прояснить. Так что у меня была возможность привести достаточно большое их число, хотя и малое по сравнению с тем количеством, что я собрал. Так что я ещё почерпну из своих тетрадей некоторые рассказы и некоторые замечания, одни – в поддержку уже высказанных замечаний, другие – в отношении тех психических явлений, характер и прояв-

ление которых я установил, но объяснение которым ещё предстоит найти.

Фотография показывает нам сегодня нечто, на что стоит обратить внимание, остаётся ли она недооценённой даже теми, кто ею занимается? Под покровительством Этнографического Общества опубликована галерея фотографий всех типов человеческой расы, с помощью которых физиологи и антропологи, врачи и художники могут сами прийти к этому открытию, благодаря мельчайшей точности воспроизведения. То, что не улавливает глаз одного художника, рисующего с натуры, то, что упускает карандаш другого, то, о чём даже не подозревает изобретатель, придумавший фотокамеру, может показать лучик света для самого зоркого наблюдателя.

Что касается некоторых исключительных сновидений, которые я приведу в точности, но без объяснения, то считайте так: я предоставляю эти рассказы, как фотографии для будущих исследователей.

О видениях первой стадии сна, которые называют гипногигическими галлюцинациями.

Я считаю установленным фактом то, что первые иллюзии сновидения почти всегда являются зрительными галлюцинациями. Как только некоторые люди закрывают глаза перед сном, как сразу же начинают видеть причудливые образы, являющиеся передовым отрядом следующих, более сформированных образов, и также предвещающих приближение сна. То эти галлюцинации представляют вполне конкретные объекты, но немного фантастичные и искажённые, чем они есть на самом деле; то это просто маленькие быстро вращающиеся световые колёса, солнышки, маленькие разноцветные пузырьки, которые поднимаются

и опускаются, или же тонкие золотистые, серебряные, пурпурные, зелёно-изумрудные нити, которые симметрично пересекаются или завиваются тысячью способами с постоянным дрожанием, образуя несчётное множество кружочков, ромбов и других правильных геометрических фигур, весьма похожих на те арабески [узоры], которые украшают византийские картины.

Не из этих видений, которые показывают нам хорошо оформленные объекты, возвращаются на глаза моего ума уже в обычных сновидениях. Что до тех, которые скорее напоминают огни фейерверка, чем воспоминания реальных объектов, то если есть желание изучить законы их образования, необходимо сначала собрать огромное число точно нарисованных фигур, в подтверждение тщательно проведённых наблюдений за тем способом, каким они зарождаются и изменяются. Я взял из своих тетрадей и поместил на форзаце этой книги некоторые зарисовки этого вида. Гамма цветов, которую можно заметить, соответствует ли она серии обособленных колебаний, как музыкальная гамма? Форма регулярных игл (изображённых под №2), не напоминает ли она некоторые природные кристаллические узоры? – Странные вопросы, которыми я и ограничусь.

Приведём некоторые галлюцинации того же рода, но уже более определённые.

«Белый дымок, пролетающий как густое облако, гонимое ветром. Языки пламени, вырывающие время от времени, такие яркие, что болезненно воздействуют на мою сетчатку глаза. Вскоре они поглощают это облако; их яркость снижается; они завихряются, образуют большие банты, чёрные внутри, красные и оранжевые по своим краям. Через какое-то мгновение, они постепенно разверзаются центром и образуют уже тонкое золотое кольцо, некую рамку, в середине которой я вижу портрет одного из своих

друзей.»

«Зелёного цвета холм вырисовывается посередине поля моего внутреннего зрения. Мало-помалу я различаю, что это – куча листьев. Она бурлит как извергающийся вулкан; она быстро растёт за счёт наслаивающихся пластов, которые она извергает. Затем из кратера выходят красные цветы, образуя огромный букет. Движение останавливается. Одно мгновение всё выглядит очень чётким; затем всё исчезает.»

Это самые зародышевые видения. Однако, здесь можно увидеть тот характерный переход от абстракций к чувственным формам, которые являются характерными и для многих настоящих сновидений; это позволяет нам предположить, что мы имеем дело с последовательными фазами одного и того же явления, а совсем не с особым классом явлений.

Продолжим приводить наши примеры, и эта истина покажется в ещё большем свете.

«Я вижу ярко освещённую живую изгородь, из-за которой выглядывает девушка, одетая в белое. Постепенно ветки кустарников распрямляются, соблюдая симметрию. Листва исчезает; девушка забыта. Теперь я вижу длинную корзину с бельём.»

«Сначала появляется изъеденное оспой лицо; его вид отчётливо напоминает мне пятнистую древесину, из которой изготавливают набалдашники для тростей. Черты лица сглаживаются и обездвиживаются, цвет кожи темнеет; волосы замещаются золотой дощечкой; шея неограниченно вытягивается. Превращение закончено. Теперь передо мною – трость.»

Абстракции, благодаря которым осуществляются эти видимые изменения, разве не легко их увидеть?

Третье наблюдение, которое я сейчас приведу, явно принадлежит тому сорту явлений, которые я называю *наложением образов*. Два предыдущих примера предоставили некоторые новые доказательства силы воображения видоизменять отпечатки в памяти¹²³; они же и дадут материал для размышления относительно физиологического механизма наших видений.

«Я находился в переходном периоде от сонливости к полному сну. Я видел замок в стиле Луи XV, освещённый ярким солнцем. Вдруг снизошёл образ другого совершенно отличного замка, не заслоня первый. Этот второй образ казался нарисованным на прозрачном занавесе, который заставили плясать между замком Луи XV и моим взором. Он поднимался и опускался так много раз подряд, предлагая глазам моего ума одновременное видение двух наложенных друг на друга образов: одного неподвижного и плотного на вид, другого подвижного и полупрозрачного. Это продолжалось несколько секунд, а затем всё исчезло.»

Новые примеры того способа, каким развораживаются идеи, и каким создаются, преобразовываются или замещаются образы в соответствии с ранее изложенными принципами.

«Я играл с очень упругим мячиком, покрытым кожаной оболочкой из разноцветных кусков. Один из этих кусков был фиолетового оттенка, который мне напомнил

---

¹²³ Предположим вопреки всякой очевидности, что в бесчисленных ящиках моей памяти существуют два отпечатка, в точности соответствующие двум крайним образам этой галлюцинации, тогда видения переходного периода останутся необъяснимыми, если не учитывать творческую силу воображения. – прим. автора.

цвет палочки сургуча (для накладывания печатей), которой я пользовался. Тотчас же образ этого нового объекта заместил собою мяч; но так как первичная идея – игры в мяч – продолжала существовать, то теперь уже сургучная палочка резво падала и отскакивала от коврика, не разбиваясь. Идея сургучной палочки, однако, не могла не вызывать идею хрупкого предмета. Я боялся, что она может разбиться, если упадёт на твёрдую поверхность. Опасаться чего-то – это иметь об этом мысль; иметь о чём-то мысль в сновидении – это тотчас же иметь соответствующее видение. Итак, мне приснилось, что этот странный мяч, ударившись о мраморную плитку камина, разбился на мелкие кусочки. Я начал искать эти кусочки, чтобы их соединить. В углу камина я заметил достаточно большую палочку серого цвета. Мой сургуч был фиолетовым, – сказал я себе, – нагибаясь за нею. Кто-то третий мне ответил (известно, что именно в такой форме наиболее часто проявляются в сновидении наши собственные размышления). Он заметил, что я поднял полено, а не кусок сургуча. В этот момент сознание сделало меня игрушкой причудливого сновидения. Я тогда подумал, что я мог перейти от идеи сургучной палки к идее полена, то ли через абстракцию (формы или слов), то ли через ассоциацию вполне естественных воспоминаний между углом камина и дровами.»

«Мне снилось, как я прогуливаюсь с одним из своих друзей, которого я назову Морис. Посыльный, подошедший сзади и одетый в костюм, полностью из синего бархата, изображает знак приветствия, протягивая ему письмо. Я говорю Морису:

– Обернись же; там посыльный, принёсший тебе письмо.

Мой друг оборачивается, но в сторону.

– Я никого не вижу, – отвечает он мне.

– Да вот же он, позади тебя, а ты смотришь в сторону.

На этот раз Морис поворачивается в другую сторону, не видя человека, о котором я ему сказал. Тем временем, я любуюсь выражением лица посыльного, и говорю себе мысленно: этот человек был бы хорошим карабинером. И вот, в соответствии с движением моей мысли, нет больше посыльного, но карабинер, следующий за нами. Однако, Морис, поворачивающийся направо и налево, не додумавшись оглянуться назад, всё твердит: «Я никого не вижу». Эта тупость начинает меня раздражать, так что я немного резко хватаю его за руку, чтобы повернуть его лицом к тому, кто к нему подошёл. Наконец, в это же короткое время, образ карабинера подвигнул меня подумать об одном нашем общем друге, который был капитаном карабинеров; и когда Морис взял наконец адресованное ему письмо, то подала его уже рука не посыльного, и не солдата, но этого капитана, нашего общего друга.»

Устойчивая главная идея; абстрактные переходы; всё это вполне ясно.

Следующий пример из той же области:

«**Я** спорю с одним пьемонтским таможенником. Фигура этого таможенника (вытянутая я не знаю из какого затерянного ящика моей памяти) напоминает мне фигуру одного сотрудника книжной лавки, с которым я иногда разговаривал. И вот, не прекращая спор, таможенник превратился в этого сотрудника. Но и личность этого сотрудника заместила личность пограничника. Так что я перенёсся из таможни в книжную лавку, где мирно продолжилось моё сновидение.»

«**Мне** снится, что я нахожусь в какой-то гостинице какого-то иностранного города, и что я спрашиваю, в ко-

тором часу накрывают на стол, чтобы распорядится насчёт лошади и поехать верхом на прогулку сразу же после обеда. Час обеда, который мне объявляют, оказывается часом, в котором наша семья обычно обедает в деревне. Обед в гостинице вызывает у меня мысль об обеде в нашем летнем доме. Затем в памяти всплывает кухня этого дома; она появляется; я там. В результате, выходя из этой самой кухни, я также пересекаю и коридор, который ведёт к ней, и затем я вижу крыльцо, на которое выходит этот коридор, и вот я бегу по аллее парка вместо того, чтобы оказаться на улицах иностранного города. Однако, первичная идея совсем не исчезла; желанная лошадь ждёт меня у ворот в парк, и моё сновидение продолжается на соседней дороге с событиями, к которым привело это новое направление.»

«Мне снится, что я купаюсь в море и прогуливаюсь по пляжу с *полотенцем* в руке. Я бросаю это полотенце себе на плечи *в качестве накидки*. Мгновенье спустя на мне уже нет полотенца, но я оказываюсь покрытым большой накидкой.»

Такой вид подмены *по подобию* очень част. Воля, как мы видели, не стоит в стороне, и всегда имеется мысль, которая предшествует и вызывает видение. Вот новый пример, заключительный:

«Мне снится, что я в лесу, с палкой в руках защищаю ребёнка, которому угрожает какой-то цыган. Этот человек вооружён длинным ножом. Я сожалею, что у меня нет под рукой моего ятагана. Я сильно подумал об этом ятагане; я его вижу, я его держу. Тотчас же идея ятагана перенесла меня в мой рабочий кабинет, где я привык его видеть. Здесь, перемена декораций полностью оборвала главную нить сновидения. Нет больше ни цыгана, ни ребёнка. Идея моего кабинета породила совершенно другую картину.»

«**Я** подаю руку, в сновидении, очень милой мадмуазель В..., венецианские черты великолепной причёски которой напоминают чем-то *златовласку*. Это прозвище всплывает у меня в памяти; тотчас же я вижу эту девушку с настоящими золотыми волосами. Другие аналогичные сравнения возникают затем сами собой в моём уме. Я говорю себе, что черты мадмуазель В... напоминают античные скульптуры, что её шея белее слоновой кости, что её губы оттенка красного коралла, и что её глаза напоминают сапфиры. От этого движения идей, и от принципа непосредственного видения всего что вообразил ум, происходит в точности противоположное тому, о чём повествует миф о Пигмалионе¹²⁴. Т.е. я перестал видеть живого человека, а рассматривал уже прекрасную статую, изготовленную из драгоценных материалов, как Минерва из Парфенона.»

«**М**не снилось, что я стою перед зеркалом, примеряя по очереди многочисленные рубашки, все воротники которых лишены пуговиц. В моём уме возникает сравнение между этими воротниками, которые невозможно застегнуть и плохо намазанными клеем конвертами, которые невозможно заклеить. Сургуч является средством от этого последнее огорчения. И вот я зажигаю свечу [для того чтобы растопить сургуч]; а затем первая идея сопрягается со второй и вот я уже думаю, как о чём-то вполне естественном, о приложении сургуча к моей рубашке в тех местах, где должны находиться пуговицы.»

---

¹²⁴ В древнегреческом мифе о прославленном ваятеле Пигмалионе рассказывается, что он открыто выражал свое презрение к женщинам. Разгневанная этим богиня Афродита заставила его влюбиться в статую молодой девушки Галатеи, им же самим созданную, и обрекла его на муки безответной любви. Страсть Пигмалиона оказалась, однако, настолько сильной, что вдохнула жизнь в статую. Оживленная Галатея стала его женой. – прим. И.Х.

«**Я** в кафе, где я завтракаю. Я ложу на стол ложечку, которую я держал в руке. Но эта ложечка немного напоминает один посеребрённый ключ от моей квартиры: и вот она превращается в ключ. Я беру его и кладу себе в карман. Это наводит меня на мысль вернуться домой. Между этой идеей и идеей обнаружить себя перед дверями моей квартиры всего одно мгновенье. Вот уже мой ключ поворачивается в своём замке, и вот я мгновенно перенёсся из кафе к себе домой.»

Этот способ *перехода* часто противоречит на практике мнению, высказанному Лемуаном, что когда какое-то сновидение резко прерывается, то это всегда связано с каким-нибудь внезапным физическим ощущением.

В только что приведённых сновидениях, одно только подобие одного чувственного знака с другим так резко прерывало видимую цепь идей, что если бы не понимать той маленькой точки соприкосновения, то невозможно было бы себе и представить между ними какую-либо связь.

Одного наблюдения такого рода достаточно, чтобы показать, насколько опрометчиво утверждать, что можно перейти от одного сновидения к другому без связи, исключительно на том основании, что не удалось обнаружить между ними ничего общего.

«**М**не стало холодно в моей постели. Мне снится, что я вышел на улицу без пальто в снежную погоду, и я хочу, по крайней мере, застегнуть свой сюртук. Это движение направляет глаза моего ума к цепочке часов, которая должна встретиться между моими пальцами при застёгивании сюртука. Цепочка часов вызывает идею медальона, который к ней крепиться. Этот медальон вызывает у меня воспоминание, сопряжённое с ним. Это воспоминание влечёт за собой идеи совершенно отличные от холода, снега и хождения по дорогам. Я перешёл от первого ко второму

порядку фактов без резкого перехода, но не без логического перехода, как о том можно судить.»

«Сначала я видел Луи-Филиппа¹²⁵ (это сновидение восходит к 1846 году). Ассоциация идей действовала между главой династии Июльской Монархии и её гербом [петухом]; и вот Луи-Филипп превратился в петуха. Приблизился какой-то привратник, чтобы вручить королю-гражданину письмо в тот самый момент, когда осуществилась эта метаморфоза. Эта идея совсем не исчезла, но видоизменилась. Письмо и поднос, на котором его принесли, превратились в корзину, наполненную зерном, которую со всей серьёзностью преподнёс привратник этой галльской птице.»

«Мне снилось, как я обедал и я пробормотал по поводу блюда, что мне подали: *Это твёрдое как подмётка сапога*. Тотчас же в моей тарелке подошва сапога заняла место, находившегося там кушанья.»

«В одном из моих сновидений, не знаю как, появилась курительная трубка в виде человеческой головы. Её лицо мне напомнило лицо одной моей знакомой. Трубка исчезла, и тогда я увидел этот персонаж с чем-то вроде топки¹²⁶ в мозгу. Белый дым поднимался из верхушки её черепа, и так как всё начиналось с идеи трубки, когда всё это вполне естественно, то меня это ничуть не удивило.»

Сновидение будет менее странным, если *замещения* менее разнородны; но это всегда одно и то же действие ума.

«Мне снилось, что я нахожусь в карете с одной ак-

---

¹²⁵ Король Франции в 1830 — 1848 гг. — прим. И.Х.

¹²⁶ Foyneau — на фр. этим словом также обозначают чашечку курительной трубки. — прим. И.Х.

трисой из театра, в фойе которого я ходил достаточно часто. Эта актриса напомнила мне другую. Эта вторая – третью, и так мой ум просматривал всех особ женского пола из этой труппы, и я последовательно видел сидящими возле меня этих разных особ по мере того, как их лица возникали у меня в мысли, и это при том, что главная идея (прогулки в карете) не изменялась, также как и то, что я воспринимал эту непрерывную замену.»

Немного выше я уже говорил о *переходах* через замещение личностей, и о том стихийном движении ума, которое приводит нас к тому, что мы сами в сновидении оказываемся на месте тех людей, положение которых нас интересует. Мои дневники содержат семнадцать примеров этого гипнологического явления: девять – когда я отождествлялся с более или менее мучительными ситуациями, восемь – когда я занимал место актёра театра, оратора в присутствии возбуждённой толпы, восточного правителя в своём гареме и т.д.

Наконец, я нахожу в этом самом дневнике два сновидения, указывающих, что нужно отнести к такому же явлению один вид сновидений, самых странных из всех, которые многие авторы упоминали, как таковые что имели место у некоторых людей, заявляя при этом, что им действительно кажется очень трудным объяснить. Я говорю о случае, когда мужчине снится, что он стал женщиной и наоборот, когда женщина принимает мужской пол. Вот два наблюдения, что я записал:

«Мне снится одна молодая подмастерья с растрёпанными волосами, с которой ужасно ведёт себя её мастер – верёвочник. (Я читал в газете на днях о судебном процессе, касающемся таких фактов, которые вызвали во мне сильное негодование.) Девочка имела в руке колотушку. Меня возмущало то, что она позволяет себя бить, не защищаясь;

я не мог прийти ей на помощь, почему не знаю, и я тщетно кричал, призывая её отбиваться. Вдруг, на месте ученицы оказался я сам; я с яростью нанёс удар колотушкой по лбу мерзавца, который меня мучил. Я увидел его валяющимся на полу и окровавленным. Затем я испугался, что меня арестуют; я подобрал свои волосы и завязал их на затылке, побежал и постарался повесить своё платье на деревянных вилках, на которых развешивали битую коноплю.» Это сновидение приснилось мне в возрасте четырнадцати лет.

Во втором случае, менее давнем, ситуация, с которой я отождествился, была также очень болезненной:

«Я был у дикарей – индейцев или индусов – я не знаю. Над костром была подвешена молодая полуобнажённая женщина, чья красота также вызвала глубокое чувство жалости, охватившее меня. Языки пламени уже лизали её тонкие ноги. Это зрелище разрывало мне сердце. Я представил себе всю ту агонию и все те беспорядочные мысли, которые эта несчастная должна была иметь. Повторился тот же феномен, что и раньше; тот же *перенос*, бессознательный в своём исполнении, но характерный в своём результате. Я искренне вообразил себя этой женщиной, подверженной мукам на огне. Я лично пережил все эмоции, которые я приписывал ей. Затем, благодаря одному из тех поворотов идей, которые так часты в сновидении, и которые доказывают, насколько сосредоточенным может там быть внимание, так как оно привело к параличу рассудка, я полностью забыл своё ужасное положение и с восхищением наблюдал свои собственные формы до тех пор, пока не засияло чувство реальности [=осознание] и осознание такой безумной иллюзии разбудило меня.»

Следующее сновидение даёт нам пример, как главная идея доминирует над многими вторичными идеями, сквозь которые она проходит.

«Мне объявили о приходе одной оперной певицы, которая просится поговорить со мною. В этот момент в моём кабинете кто-то находится; я прошу её подождать минуту в другой комнате, и тотчас же вспоминаю, что я слышал как поёт эта артистка в опере, сцена которой представляла собой великолепный дворец. Это привело к тому, что открывая дверь своего кабинета, чтобы выйти навстречу своей посетительнице, я встретил её под крыльцом ассирийского дворца. Я переговорил с нею. Я узнал, что она ждёт от меня статьи. Тут же мне снится, что я в газетном издательстве, где я печатаюсь. И вот мы уже беседуем в этом издательстве, и я прошу её саму просмотреть пробный отгиск фельетона, который может её заинтересовать.»

Дадим ещё несколько новых наилучших примеров бессвязности сновидений. Хотя сами по себе они и детские, их ценность в самой их нелепости, поскольку они нам показывают, что это не такая уж глупая путаница, которая не имеет своего смысла в рациональной ассоциации наших идей, и которая, как следствие, не может объясниться, не прибегая к теории стихийных колебаний в нашем мозге.

Если даже из ста случаев только один раз нам удастся размотать запутанные нити беспорядочной ткани сновидения, то и этот факт будет не менее сильным аргументом, который позволит нам перейти от известного к неизвестному или, если хотите, от постигнутого к непостигнутому.

И начну со сновидений, извлечённых из моих первых дневников; так что не удивляйтесь, если они окажутся весьма детскими.

«И услышал, как говорили, что щёки одной соседской девочки похожи на нежные персики. Это сравнение не было новым, но это было впервые, когда это сравнение

запало мне в память. Той же ночью мне приснилось, что я срываю с дерева огромный персик, который является точной копией лица моей маленькой соседки. Он кажется мне великолепным и я совершенно уверен, что это настоящий фрукт; однако, я не решаюсь ни разломать его, ни надкусить: я боюсь совершить преступление, и борясь со своими колебаниями, мне не удаётся их победить, ибо два борющихся чувства не могут слиться так, как слились два образа, которые их вызвали. Так что я пассивно подчиняюсь этому чудовищному замешательству, не понимая этой странности и, однако, не удивляясь.»

Две несовместимые идеи, идущие фронтом, довольно частое явление в наших сновидениях, и это является главными источниками бессвязности. Они примиряются насколько могут и ум, как правило, принимает с большим удовольствием эти аномалии, к которым это приводит. Примеры:

«Две кобылы одной масти появились у меня в сновидении, образуя прекрасно подобранную пару. Я сравниваю их с двумя сёстрами-близняшками. И вот уже я вижу двух девушек, то тянущих карету, то сидящих в ней. Затем их проводят на конюшню, где они ложатся в белоснежные постели.»

Одна очаровательная артистка сказала мне однажды: «Мне нужно рассказать вам одно исключительное сновидение, что мне приснилось. Этой ночью мне приснилось, как в мою комнату вошёл огромный белый лев. Сначала я его ужасно испугалась. Он прыгал с одной мебели на другую, и я не знала, где мне укрыться; но так как он приближался ко мне с любезным видом, то я перестала его бояться, начала его ласкать и даже играла с ним, пока не проснулась.» Я знал, что у этой артистки был большой белый кот, и из её уст я знал, что за два дня до этого сновидения

она ходила в цирк, чтобы посмотреть на укротителя львов.

«**Я** видел одну даму в зимней одежде и с меховой муфтой. Я подумал о голове животного, которому принадлежал этот мех. Тотчас же голова куницы заменила голову этой дамы, и эта фигура Грандвилья мирно прошла передо мною с муфтой в руке.»

В этих двух последних сновидениях, имеет место полное соединение, слияние двух групп идей, вызванных одновременно.

Вот ещё одно сновидение, нелепости в котором хоть отбавляй, но о котором я думаю, однако, что оно шаг за шагом следовало своему развитию:

«**Я** чувствовал, как сползаю в огромной глубины пропасть, на дне которой смутно просматривалось пламя, так как оно, казалось, было окутано густым чёрным дымом. Я задышался и был очень напуган. Я попал на дно пропасти. Я погрузился в это пламя и в этот дым, не испытыв никакой боли, и я оказался в просторном подземелье, где два повара в белых колпаках что-то жарили – нет, не кофе на углях, а угли на горящем кофе. Я чувствовал себя очень уставшим. Там оказалась моя постель, как? – я не знаю. Я захотел лечь, и один из поваров согрел мою постель своим приспособлением для обжарки – нет, не кофе, но угля. Я находил всё это вполне естественным и не удивился тому, когда увидел как он открывает своё приспособление и выбрасывает его содержимое на землю и подбирает один из кусков угля, который разбился при падении, чтобы узнать который час. Каждая круглая трещина на этом куске угля представляет собой циферблат часов, весь чёрный, правда, но очень хорошо нарисованный и правильно показывающий время. Итак, я вижу, что он показывает ровно полночь. В тот же миг стены подземелья разверзаются и предо мною открывается огромная без-

людная местность с мрачным собором на горизонте, выделяющимся на фоне бледного неба. У меня возникает чувство, что сейчас произойдёт что-то ужасное, и эта эмоция меня пробуждает.»

Исходной точкой здесь была, я думаю, какая-то патологическая причина. Я тогда действительно испытывал удушье, которое напомнило мне сперва, в силу аналогии ощущений, то, что я пережил несколько месяцев до этого, посещая шахты, в которые спускались достаточно быстрым и не безопасным способом. Во время моего посещения этих шахт, меня особенно поразили две вещи: темнота, царствующая в некоторых галереях и опасность, исходящая от огня. Я убеждён, что сопряжение этих идей и произвело эту смесь пламени и тьмы, через которую я прошёл.

Чёрный дым, из гуши которого вырываются языки пламени – такое видение я часто наблюдал из своих окон, когда мой сосед-бакалейщик жарил кофе. Добавьте сюда воспоминание одной ссоры, свидетелем которой я однажды был, между этим бакалейщиком и поваром, который упрекал его за то, что тот продал ему *уголь вместо кофе*, настолько этот кофе был подгорелым. Вот уже и вторая картина сновидения объяснена. Быть может, вы спросите меня, почему *два* повара? На это я вам отвечу, что этого я не знаю, но эта деталь не столь важна. Что же до идеи подземелья, то очевидно, что она сопряжена с первым впечатлением сновидения: спуском в глубокое место.

Перейдём ко второй части сновидения, заметно отличающейся от первой тем, что здесь уже никакой пугающий образ не пленил моего внимания. Выше я уже сказал, что я считаю это сновидение немного болезненным. Так что вполне естественно предположить, что чувство реальной усталости вызвало у меня идею лечь в тёплую постель. Приспособление для жарки кофе, сыгравшее роль подог-

ревателя, свидетельствует о замене по аналогии образов, которые уже фигурировали. Высыпать уголь после использования – это в порядке вещей. Увидеть циферблат часов в трещинах каждого куска угля – вот что самое странное; но раз уж я выбрал это сновидение в качестве предмета анализа, то, как вы можете догадаться, я и это могу объяснить. За несколько дней до этого, у одного торговца диковинками, я увидел какую-то игрушку, вырезанную из чёрного дерева, напоминающую кусок угля, две половины которого раскрывались и позволяли увидеть, на одной стороне – компас, а на другой – астрологический циферблат с кабалистическими знаками. Я несколько не сомневаюсь, что это воспоминание всплыло в конце моего сновидения, благодаря ассоциации идей, родство которых с этого момента легко увидеть.

Вогда стихийные ассоциации идей и, в особенности, мыслеобразов работают посредством определённых абстракций, которые ум воспринимает так сказать без своего ведома, то это вызывает у спящего чувство удивления, аналогичное тому, которое у нас в реальной жизни вызывает полная неожиданность.

Мне снится, что в мою дверь звонят. Я открываю и вижу незнакомую фигуру, или скорее, кого-то, о ком я совсем не вспоминал уже очень давно. Очевидно, какое-то мелкое обстоятельство – вид двери, или её цвет, или способ, каким я её открыл, или какое-нибудь лёгкое внутреннее ощущение – явилось незаметной причиной этого непредвиденного появления; но благодаря чистой стихийности этой мысленной операции, удивление оказывается для меня реальным.

Я уже говорил, в главах посвящённых воображению и памяти, о каком-то двоедушии, которое имеет место в сновидении, тогда когда нам кажется, что мы беседуем или

спорим с каким-нибудь воображаемым персонажем, не сомневаясь, что мы сами придумываем все фразы разговора или спора.

Вот два новых примера, один из которых просто в поддержку тех, что уже были приведены, тогда как другой показывает нам иллюзию особого характера.

«Мне снилось, что я читал одному моему другу-писателю рукописную статью, на которую я старался обратить всё его внимание. Он же перебивал меня всякий раз, когда замечал что-то требующее исправления – мнение, фразу или неуместное слово. Со своей стороны, я либо принимал, либо начинал оспаривать предложенные изменения. Иногда критика казалась мне вполне справедливой, иногда я обвинял своего судью в излишней придирчивости.»

Я не смог вспомнить по пробуждении весь контекст этого обсуждаемого сочинения, но я хорошо запомнил многочисленные пассажи, когда я действительно понимал и то, что я мог бы написать по тому или иному предмету, и то, что друг, с которым я консультировался, говорил.

«Я был в карете с одной дамой. Эта дама – я её видел впервые – однако, нечто странное, я, не удивляясь этому, чувствовал, что она есть *я сам* или *из меня самого*. Мы вместе направлялись к какому-то нашему знакомому, кому мы были обязаны нудным, но вынужденным визитом. По дороге моя спутница предложила отложить исполнение этого долга на другой день. У неё, сказала она, болит голова и она нуждается в прогулке на свежем воздухе. Я ответил, что эта головная боль всего лишь предлог, что *я сильно чувствую*, что эта боль совсем незначительная, и что нужно ехать нанести визит.»

То, что я сказал относительно некоторых вещей снов,

которые являются чудесными только на вид, полностью найдёт своё приложение к случаю тех *диалоговых монологов*, которыми, как замечали, начинаются многие наши сновидения. Поднимая противоречивые вопросы, которые мы задаём сами себе, мы проходимся полем вероятностей, мы приводим в действие гипотезы, которые мы сформулировали, и если бы наш ум рассчитывал всё правильно, то мы точно увидели бы во сне будущее.

В моих записях имеется семь весьма замечательных примеров такого рода предвидений; но очевидно, что им не следует придавать больше значения, чем доверия своим собственным суждениям. К тому же случается, что нам снится по очереди *за* и *против*, в зависимости от того, отдаёт ли ход идей предпочтение тому или этому направлению.

Что касается сновидений, вызванных физическими причинами, то их прогнозы могут иметь большую ценность, поскольку они имеют действительную причину. Не возвращаясь к мучительным сновидениям и к вызывающим их внутренним ощущениям, я приведу ещё два небольших факта, свидетельствующих о крайней тонкости некоторых чувственных восприятий у спящего человека.

Дело было осенью одного года, когда тёплая погода сохранялась длительное время. Ничто не предвещало никакой перемены в погоде. «Мне снится, что я только что встал и смотрю на газоны перед окнами моей спальни, полностью покрытые белым инеем. Я пробуждаюсь и констатирую, что моё сновидение оказалось явью.»¹²⁷

«**В** другой раз, когда я крепко спал до самого утра, мне снилось, что я иду занять место за семейным столом, и

---

¹²⁷ Об объяснении подобных сновидений см. книгу Джона Данна «Эксперимент с временем». – прим. И.Х.

что среди накрытых на стол блюд были две лисы на вертеле. Ничего подобного, конечно же, не реализовалось в час настоящего завтрака; но я узнал, что тем самым утром поймали и принесли на кухню целый выводок живых лисят.» Моя комната достаточно далеко от кухни, но можно ли предположить, чтобы схожесть такого странного сновидения и такого же исключительного происшествия явилась результатом простого совпадения? Может быть наоборот, более разумно предположить, что запах молодых лис в сочетании с запахом из кухонной печи мог дойти до меня, каким бы слабым он ни был, и нужно видеть в этом уникальном сновидении сложный продукт тончайшего восприятия запаха?

Логика сновидений.

«**Н**а полевой дороге, вдоль берега большой реки, я вижу, как подходит и проходит передо мною полк с музыкальным оркестром во главе. Однако, как раз когда музыканты проходят мимо меня, хотя я и вижу каждого музыканта в позе человека, который играет на своём инструменте, но я не слышу ни малейшего звука. Моя память, я предполагаю, не смогла найти в этих обстоятельствах ничего, кроме зрительных воспоминаний; никакой военной марш не пришёл мне на ум. Но чтобы видеть шагающих музыкантов и не слышать их, нужно чтобы они были вдали. Разве не этой инстинктивной логике я должен приписать то резкое изменение, которое произошло тогда в моём сновидении? И вот уже не рядом со мною марширует полк, а на другом берегу реки.»

«**М**не снится, что я причёсываю свои волосы перед зеркалом, как раз перед тем как выйти и пойти по приглашению на бал. (Сцена происходит в моём настоящем доме, где я живу уже шесть лет.) Безобразие с моими волосами

такое, что я нахожу необходимым послать за парикмахером – моим соседом. Ожидая его, не зная наверняка, сможет ли он прийти, не прекращая пытаться сам работать расчёской и щёткой; в частности я проделал на одной стороне своей головы очень заметный пробор в волосах. Но вот уж десять лет как я не ношу такую причёску. Её вид переносит меня во времена, когда я жил в другом доме; итак, картина меняется со скоростью мысли. Теперь моё сновидение продолжается в моей старой квартире, и когда приходит парикмахер, которого я распорядился позвать, он оказывается не соседом, о котором я думал раньше, а другим парикмахером, который приходил ко мне когда-то и он уже давно как умер. Впрочем, эти изменения совсем не помешали мне следовать главной идее: *я должен идти на бал.*»

Врядом с такими фактами и многими другими аналогичными, я иногда замечаю частое повторение совершенно противоположного явления. Это – крайняя трудность узнать, даже в тех сновидениях, в которых я совершенно осознаю своё сонное состояние, что какой-то сновидный персонаж не разделяет моих иллюзий, что он всего лишь тень, часть моего видения. Например, мне снится, что я взобрался на церковную колокольню с одним из своих друзей, и перед нашими очарованными взорами открывается великолепная панорама. Я прекрасно знаю, что это всего лишь сновидение и, однако же, я говорю сопровождающему меня другу: прошу тебя, хорошенько запомни это сновидение, чтобы мы обсудили его завтра, когда мы проснёмся.

Пересказы многих связанных сновидений, где находят применение некоторые принципы, изложенные в этой книге, касающиеся средств вызывания или избавления от некоторых

образов и наблюдения самого себя в состоянии сновидения.

«Сначала я спускаюсь какой-то потайной лестницей, я пересекаю очень старую церковь, затем оказываюсь у входа в сельский клуб бретонских крестьян. Оттуда, следуя вдоль аллеи с густыми деревьями, я попадаю в другой ещё больший сад, или скорее, в деревню с садами, т.е. в место, где разбросано множество домиков, вокруг каждого свой сад, окружённый стенами и зелёными изгородями, со ступенчатыми улочками. Один из этих домов, который является пансионом молодых девушек, я нахожу очень великолепным; они гуляют в своём саду, калитка в который осталась открытой. После короткого наблюдения за ними, я возвращаюсь пешком по той же улице; я снова пересекаю сельский клуб и старую церковь, и оказываюсь у подножия потайной лестницы, которой я спустился. Однако, я с трудом различаю первые ступени, и уже хорошо чувствую, что я на пороге пробуждения, объекты теряют свою чёткость и определённое чувство от реальных внешних ощущений (какое чувство предупреждало меня, что я просыпался) мало помалу усиливается. У меня возникает мысль попытаться удержать сон посредством остановки взгляда и выключения воображения, как я то уже проделывал не один раз. Итак, я усаживаюсь у основания лестницы, стараюсь оставаться неподвижным, останавливаю взгляд на своей правой руке, и жду, чтобы узнать, что же возьмёт верх: сон или пробуждение. Я чувствую, как во мне проходит (главным образом вдоль позвоночника) как бы магнетическая волна, своего рода дрожь [озноб], пробегающая сверху вниз, которая постепенно меня сковывает и которая, кажется, отяжелевает мою голову; нечто похожее на то, что происходит в начале опьянения. Вскоре, моя рука, на которой я остановил свой взгляд, ни цвет, ни форму которой я вначале не мог чётко различать, начинает выглядеть всё более и более живо и чётко. Казалось, что её ос-

вещает солнце, также освещая передо мною какие-то камни стены, мельчайшие детали которой стали видны. Я рискнул повернуть голову. Подземный коридор был освещён не менее ярко. Я встаю, я хочу попытаться повторить ту же прогулку той же дорогой, чтобы проверить до какой степени я смогу увидеть те же самые вещи, и, как следствие, *сновидеть* их во второй раз. Я прохожу через церковь, как и раньше, затем тот же клуб, где я нахожу тех же бретонских крестьян; и я оказываюсь на той же аллее с густыми деревьями. По дороге, совершенно осознавая что я вижу сон, я задумываюсь об идеях Альфреда Мори; я спрашиваю себя, какова по его мнению часть моего мозга сохраняется бодрствующей. Ему придёт, – говорю я себе, – признать бодрствующим весь мой мозг, так как в этот момент я поистине обладаю полнотой всех своих мыслительных способностей, я могу рассуждать и вспоминать. То, что я читал о материалистических теориях, и то, что я намереваюсь проделать в этом сновидении, я очень ясно осознаю своим умом. Я рассуждаю, что находящиеся передо мною образы этого сновидения находятся ко мне в таком же отношении, как и образы, которые в действительности предоставляются моим глазам, когда я бодрствую; что я также сохраняю свою свободу выбора в том, чтобы повернуть направо или налево, обратить свой взгляд в одно направление или в другое и т.д., и, наконец, вызвать определённые сцены или определённые видения, в соответствии с тем, что я *желаю* или *не желаю* сделать мысленно. Например: *если я пожелаю* сломать ветку с вот этих деревьев, которые я вижу, то я увижу её сломанной. *Если же я не пожелаю этого*, то она сохранит перед глазами моего ума свой нетронутый вид. Так чем же это сновидение отличается от реальности? Я вспоминаю, рассуждаю, желаю, не желаю; я не являюсь просто игрушкой этих иллюзий. А то что за действиями моей воли не следуют ре-

альные [физические] усилия, то это исключительно потому, что мои органы, вместо того чтобы действительно подчиниться моей мысли, всего лишь ей подражают, но психологически, явление одно и то же. Как ткацкий станок, который заставляют работать в холостую. Я понимаю также что, в этом состоянии осознанного [lucide] сновидения, находящимся в котором я себя чувствую, именно мысль вызывала символ, образ, и исполняла соответствующее движение фибр [нервов], если таковое действительно необходимо; а не символ или образ – движение фибр, которое вызывало сопряжённую с ним идею, как предполагает Мори. Фантазия здесь, как и в реальности, имеет свою свободу выбора, и инициатива находится у моей воли. – Рассуждал я так, идя вдоль аллеи, которая должна была меня привести к цели моей воображаемой прогулки. Я прибыл в деревню с маленькими садами; но мне оказалось невозможным найти там свою первую дорогу. Блуждая по лабиринту новых тропинок, я с двойным любопытством пытался отыскать тот пансионат, который уже посещал, несмотря на ложный путь. Но я почувствовал, что начинается *расторможение* вместе с обесцвечиванием и размыванием образов. Тщетно я попытался удержать сон во второй раз; мне удалось его продлить лишь на несколько секунд. Первое реальное ощущение возникло в моей правой руке; оно быстро распространилось на всё моё тело. Я открыл глаза, взял перо и немедленно всё это записал.»¹²⁸

---

¹²⁸ К этому наблюдению, дословно извлечённому из моих записей, я добавлю, что с тех пор мне случалось дважды частично возобновлять это же сновидение и пытаться заново пройти по тем же воображаемым [сновидным] местам. Я хорошо видел деревенский клуб, но всегда терял дорогу к пансионату. Тогда я несколько раз проделал ранее указанный опыт с закрытием глаз (в сновидении) и с сильной мыслью о том, что я желаю увидеть. Это позволило мне два раза вызвать мимолётное видение этого пансионата; но то ли от несовершенства запе-

«Мне снится деревня. Я вернулся с конной прогулки. Я подошёл к воротам нашего двора и вижу работников, занятых выкорчёвыванием старых лип, которые его украшали. Моему удивлению и моему негодованию нет предела. Я хочу слезть с коня, чтобы подойти к ним ближе и сказать; но пытаюсь перекинуть ногу через седло, я совершаю реальное мускульное движение, результатом которого оказывается изменение глубины моего сна и заставляет меня почувствовать на один момент, что я нахожусь в своей постели, а не где инде. Однако я не просыпаюсь. Я намерен идти к этим работникам; но образы сновидения больше не такие чёткие. Имея осознание своего состояния и желая воспользоваться благоприятной возможностью провести свои эксперименты, я прилипаю своим взглядом к земле; я сосредотачиваю всё своё внимание на нескольких травинках лужайки, вид которых в одно мгновение возобновляет свою чёткость. Однако, мысль о том, что на самом деле я нахожусь у себя в комнате в своей постели, не покидает меня. Я думаю, что вместо этой лужайки я должен бы видеть ковёр. Думать о каком-то объекте [в сновидении], я всегда повторяю, это – видеть его. Итак, я вижу ковёр; я перенёсся в свою комнату, и полностью забываю рассуждения, которые меня сюда привели, ибо сон восстановил всю свою глубину, именно с этого момента моё сновидение обретает свою живость и продолжается.»

Три момента в этом последнем сновидении мне представляются достойными внимания:

- 1) Реальное усилие, которое последовало за проявлением моей воли, и чувство этого усилия;

чатления его в моей памяти, или по какой другой причине, едва я его начинал видеть, как с молниеносной быстротой его сменяли другие картины и я никак не мог там задержаться. – прим. автора.

- 2) Озабоченность своим реальным положением, которая возобладала над моим желанием продолжать первое сновидение, так же как иногда в бодрственной жизни нам невозможно избавиться от сильной озабоченности;
- 3) Одно особое обстоятельство, о котором я не упомянул в предшествующем рассказе, но о котором я, тем не менее, сделал запись: пристально смотря на липы в своём сновидении, тогда когда они выглядели с мельчайшей чёткостью, я достаточно хорошо запомнил расположение их стволов и их ветвей, и на следующий день я выяснил, что между этими видениями и настоящим видом лип не было полного сходства. Итак, здесь имела место работа воображения; то ли оно полностью изобрело эти деревья, представив их моему внутреннему взору, то ли, взяв какой-то *отпечаток* из памяти, оно сумело его видоизменить, приспособить к случаю и вставить его, наконец, в картину сновидения.¹²⁹

Я говорил о способе вызывания в сновидении некоторых приятных впечатлений, и я также сказал, что для того чтобы быстро избавиться от неприятной иллюзии, в том случае если есть чувство, что это всего лишь иллюзия [т.е. осознание сновидения], часто оказывается достаточно закрыть глаза (в сновидении). Наблюдение, о котором я сейчас расскажу, показывает нам, как можно изменить по-

---

¹²⁹ Видеть вещи в сновидении иначе, чем они есть в действительности, проявляется главным образом в видениях мест или интерьеров домов. Память мест показывает себя в этих случаях менее надёжной и менее достоверной, чем память о людях или произошедших событиях. – прим. автора.

ток мыслеобразов.

«Мне приснилось – я так и не смог выяснить по какой прихоти моего воображения – что я почувствовал какое-то движение в моём галстуке вокруг моей шеи, и что протянув туда руку я ощутил, что у меня в качестве галстука змея, это впечатление было ужасно неприятным, и малейшее воспоминание возвращало с тех пор это сновидение, которое стало моим кошмаром. У меня было отчётливое чувство, что это всего лишь сновидение, но возвращение этой иллюзии было таким быстрым, что я не успевал ей противопоставить никакое рассуждение. Я увидел в этом возможность для эксперимента. Я взял кожаный патронташный ремень (с охотничьими патронами), который сворачивался и с каждым движением смещался с хорошо осязаемым содроганием; и в течение нескольких дней я ставил это приспособление вокруг своей шеи в часы, когда я мог не опасаться быть застигнутым врасплох в таком нелепом наряде чьим-нибудь визитом. Впрочем, я часто снимал и одевал этот своеобразный галстук, заботясь о том, чтобы время от времени вытаскивать и вставлять несколько патронов. Итак, вот что произошло: при первом же возвращении в сновидении этого ощущения дрожи, которое всегда предшествовало той мучительной иллюзии, что я описал, я сразу же вспомнил и о ложной змее и о его содержании и о различных второстепенных понятиях, которые были с этим связаны; таким образом, что вместо того чтобы увидеть как возобновляется это страшное видение, я сначала вообразил себе, что я сам развязываю безобидный галстук, и затем что я спокойно заряжаю ружьё, тогда как вокруг меня вращаются и подпрыгивают две собаки. Затем я беседовал с одним из своих друзей, заядлым охотником, образ которого вполне естественно вызвала ассоциация идей. С этого момента моё сновидение приняло оборот, не имеющий ничего неприятного. Это повторилось ещё одной

ночью при аналогичных обстоятельствах и, наконец, больше не возникало.»

И мог бы привести десятки сочетаний такого же рода, почти все завершившиеся успехом; но этого одного примера будет достаточно, чтобы указать практический путь проведения экспериментов. Перейдём же к другим наблюдениям, которые не без некоторого родства с предыдущим, поскольку всегда речь идёт об идеях и образах, которыми можно приготовить и управлять ассоциациями, имея в виду управление своими собственными сновидениями.

У меня есть один китайский альбом, в котором содержатся изображения дворцов, пейзажей, и более или менее фантастических сцен, все предназначены для увеселения и с яркими цветами. Там можно увидеть Сарданапала жёлтой расы, властно восседающего среди скопления молодых азиаток с осиными талиями, заострёнными пальцами, невероятными ступнями, изображающих все виды кокетства, и играющих на всех видах инструментов. Мосты, переполненные пёстрой толпой; таинственные леса, заселённые разбойниками с добродушным видом; затем беседки всевозможных видов; деревья, обременённые огромными цветками, лунный свет, причудливые животные, и нескончаемые процессии паланкинов¹³⁰.

Мне кажется, что такой альбом заключает в себе все желаемые элементы, чтобы поспособствовать проведению некоторых экспериментов над ресурсами воображительной памяти. Итак, я посвятил несколько дней подряд очень внимательному рассматриванию всех этих картинок, asso-

---

¹³⁰ Паланкины – носилки в восточных странах в виде кресла или ложа, укрепленные на двух длинных шестах, концы которых лежат на плечах носильщиков. – прим. И.Х.

цируя в своём уме впечатления, которые они вызывали с чувственным воспоминанием, которое в то же самое время оказывало на моё обоняние периодическое вдыхание цветочного порошка, из которого на Востоке изготавливают изысканные духи. Эта процедура по сопряжению идей была пространно объяснена выше¹³¹, здесь я только отмечу неожиданные эффекты, которые оказало на пять сновидений вдыхание того же ароматного порошка во время сна. Трижды мне снилось, что я видел ожившими фигуры из этого китайского альбома, сопровождаемые массой образов и событий самого разного происхождения. Дважды, наоборот, мне снились мои друзья или знакомые, образы которых были вызваны ассоциацией идей, существующей между ними и картинками из альбома, но они представились глазам моего ума не как они есть, а под видом коллекции гравюр и акварельных рисунков, и как следствие, были безжизненными и безрельефными.

Другой ночью: «Я был в прекрасно украшенной комнате, всю мебель которой я различал с совершенной точностью, будучи не в состоянии вспомнить, какими *отпечатками в памяти* это обусловлено, но говоря себе, однако, что воображение, как мне кажется, не могло бы мгновенно изобрести столько деталей. Передо мною было зеркало; я взглянул в него и увидел себя в домашнем халате с невероятными узорами, в которых я узнал рисунок на ткани, которой я любовался накануне в витрине одного большого магазина. Следует предположить, – говорил я себе, – что этот образ является результатом двойного абстрагирования: моя образная память, чтобы составить это видение, использовала и *форму* какого-то домашнего халата и *вид* ткани, которую я видел только в развёрнутых рулонах. В моей голове возникало множество вопросов связанных с

---

¹³¹ Стр. 300 и далее. – прим. автора.

комбинированной способностью воображения и памяти. Мне как раз пришла на ум одна мысль, к которой я когда-то пришёл, а именно, что милостью природы, острая физическая боль никогда чётко не отпечатывается в нашей памяти и поэтому не может ожить в сновидении.¹³² Итак, среди многочисленных предметов, лежащих на моём столе, я увидел шило; я был совершенно уверен, что это сновидение; я взял этот инструмент и всадил его себе в руку. Моя образная память тотчас же предложила мне образ кровавой раны. Никакой боли; только то неприятное инстинктивное сочувствие, которое бывает от смотрения на такую же рану у другого человека. Я снова поднял глаза к зеркалу; я уже не был в домашнем халате, но в дорожном костюме. Вероятно, этот переход осуществился в силу каких-то ассоциаций идей, в связи с идеей моей раненой руки; но хотя мой ум был открыт для наблюдений, я не обратил никакого внимания на это изменение; я заметил это только по пробуждении. Из места, где эти события произошли, я перенёсся – не знаю ни почему, ни как (пробел в памяти) – в какой-то прекрасный сад, деревья и цветы в котором я сперва различал только как смутные силуэты, почти как если бы я смотрел на них через расфокусированный бинокль. Я подумал, что мой сон приближается к своему концу, и что я наблюдаю явление постепенного пробуждения. Но вместо этого, деревья, растения, песок на аллее постепенно приобрели безупречную чёткость. Первым делом я остановил своё внимание на покрытом цветами олеандре, который выделялся на общем фоне своей яркостью. Сколько времени, – спросил я себя, – можно сохранять видение такого рода? Несколько секунд – ответ,

---

¹³² Я, конечно же, не слышал, чтобы говорили, что потеряли *воспоминания о том, что страдали*. То, что теряют – это способность в точности вспомнить характер бывшего страдания, как вспоминают зрительный образ, звук, вкус. – прим. автора.

который дал мне этот опыт. Олеандр, который я так пристально разглядывал, начал бледнеть и понемногу худеть; он постепенно затуманивался, а свет ощутимо ослабевал во всей картине. На этот раз, это было настоящее пробуждение. Туманный силуэт того, что только что было залитым солнечным светом садом, казалось убежал, уменьшаясь, как некоторые фантазмагорические образы. Впечатления реальности захватили всё моё поле внимания. Сон рассеялся.»

Последние извлечения из моих тетрадей, содержащие некоторые отдельные наблюдения.

¶ уже заявил об ошибочности, на мой взгляд, того достаточно распространённого мнения, что для того, чтобы увидеть во сне кого-то или что-то, часто достаточно сильно думать об этом перед сном. Если бы речь шла о непрестанном занятии, которым мы вынуждены заниматься весь день, то такая одержимость может преследовать нас и в сновидении, и там проявиться; но если мы думаем на заданную тему намеренно только когда ложимся спать, то поток ассоциаций идей, такой капризный во время первой стадии сна, заведёт далеко от исходной точки, когда наши видения начнут приобретать ясность. Сколько раз мы планируем утром не забыть сделать какие-то мелочи, а затем поток занятий или дел мгновенно вытесняет это воспоминание, если оно не зафиксировано письменно. Тем более мы быстро забудем об идее, которую мы желали бы увидеть в сновидении, если с этой идеей не будет установлено какое-то напоминание.

€ другой стороны, точно так же как иногда случается и в реальной жизни, без видимой причины, что такая-то идея, относительно маловажная, запечатлевается с неверо-

ятной силой в памяти и затем всплывает при всяком случае, точно так же у нас бывают иногда определённые сновидения, которые оставляют после себя особенно продолжительное впечатление. Чем больше какое-то воспоминание уже воспроизводилось, тем больше у него шансов воспроизвестись снова, поскольку количество второстепенных идей могущих его вызвать увеличивается за счёт всех тех, которые родились среди новых обстоятельств, которые сопровождали каждое возвращение главной идеи. Тогда в ходе идей происходит одно явление, которое можно сравнить с явлением расплывания воды по ровной поверхности: как только один маленький ручеек проложил себе путь в каком-то направлении, то все те, которые с ним встречаются, впадают в него и текут к той же точке. Так что достаточно самого слабого побуждения, для того чтобы мгновенно спаять новое сновидение с тем, которое уже многократно протекало. Одни и те же ассоциации мыслепроизведений не замедляют воспроизвестись точно так же.

* * *

Будучи в сновидениях, в которых я осознавал свой сон, я пытался тщательно изучать, как ассоциируются идеи и как наследуются и сочетаются образы по мере хода этих ассоциаций, и мне часто случалось помещать свой ум в начало какой-то серии воспоминаний, предоставлять памяти свободу действий и с любопытством ждать что из этого выйдет. Итак, неизменным результатом этого было убеждение, что моя память восставала против этого эксперимента, хотя она предоставляла себя очень любезно; но иллюзия длительности, которую она давала первым воспоминаниям, заставила меня считать, что вместо того чтобы быстро развёртывать цепь идей, она отказывалась чисто сновидеть, но задерживалась на какой-то картине.

С другой стороны, я часто забывал свою первоидею,

как только ассоциация мыслеобразов вызывала несколько картин, которые пленяли моё внимание; и я тогда оказывался полностью вовлечённым, как актёр, в воображаемые события, исходную точку которых задавал я.

* * *

«Мой сон был поверхностным. Часы на церкви пробили пять раз, и я услышал их в своём сновидении. Но мне показалось, что это звонит набат; так как каждый удар повторялся более десяти раз с вполне заметными промежутками.»

Здесь можно отметить два факта: 1) Действие звуковых волн на барабанные перепонки моих ушей, гораздо более чувствительных, чем в состоянии бодрствования; 2) более растянутое ощущение времени чем в реальности, поскольку звон пяти ударов часов длился, как мне казалось, не менее трёх минут.

* * *

Воображаемое закрытие глаз, о чём уже было сказано в этой книге¹³³, является одним из лучших способов убедиться в том, спим мы или нет, когда нам случается видеть очень яркие сновидения. Если мы бодрствуем, то это действие вызовет темноту. В сновидении же, наоборот, мы не замедлим увидеть появление новых образов – такова природа сна, и иллюзия закрытых глаз не может продолжаться более одного мгновенья.

* * *

Этой ночью у меня было особенное сновидение, которое мне кажется полезным привести в качестве примера того способа, которым можно забыть сновидение в состоя-

---

¹³³ Стр. 230–231– прим. автора.

нии бодрствования, и также свои бодрственные мысли во время сна.

«Сначала мне снилось, что я сажусь в карету у выхода из театра, и что эта карета начинает ехать. Почти тотчас же я просыпаюсь, причём, не имея в уме этого столь незначительного видения. Я смотрю на свои часы; поднимаю зажигалку, которую я уронил; и спустя десять или пятнадцать минут *полного* бодрствования я снова засыпаю. Итак, здесь начинается самое интересное. Мне кажется, что я просыпаюсь в этой карете, в которую, как я хорошо помню, я садился, чтобы доехать домой. Я как бы чувствую, что проспал около четверти часа (не помня однако, какие идеи проходили через мой ум в то время). Так что я подумал, что добрая часть пути уже проехана и я смотрел через дверцу чтобы узнать на какой мы улице, приняв тем самым за сон те несколько минут, в течение которых я как раз не спал.»

* * *

И приводил много примеров совершенного воспоминания или быстрой импровизации во время сновидений с воображаемыми лекциями. Следует также сказать и о противоположном явлении, которое состоит в тщетности усилий по прочтению письма, газеты, рукописи, содержание которой бессмысленно с первого же взгляда. Именно этот последний случай является наиболее частым. Я экспериментировал с этим более двадцати раз; я пытался осмыслить то, что происходит в моём уме, и вот что я выяснил:

Волевое напряжение внимания [при попытке прочесть в сновидении текст] почти всегда сопровождается более или менее острой болью в основании глазных орбит. Фразы, которые удаётся тогда прочитать, оказываются совершенно бессвязными. Слова, их составляющие, кажутся

несвязанными никакой рациональной связью. Ассоциации идей и воспоминаний вызывают их в таком порядке, который не может придать им никакого смысла, как если бы мы выписывали слова иностранного языка, следуя тому порядку, в котором мы их заучили, или просто в той последовательности, в какой они всплывают в нашей памяти по аналогиям корней и окончаний.

Разница между этими двумя видами сновидений в том, что в тех, в которых удаётся читать с совершенной лёгкостью, память и воображение имеют прямое отношение содержанию читаемого отрывка, и чьё писаное представление является всего лишь вспомогательным образом, сопряжённым с главной идеей; тогда как в противном случае, в тех сновидениях, в которых мы испытываем столько труда по пониманию текста, единственным по-настоящему ожившим впечатком в памяти является лишь образ книги, рукописи или письма, т. е. только абстракция их содержания. Желая понять это самое содержание, мы требуем от памяти и воображения понятий, чуждых тем идеям, которые их представляют. Застигнутые врасплох, эти способности прибегают к более или менее смутным воспоминаниям, неуправляемым главной мыслью, и эта утомительная работа приводит к скудным результатам.

Иногда нам снится, как мы протираем глаза, чтобы лучше видеть, когда с нами случаются подобные сновидения, и нам кажется, что мы видим немного лучше после такой стимуляции наших глаз. О таинственные секреты внутреннего видения, кто возьмётся вас объяснить!

* * *

Вот ещё шесть сновидений, которые послужат постскриптумом для главы о воображении и памяти.

«Мне снилось, что я вижу изысканный барельеф из

чёрного мрамора, который изображает Вакха и Ариадну, за которыми следует свита фавнов и сатиров. Проснувшись, я вспоминаю, что композиция на этом барельефе в точности соответствует таковой на одной картине, которую я когда-то давно видел. Моё воображение, чтобы создать это сновидение из воспоминаний форм, добавило рельеф и выбрало цвета.»

В другом сновидении: «Сначала я увидел статую на пьедестале, расположенную перед стеной, покрытой зелёным бархатом или бумагой. Через мгновение, это уже не была статуя, но простая фреска. Вскоре иллюзия настоящей статуи воссоздалась, чтобы ещё раз исчезнуть, и так несколько раз подряд, пока не подойдя к стене, я увидел лишь грубую покраску, от которой я пребывал в удивлении!»

«**М**не снилось, как я пролистываю один сборник цветных карикатур, выполненных с вдохновением, которое меня очаровывало. Я захотел вернуться к одной, которая особо мне понравилась, но я не смог, а всё время видел новые. Благодаря памяти, которую я сохранил о некоторых (они были совсем детскими), я почти уверен, что это были совсем не воспоминания, но скорее мгновенные композиции моего воображения.»

«**М**не снилось, что я в библиотеке, примыкающей к одному салону, меблированному в очень артистичной манере. Я искал там одну книгу, как человек, который заранее знает, где её найти, так как мне казались уже давно знакомыми все полки этой библиотеки, как и вся мебель этого салона. Однако, проснувшись, я ничего не нашёл в своей памяти, что бы напоминало мне подобное помещение.»

«**Э**то было одно из самых ярких сновидений, во время которого я пересекал невероятно красочную местность,

каждый вид которой, каждое место, и я сказал бы, каждое дерево и каждый дом вырисовывался перед моим внутренним взором со всеми мельчайшими подробностями, совершенно реалистичными. Но по пробуждении я не нашёл никакого воспоминания о подобных картинах. Следует ли здесь предположить, что моя память могла их воспринять и так точно сохранить, чтобы у меня не было об этом ни малейшего сознательного воспоминания, или же это моё воображение обладает поразительной силой не только составлять все эти пейзажи, но также и связывать их вместе посредством того непрерывного развёртывания дороги, по которой, как мне снилось, я шёл?»

«Этой ночью мне приснилось, что моя душа вышла из моего тела, и что я пролетаю огромные расстояния со скоростью мысли. Сначала я попал в какое-то племя дикарей. Я присутствовал при ожесточённой битве, не испытывая ни малейшей опасности, потому что я был и невидим, и неуязвим. Я время от времени обращал свой взгляд на самого себя, т.е. на то место, где должно было бы быть моё тело, если б я таковым обладал, и я убеждался, что у меня такового больше нет. У меня возникла идея посетить луну, и тотчас же я оказался там. Тогда я увидел вулканическую почву, погасшие кратеры и другие детали, – очевидная репродукция моих чтений или виденных рисунков, особо усиленных и оживлённых моим воображением. Я вполне чувствовал, что я вижу сон, но я совсем не был уверен, что это сновидение было полностью ложным. Восхитительная точность всего того, что я созерцал, зажгла во мне мысль, что, быть может, моя душа и в самом деле покинула на время свою земную темницу, что не более чудесно, чем столькие другие тайны творения. У меня в памяти всплыли некоторые взгляды древних писателей по этому предмету; вот отрывок из Цицерона:

«Если бы кто, взойдя один на небо, охватил взором

изобилие вселенной и красоту тел небесных, то созерцание это не принесло бы ему никакой радости; и оно же исполнило бы его восторгом, если бы было кому рассказать обо всем увиденном»¹³⁴

¶ немедленно возжелал вернуться на землю; я оказался в своей комнате. На какое-то мгновение я стал свидетелем странного зрелища – я смотрел на своё спящее тело, затем я вновь овладел им. Вскоре я встал (так мне показалось), взял в руку перо и начал подробно записывать всё, что только что видел. Наконец я проснулся [по настоящему] и тысяча самых чётких деталей почти в тот же миг изгладились из моей памяти.»

* * *

Мы видели, что многие физиологические причины, свойственные сну, приводят к возрастанию (в этом состоянии) физической и душевной чувствительности. Добавим одно замечание, которое равным образом прилагается и к реальной жизни. Великие зрелища природы пробуждают рвение, которое одна только сила воображения не смогла бы вызвать. Есть такая трагедия, которая извлекает слёзы благодаря иллюзиям, разыгранным на сцене, и которые оставили бы нас почти холодными без этого приспособления [т.е. сцены]. Аналогично, эмоции, которые вызываются в сновидении определёнными представлениями, особенно развиваются благодаря представлениям всех тех сцен и

---

¹³⁴ Гервей приводит следующий текст: *Si quis in coelum ascendisset, ibique solem, et lunam, et sidera prope vidisset, hoc tamen sibi injucundum fore, ni aliquem qui narraret habuisset.* Очевидно, он имел в виду следующий отрывок из диалогов Цицерона «О дружбе»: *Si quis in caelum ascendisset naturamque mundi et pulchritudinem siderum perspexisset, insuavem illam admirationem ei fore; quae iucundissima fuisset, si aliquem, cui narraret, habuisset,* перевод которого здесь представлен. – прим. И.Х.

картин, которые следуют за её движением. Тогда устанавливается какая-то нарастающая последовательность взаимной экзальтации: воображение усиливает образы, а образы – воображение. Эта экзальтация часто приводит нас в расположения духа, которые называют безумием у бодрствующего человека. Можем ли мы утверждать, что это психологическое явление не тождественно предыдущему, или что оно, по крайней мере, не достаточно аналогично, чтобы быть тщательно изученным?

* * *

Один мой друг-художник, который интересовался моими исследованиями и который сам повторял мои опыты, сообщил мне такой факт:

Одной ночью, в очень ясном сновидении, ему снилось, что он находится перед своим мольбертом, работая над каким-то религиозным сюжетом, чем он действительно был тогда занят, он увидел, как в его мастерскую входит какой-то незнакомец с учительской походкой, который взял у него его палитру и его кисти, стёр некоторые начатые фигуры, изменил оставшиеся, добавил другие, одним словом, переделал всю картину. В мановенье ока, холст был чудесно переписан, а сам чудесный художник исчез. Что до безмолвного созерцателя этой столь быстрой импровизации, то у него было чувство (ещё до пробуждения), что он когда-то давно уже видел сделанное произведение.

Художник, которому приснилось это сновидение не смог, подобно композитору Тартини, воспроизвести полностью свою композицию; но всё же он смог воспользоваться этим видением; так что он обязан одним из своих лучших полотен вдохновению своего сна.

* * *

Лишает ли нас сон нашей свободной воли? Есть ли

противоречие между возможностью вызывать и иногда управлять своими сновидениями и чувствовать себя порою также и вовлечённым в сновидение того, чего не хотелось бы?

Чтобы объяснить это непреодолимое вовлечение, которое заставляет нас совершать в некоторых сновидениях ужасные злодеяния, пагубный и преступный характер которых мы осознаём, но, тем не менее, это чувство [=осознание] нас не останавливает. Альфред Мори выдвинул весьма тонкую теорию, согласно которой «сновидец, который ещё и рассуждает, сравнивает, умозаключает, обобщает, но остаётся неспособным к обдумыванию [réflexion]; таким образом, что его совесть [conscience morale] уподобляется тому, что называют тем же именем у животных.»¹³⁵ Для меня, кто считает, что ум может сохранять все свои способности во время сна, я объясняю себе этот феномен совершенно другими соображениями.

Во-первых, я полагаю, что в большинстве сновидений этого сорта и, в особенности, в сверхчувственных сновидениях, именно крайняя экзальтация физической или душевной чувствительности, и только она и вызывает одно из тех кратковременных подавлений свободной воли, которая заставляет оправдать присяжными человека, чья виновность очевидна.

Во-вторых, возвращаясь к тому принципу, подтверждение которого так часто предоставляли мои практические наблюдения, а именно, что достаточно сильно подумать о чём-то, чтобы сновидение тотчас же это воплотило, я скажу, что один только страх (или же одна идея) перед каким-то преступным действием немедленно приводит к

---

¹³⁵ Мори. Сон и сновидения. – прим. автора.

тому, что сновидец видит себя в точности исполняющим то, чего он боялся. Человек может не позволить себе совершить плохой поступок, но не может помешать возникновению у себя такой мысли. Итак, иметь в сновидении мысль о чём-то – это неизбежно её исполнить.

Мы, таким образом, лишены нашей свободной воли в том смысле, что события происходят без какого бы то ни было участия нашей воли (и даже вопреки нашей воле), и происходит это за столь короткое время, что нет возможности ни на малейшее обдумывание; но из того что обдумывание опережается стремительностью событий, совсем не следует, что способность думать подавлена, и кто хорошенько понаблюдает тот точно узнает в том явлении, которое подчиняет нас иногда порочным видениям, явление, которое нам позволяет, при других обстоятельствах, видеть во сне исполнение наших желаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

 глянемся назад, а затем закроем эту книгу, которую можно было бы и дальше продолжать, но которая и так кажется мне слишком длинной.

Напомним в нескольких словах то, что мы пытались установить, как в отношении психологии сновидения вообще, так и в отношении практических способов вызывания в состоянии сновидения одних мыслеобразов или избавления от других, управления умом в его стихийных или намеренных движениях, и, наконец, управления своими сновидениями по своей воле.

Мы уже сказали, что мы не верим в сон мышления, что мы не считаем ни одну функцию упраздняемой сном, что хотя спящему человеку и тяжело иногда удерживать внимание, что хотя его воля ослаблена и рассуждения ошибочны, но зато воображение, память, чувствительность обретают огромную силу; таким образом что если состояние сновидения и не позволяет сохранять точное равновесие рассудка, необходимое для разумной деятельности ума, можно, по крайней мере, открыть в идеальном мире неизвестные горизонты реальной жизни.

Было указано на три существенных условия, необходимые для того, чтобы стать хозяином иллюзий своего сна.

1) Обладать во сне осознанием своего состояния — навык, который приобретается достаточно быстро одним лишь фактом ведения дневника сновидений;

2) Связать определённые воспоминания с определёнными сенсорными раздражителями, и привести затем эти раздражители в действие во время сна, что вызовет в

наших сновидениях те воспоминания-образы, которые были связаны с этими раздражителем;

3) Эти образы, внедряющиеся в картины наших сновидений, задействуют волю (которой никогда не будет недоставать, когда хорошо будут знать, что сновидят), чтобы направлять ими согласно принципу: *думать о чём-то – это его сновидеть*.

Какой-нибудь запах, вкус, прикосновение, музыкальный мотив вызывает воспоминание зрительного образа какого-нибудь человека или места. Я чувствую, что сновиджу, я направляю движение своих идей в русло, которое я сам им задаю. И я сновиджу, таким образом, как я желаю, и что я желаю.

Поведение сновидений и изготовление пороха – вещи, которые, кажется, не имеют ничего общего в своей природе, чтобы проводить параллель. Я никоим образом не претендую на то, чтобы присваивать заслуги их изобретения. Я лишь скажу, что эти три вышеуказанных психофизиологических элемента, подобны селитре, сере и углю – этим трём элементам другого вида. Поразительно – в них нет ничего удивительного; объединённые – они производят поразительный эффект.

Чисто теоретическое утверждение о качествах пороха определённо было когда-то принято с огромным недоверием, и я не могу требовать заранее большего доверия в результат тех способов, которые я предложил для управления иллюзиями сна. Соболаговолите, однако, следовать моим точным указаниям; проявите настойчивость, и тогда я с радостью заранее приму ваше суждение.

Здесь, я предвижу одно возражение или размышление некоторых позитивистски настроенных умов. Предположим, – подумают они, – что опыт действительно под-

тверждает всё то, что только что было высказано, что каждый будет в силе управлять своими сновидениями и подчинять в ночное время своё воображение своей воле, к каким же тогда последствиям приведёт это открытие, и какая будет от этого польза?

Позвольте мне ответить на это так: каждый находит полезным то, что его интересует; даже одной возможности сновидеть то, что хотим, будет достаточно, чтобы найти в этом своё удовольствие. Но я не думаю, я никогда не думал сводить к простому развлечению метод, который может послужить развитию науки, как и творческому вдохновению. Итак, повторяю здесь то, на чём я неоднократно уже настаивал, обращаясь к врачам и психологам, а именно, на пользу, которую они могут извлечь из этого метода.

И наконец, последнее слово, прежде чем отложить перо, чтобы выступить против того вечного сравнения сна и смерти, которым и древние и современные авторы так навязчиво злоупотребляют. Как бы это ни рассматривали, с материальной точки зрения, или же с материалистической точки зрения; как бы видимость трупа, которого хотят найти под видом спящего человека, или же пример возможного уничтожения «я», которое думают найти во временном отсутствии мышления, – такое сравнение равно ошибочно со всех точек зрения.

Впрочем, не является ли странным, сравнивать одно состояние, которого совсем не знают с другим состоянием, которого не знают так же?

И отдаю предпочтение одной старой аксиоме, которая говорит нам: жизнь – это сон. Для тех, для кого она является сном мучительным, она, по крайней мере, оставляет радостную мысль о пробуждении в смерти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СНОВИДЕНИЕ ПОСЛЕ ПРИЁМА ГАШИША

высказал мнение, разделяемое, между прочим, весьма большим числом физиологов, что сновидения в состояниях сомнамбулизма и магнетизма [гипнотизма], видения экстаичных и галлюцинирующих, равно как и сновидения, вызванные всеми видами ядов и наркотиков, являются ничем иным, как более или менее болезненными видоизменениями естественного сновидения. Но в основной части книги, посвящённой исследованию исключительно естественных сновидений, я воздерживался от включения каких-либо наблюдений, чуждых психологическим проявлениям естественного сна.

В приложении, как в дополнительном документе, нижеследующее описание не останется, однако, без интереса. В нём можно будет найти, я думаю, элементы для сравнения, результатом которого будет доказательство того, что перевозбуждение мозга, которое умножает и ускоряет движение идей, совсем не видоизменяет этим самым свойственные им привычные законы ассоциации.

Живость нападающих на нас иллюзий, когда мы находимся под влиянием наркотиков, таких как опиум или гашиш, известна, конечно же, почти всем. Однако, есть и одна менее известная особенность, которая заключается в том, что когда такие вещества употребляют в первый раз, то редко случается испытывать прелестные исступления, которые испытывают те, кто имеют привычку их употребления. Это, примерно, так же как и с первой сигарой – физическая тошнота берёт верх.

Опиум, который мне часто предписывали в больших дозах во время затяжной болезни, случившейся со мною, как я выяснил, приводит к постепенному изменению тягостных и мучительных сновидений на другие – полные идеализма и опьянения.

Что касается гашиша, с которым я имел любопытство экспериментировать в полностью здоровом состоянии, то вот первое сновидение, которое он мне доставил:

«Мне казалось, что в моём мозге кое-что запустилось, как пружина испорченных часов, и что вся цепочка моих воспоминаний раскручивалась сама собой с бессвязностью и неслыханной быстротой. На какой-то грунтовой с неровностями дороге, освещённой бледным светом, я видел, как проходили нескончаемые вереницы каких-то людей, одетых в чёрные или глянцевые униформы, истерично танцующих, страшных нищих, увенчанных цветами женщин, восседающих на гробах и разъезжающих на катафалках; далее, экипажи, останавливающиеся передо мною с распаивающимися дверцами, как бы приглашая меня ими воспользоваться. Таинственное влечение влекло меня к ним, но, как раз перед тем как войти, я в ужасе отскочил; не знаю, какой инстинкт сказал мне, что они отвезут меня к чему-то ужасному. Тогда я решил идти пешком, наталкиваясь на всех прохожих и быстро двигаясь к цели, к которой я чувствовал необходимость добраться как можно скорее, однако, без возможности осознать, что же происходит, ни попытаться спросить об этом кого-нибудь из многочисленных людей, толкающих меня, убеждённый, что в каждом из них я должен видеть врага. Наконец я прибыл к этой неизвестной цели, и я оказался с одной молодой дамой в апартаментах другой, возвращения которой с минуты на минуту я боялся. Оттуда я переместился, не знаю как, в великолепный и ярко освещённый салон. Я был в одежде для бала, видимо, я пришёл на большой праздник;

я осмотрел свою одежду и заметил, что она запачкана какой-то странной пеной. Я поднял глаза, передо мною был образ одной любимой женщины, но постаревшей лет на двадцать и закутанной в монашеские одеяния. Тогда когда салон наполнился модно одетым обществом, я заметил, что освещение начинает тускнеть; но в то же время я заметил, что мне достаточно взглянуть на свечи одну за другой, чтобы они тот час же вновь зажглись. Вскоре пламя появлялось на всём, на что падал мой взгляд. Платья самых очаровательных дам воспламенялись от моего взгляда, как трут от солнечных лучей, сфокусированных на него линзой. Осыпался пепел и это были ужасные скелеты, или мертвецки синие мумии, или уроды, изъеденные язвами, которые оставались на месте восхитительных тел. Только одна голова оставалась очаровательной и бросала на меня мучительно гневные взгляды. То, что не возгоралось, принимало перед моим взором самые фантастичные и бессмысленные формы; диван удлинился и стал неизмеримо длинной лестницей. Я захотел убежать; эта лестница превратилась в разверзшийся колодец. Однако я ускользнул из этого проклятого места; я вскочил в один из тех экипажей с распахнутыми дверцами, которые я уже видел, и чьёго таинственного местоназначения на этот раз я не боялся — так сильно я хотел убежать отсюда. Я уселся; экипаж тронулся. О, ужас! Он залит кровью. Я хочу сойти, но уже слишком поздно; мы мчимся с невероятной скоростью. Куда я еду? — я не знал; лишь замечал по дороге тысячи совершенно неопределённых вещей, которые внушали мне глубокий ужас. Мне показалось, что я слышу, как издалека доноситься голос одного моего друга, которого я вовлёк, в чём я не сомневался, в неизбежную погибель, и который, умирая, осыпал меня проклятиями. Мне захотелось умереть, чтобы выйти из этой бездны мучительных мыслей; но какой-то голос кричал мне, что это отчаянное желание не

будет удовлетворено. На короткие промежутки времени я смутно приходил в себя. Я понимал, что у меня повредился мозг, но не знал было это временно или навсегда. Ужасные мысли нападали на меня: быть может, я сошёл с ума, а забота о продолжении моей жизни – эта медвежья услуга моей семьи – только продлит мои мучения, вызванные этой пекельной фантасмагорией.

И я никак не мог понять что же со мною происходит, поскольку я был, так сказать, изолированным от реального мира.

В один момент я, кажется, вспомнил, что я уже был в подобном состоянии, и что тогда мне удалось избавиться от него. Я приложил огромное усилие, чтобы припомнить эту идею, чтобы прояснить ситуацию, чтобы *опомниться*; но такое усилие вызвало ужасную боль в мозге, и произошло нечто странное – мне показалось, что я увидел идею, которую хотел вспомнить, под видом какой-то пиявки, которая тщетно пыталась присосаться к внутренним стенкам моего черепа, тогда как какая-то непреодолимая сила всё время её отрывала и заставляла кружиться вместе с другими в каком-то общем вихре.

Далее несколько пробелов в памяти. Затем последовали унижительные образы и сцены. Так, я видел себя в униформе с орденами, стоящим посреди грязной площади, заполненной дворниками и пьяницами, которые осыпали меня насмешками и грязью. Или же, мне казалось, что я украд какую-то безделушку, находясь под властью необъяснимого наваждения; и меня вели в тюрьму, и всем людям, в глазах которых я должен был держаться достойно, казалось, была назначена встреча, чтобы проводить меня. Однако мне удалось вырваться. С огромной скоростью я выбежал на широченную дорогу. Я добрался до шлагбаума одного города, в котором я надеялся найти надёжное убе-

жище. Там я имел дело с какими-то странными таможенниками. Они бросали свои огненные взгляды в глубину моей головы, так как они должны были осмотреть мои мысли, а не мой багаж. Какое-то внутреннее откровение дало мне понять, что я был перенесён в некий мир, где нумеральное заменяет феноменальное [духовное – материальное], где контрабанда – умственная, где поставляют идеи, как мы поставляем продовольствие. Я опасался, что таможенники могут найти во мне что-то неправильное; и мне сразу же показалось, что я вспомнил, что не знаю, какое преступление я совершил. Тем не менее, я вошёл в этот город; только вот меня обязали оставить моё тело за шлагбаумом. Я видел, как его аккуратно положили в ящик, на котором было написано моё имя; и мне казалось что я бродил по городу как тень, слыша голоса таких же невидимых как и я людей, и воспринимал тысячи странных впечатлений из реального мира. То это были какие-то умственные предметы, которые, однако, были закрыты в золотых или свинцовых ящиках; то это были сущностно материальные объекты, которые двигались сами собой и беседовали со мною. И мне казалось, что я понимал всё это.

Вскоре я увидел себя в каком-то амфитеатре, где я присутствовал при ужасной хирургической операции. Она должна была проводиться на одном заключённом, который пытался похитить своё тело из таможи. Я почувствовал огромную жалость по отношению к жертве, и затем, как только хирург сделал свой первый надрез скальпелем на плоти пациента, я почувствовал острую боль, и я узнал, что это мне самому предстояло вынести все мучения этой жестокости. Я хотел убежать, но меня связали; и осуждённый злобно подшучивал надо мною по поводу этого переноса чувствительности, которая была ему на пользу. Интенсивность этой эмоции вытащила меня, я не знаю как, из этой критической ситуации; но лишь для того, чтобы под-

вергнуть новой серии пекельных неожиданностей.

Сначала меня охватил смутный и внезапный страх, когда я находился в восхитительной комнате с многочисленными входами, через которые я приготовился увидеть прибытие зловещих призраков. Как только я открыл одну дверь, прямо до меня донеслись душераздирающие стоны. Затем пришли многочисленные друзья, чтобы заключить меня в свои похотливые объятия; я не осмелился им сопротивляться, и я слышал, как они смеялись бесстыдным смехом, покидая меня. А затем я увидел свой невероятно раздутый желудок; я вспомнил, что проглотил неизвестную рептилию, которая несомненно росла, и которая закончит тем, что разорвёт мой живот, чтобы показать перед моим лицом свою смрадную и отвратительную голову.

Всё это прошло. Я вернулся к идее посетить внутренность моего собственного черепа, который, как мне казалось, принял гигантские размеры. Я прогуливался по тайникам своей памяти и по лабораториям своего мозга. Я видел там схороненными восхитительные богатства, при этом имея чувство, что я никогда не смогу их оттуда извлечь. Я увидел там также многочисленные отвратительные инстинкты, и я дрожал от страха при мысли о том, к чему они могут привести. Впрочем, я не знал, как управлять этими неопикуемыми инструментами этой громадной лаборатории; я коснулся одного наугад; он издал страшный шум, и я был убеждён, что мой черепной свод вот-вот падёт под натиском какого-то невероятного урагана, если я вскоре не сделаю в нём отверстие для выхода, так сказать, не трепанирую себя...

Так вот протекало это безумное сновидение. Иногда я пытался, сильным усилием воли, сбросить с себя тиранию этих ввергающих в отчаянье иллюзий; отчасти я брал в руки вожжи своих мыслей; но мне не хватало силы, что-

бы проснуться, и сновидение тогда возобновлялось с удвоенной силой, и мне казалось, как со всех сторон меня окружают шутовские головы. В конце концов, время от времени, мой помрачённый ум пересекал помысел о самоубийстве, как вспышка молнии в ураганной ночи; и я спрашивал себя, не есть ли то что я испытываю, душевной агонией, или быть может это состояние было самой смертью, и, тем самым, вечным покоем, которого я искал.»

Таковыми были впечатления, насколько я смог их вспомнить. Однако они не составляли и тысячной части всего того, что проносилось в моём уме. Усиление душевной чувствительности было невероятным; но по характеру и по развитию идей, я не открыл ничего, что бы не подтверждало мой взгляд, что для объяснения самых разнообразных патологических явлений достаточно исследования естественных сновидений.

Пробуждение происходило постепенно. Когда мои видения потеряли свою чёткость, они также стали и более мирными. У меня был период вполне спокойной сонливости, наполненной мимолётными образами, многие из которых были великолепными; и пять или шесть раз я открывал глаза, почти ничего не видя, до того как окончательно овладел собою.

Весь последующий день я находился в состоянии физической и душевной заторможенности, которое отличалось изменой памяти. Однако, будучи убеждён, что само это положение является очень благоприятным для анализа частного расстройства ума, в котором я находился, я взял свою достаточно неуклюжею рукою перо и записал свои впечатления с полузакрытыми глазами. Возможно этот отчёт и не такой интересный, каковым я его считал в момент написания, тем не менее, он предлагает, относительно этого промежуточного состояния между бодрствованием и

сном, несколько ценных указаний:

«Состояние ума, в котором я сейчас нахожусь исключительное. Мне кажется, что я во сне наяву, и я вижу, как бы сквозь туман, рассеянный по моим мыслям, разворачивается целая серия тесно связанных воспоминаний. По крайней мере, я их осознаю, но я не воспринимаю достаточно чётко ни одной идеи, чтобы иметь возможность их различать. Я чувствую, что если бы смог остановить одну, она сразу же стала бы ключом к тем, которые ей предшествовали и за ней последуют; но все они убегали, не давая возможности себя поймать, за исключением лишь кое-каких смутных абстракций, которые не дали мне ничего. Разве это не есть сновидение без образов, такое же бессвязное, такая же стихийная последовательность воспоминаний?

Если я пытаюсь рассеять этот туман, что обволакивает это «сновидение», я сразу же чувствую достаточно острую боль в голове, и если я хочу вернуться к реальности, вместо того, чтобы следовать за своими мыслями, я как бы мгновенно теряю память об условиях моего собственного существования. То, что я знаю лучше, ускользает от меня, и каждое мимолётное впечатление забывается с такой быстротой, что я едва ли могу закончить фразу, которую хочу записать на этой бумаге. Фразы, которые я в этот самый момент царапаю, чертятся, так сказать, механически, благодаря инстинктивно установленной связи между словами, возникающими у меня в голове и знаками письма, им соответствующими, ибо у меня нет достаточно свободы ума, чтобы обдумывать то, что я пишу. Если хотим сохранить хоть какие-то воспоминания этого странного хаоса, надо, следовательно, позволить перу писать настолько быстро, насколько это возможно, не перечитывая эти улетающие впечатления, и не пытаюсь понять то, что сможем. Поле моих мыслей напоминает мне белый экран, на кото-

ром проходят, не оставляя следа, образы волшебного фонаря [проекторного аппарата], цветные негативы которого определённо не теряются, но, по меньшей мере, исчезают при их прохождении через чёрные кассеты. Даже стенография беспомощна уловить определённые наблюдения, которые на мгновение поражают меня своей точной ясностью, но которые требуют многочисленных предложений, чтобы быть изложенными, тогда как они едва ли представляются моему уму на одну секунду. Вскоре рука разбита усталостью. Что до этих неуловимых мыслей, я думаю, что они ещё в том схожи с образами волшебного фонаря, что являются не более чем отражениями, а не новыми представлениями.

И последовательность идей, которая у меня порождается в этот момент, почти всегда начинается с неясного понятия, которое я пытаюсь тщетно прояснить. Это неясное понятие ведёт меня ко второму впечатлению не менее туманному, это второе – к третьему, и так далее, так что ни одно из них не представляется с большей чёткостью. Я предполагаю, что если я бы задремал, эти неполные идеи не заставили бы себя долго ждать, чтобы они определённо образовали какие-нибудь из тех чудовищных и неопишуемых сновидений, образы которых не поддаются никакому анализу, как логика – никакому рассуждению.»

Имея возможность принять гашиш повторно, но поместив себя, на этот раз, под воздействие весёлой музыки и других обстоятельств, способных придать моим идеям более приятное направление, я пережил сновидение совершенно отличное от того, пересказ которого я только что привёл. Что до состояния моего ума на следующий день, то оно было в точности таким же как и в первый раз.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОСОЗНАННЫМ СНОВИДЕНИЯМ

- (1867) **Гервей де Сен-Дени**. Сновидения и способы ими управлять: практические наблюдения, 2011;
- (1913) **Фредерик ван Эден**. Исследование сновидений в состоянии ясного сознания, 2011;
- (1935) **П. Д. Успенский**. Новая модель Вселенной / Глава 7: Об изучении снов и гипнотизме.
- (1938) **Оливер Фокс**. Астральная проекция: хроники внетелесных переживаний, 2011;
- (1951) **Килтон Стюарт**.¹³⁶ Представление о сне в Малайзии. В книге Чарльза Тарта. Изменённые состояния сознания, 2003;
- (1961) **Михаил Уайтман**. Мистическая жизнь. (Перевод готовится)
- (1968) **Цилия Грин**. Осознанные сновидения. Изд. «Старклайт», М., 2003;
- (1974) **Патриция Гарфилд**. Творческое сновидение. 1996;
- (1985) **Стивен Лаберж**. Осознанное сновидение. Изд. «София», К., Изд. Трансперсонального Института, М., 1996.
- (1987) **Кеннет Келзер**. Солнце и тень: мой эксперимент с

---

¹³⁶ Теория антрополога Килтона Стюарта об осознанных сновидениях, якобы практикуемых в племени сеноев не нашла своего подтверждения. См. по этому поводу книги: G. William Domhoff (1985). The mystique of dreams: a search for utopia through Senoi dream theory. или G. William Domhoff (2003). Senoi Dream Theory: Myth, Scientific Method, and the Dreamwork Movement. – прим. И.Х.

осознаваемым сновидением. Изд. Трансперсонального Института, М., 1997.

(1990) **С. Лабреж, Х. Рейнголд.** Практика осознанного сновидения. Изд. «София», К., Изд. Трансперсонального Института, М., 1996.

(1994) **С. Грин.** Осознанное сновидение: парадокс сознания во время сна, 2011;

План переводов на 2012 г.

(1989) **Дж. Гакенбах, Дж. Босвельд.** Управляйте своими сновидениями.

(1995) **Малкольм Годвин.** Осознанный сновидец: руководство к пробуждению для странника между мирами.

(2006) **Томас Юшак.** Глубокое осознанное сновидение: как добиться глубоких осознанных сновидений и внетелесных переживаний медикаментозными средствами.

(2009) **Роберт Ваггонер.** Осознанное сновидение: путь внутрь себя.

P. S.

Наиболее полная электронная библиотека литературы по осознанным сновидениям на русском языке:

<http://www.koob.ru/dreams/>

или

<http://www.bookfi.org>